

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена
Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

На правах рукописи

Васеха Мария Владимировна

**РУССКАЯ КРЕСТЬЯНКА В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук В.А. Липинская

Москва - 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1: ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ И ЖЕНЩИНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920 – Е ГОДЫ	
1.1. Политика советского государства в отношении семьи и женщины в 1920-е годы	40
1.2. Вовлечение сибирских крестьянок в общественно-политическую деятельность	52
1.3. Международный женский коммунистический праздник 8 Марта и его роль в формировании образа новой советской женщины	71
1.4. Конструирование новых женских поведенческих паттернов под влиянием женской всесоюзной и сибирской прессы	81
ГЛАВА 2: КРЕСТЬЯНКА-СИБИРЯЧКА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 1920-Х ГОДОВ.	
2.1. Развитие народного образования в деревне и женская грамотность ...	102
2.2. Охрана материнства и младенчества в Западной Сибири	116
2.3. Новые практики планирования семьи в сибирской деревне	135
2.4. Антирелигиозная работа среди сибирячек	147
ГЛАВА 3. ТРАДИЦИИ И СОВЕТСКИЕ НОВАЦИИ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОБЫЧАЯХ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В 1920 – Е ГОДЫ.....	162
3.1. Конструирование новой «красной обрядности» в рамках политики строительства «нового быта»	164
3.2. Выбор брачного партнера и массовые встречи молодежи: вечорки vs «красные избушки»	169
3.3. Роль женщины в вопросах заключения брака: традиции vs «красная обрядность»	184
3.4. Лиминальная обрядность: крестины vs «октябрины»	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИНФОРМАНТОВ	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. В XX веке произошли трансформации ряда представлений о базовых ценностях русского народа, в том числе связанных с местом и ролью женщины в семье и общественной жизни. Адаптация российских женщин к новым вызовам – политическим, экономическим и социокультурным – изменила их отношение к браку, деторождению, религии, образованию, построению карьеры, в целом, к формированию своих жизненных стратегий.

Анализ социокультурных процессов 1920-х гг. позволяет понять и оценить то, что происходит в настоящее время, и прогнозировать будущее развитие общества. Каждый исторический период транслирует те или иные женские образы и приписываемые им жизненные стратегии, а также соответствующие механизмы их функционирования в конкретном социуме. Выявление и анализ этих механизмов, понимание принципов их функционирования имеют практическую значимость, поскольку позволяют оценить современную ситуацию, в частности, могут быть использованы при корректировании политики государства. Жизненные установки женщин напрямую влияют на демографическую ситуацию в стране. Демографическая ситуация, в свою очередь, во многом определяет социально-экономическое развитие Российской Федерации, а демографическая картина российского общества говорит о степени его жизнеспособности.

Степень изученности проблемы. Руководствуясь проблемно-хронологическим принципом, все исследования по вопросам трансформации положения крестьянок и работниц в СССР можно условно разделить на четыре периода: 1917 – конец 1920-х гг., 1930 – середина 1950-х гг., вторая половина 1950-х – до конца 1980-х, с 1990-х гг. по настоящее время.

Первый период: 1917 – конец 1920-х гг. Спецификой указанного времени стало накопление первичной историографии проблем, связанных с историей «женского вопроса» в СССР. Труды идеологов решения «женского вопроса» и исследователей «положения» женщин автор диссертации также относит к самым важным источникам для изучения темы социального гендерного конструирования.

Корпус основных авторов по решению «женского вопроса» в СССР представляли А.М. Коллонтай¹, Н.К. Крупская², К.И. Николаева³, С.Н. Смидович⁴, А.В. Артюхина⁵, В.П. Лебедева⁶, Л.Н. Сталь⁷ и другие известные деятельницы советского женского движения. В их трудах были поставлены основные вопросы социального положения и роли женщины в обществе, отражены общественно-политические дискуссии о месте и правах женщины в публичном пространстве. Работы этого периода позволяют проследить, какие первоочередные задачи и установки в отношении женского населения ставило государство, а также как оценивались результаты работы по этому направлению.

Безусловно, важным источником для понимания идеологических установок при создании образа «новой женщины» в СССР являются работы В.И. Ленина⁸. Именно его разработки «женского вопроса» легли в основу государственной гендерной политики. Один из основных идеологов советской «культурной революции» Л.Д. Троцкий⁹ видел неотъемлемой частью революции создание «нового советского человека», что предполагало также и «новую женщину». Женщину начала XX в. советские идеологи представляли «существом наиболее темным, отсталым», поэтому для ее перерождения в «советскую женщину» необходимо было решить «женский вопрос» – провести крупномасштабную

¹ Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Ч. 2: Антология любви. М.: Политиздат, 1990; Коллонтай А.М. Работница и крестьянка в Советской России. М.; П., 1923. – 35 с.; Коллонтай А.М. Работница-мать. Омск, 1920. – 32 с.; Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней: Речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами. М., 1921. – 23 с.; и т.д.

² Крупская Н.К. 8 марта международный женский день. М., 1928. – 16 с.; Крупская Н.К. Политико-воспитательная работа 1920–1923 гг.: Сборник статей. М., 1924; Крупская Н.К. Заветы Ленина и раскрепощение женщины. М., 1933; и т.д.

³ Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925; Николаева К.И. О социальном воспитании детей // Коммунистка. 1920. № 5.

⁴ Смидович С.Н. Задачи женотдела // Коммунистка. 1922. № 2.

⁵ Артюхина А.В. Очередные задачи партии в работе среди женщин. М.; Л., 1928; Деятельность отделов по работе среди женщин Р.К.П.(б). М., 1921; и пр.

⁶ Лебедева В.П. Некоторые итоги. М., 1928. – 32 с.; Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества и охрана женского труда. М., 1922; и т.д.

⁷ Сталь Л.Н. Чему учил В.И. Ленин работниц и крестьянок. М., 1926.

⁸ Ленин В.И. К 8 марта. М.: Отдел работниц ЦКРКП, 1924. – 24 с.; Ленин В.И. Письмо Инессе Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 49. С. 54–57; Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. – 595 с. и т.д.

⁹ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. – 164 с.; Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. – 24 с.; Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. – 32 с. и т.д.

политическую акцию, направленную на изменение сознания и самоосознания женщин, их положения и роли в семейной и общественной жизни.

Определенное воздействие на формирование образа советского гражданина оказали работы советского психиатра А.Б. Залкинда¹⁰ с его революционно-аскетическим подходом к вопросам половой морали. В его представлении личная жизнь человека должна была быть подчинена классовому контролю, в связи с чем он разработал двенадцать заповедей полового поведения пролетариата, строго ограничивавших сексуальное поведение советского человека¹¹.

Вторичными по отношению к ведущим трудам идеологов в области «женского вопроса», но не менее интересными для исследователя являются методические пособия и практические рекомендации для работы «на местах», в женотделах, на делегатских собраниях, в клубах и избах-читальнях и т.д. Эти издания представляли собой небольшие брошюры, где доступным языком объяснялись главные принципы работы с женщинами¹². В них методисты излагали план необходимых мероприятий, предлагали вопросы для обсуждения в ходе встреч и делегатских собраний и т.д. Одной из наиболее популярных тем брошюр было объяснение позиции В.И. Ленина по поводу «женского вопроса»¹³. Крупномасштабно издавались практические рекомендации в области охраны материнства и младенчества¹⁴. Поскольку религию считали основным врагом на пути становления советского гражданина, распространенной литературой в 1920-е гг. были методические разработки для проведения антирелигиозной пропаганды¹⁵, методическая литература о внедрении новой советской обрядности, в частности, о

¹⁰ Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. М., 1926. С. 56, 59.

¹¹ Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Революция и молодёжь. М.: Издательство Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924.

¹² Материалы и методологические указания к программной и практической работе делегатских собраний крестьянок Сибирского Края. Новосибирск, 1927; Балакин Е., Шастин Н. Комсомол и советское строительство в деревне. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926; и пр.

¹³ Сталь Л. Чему учил В.И. Ленин работниц и крестьянок. М.; Л., 1926; Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925; и пр.

¹⁴ Серман Г. Что такое охрана материнства и младенчества и как ее нужно строить? Гомель, 1920; Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на западе и в СССР. Исторический очерк. М., 1929; и пр.

¹⁵ Степанов И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.; Л., 1925. – 76 с.; Сталь Л. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.; Л., 1926; Абрамов Ф. Как вести антирелигиозную работу среди крестьянок. М.; Л., 1930; и пр.

роли женщины в этом процессе¹⁶. Поражает количество пособий о внедрении нового советского женского праздника – 8 Марта. Они представляли собой информационные материалы по истории мирового женского движения и политики в отношении женщин в СССР, а также подробные инструкции по организации и проведению мероприятия на местах¹⁷.

Анализ работ, написанных современниками событий 1920-х гг. о «положении женщин» в досоветском и советском обществе, об уровне их материальной и социальной защищенности позволяет понять круг проблем¹⁸, интересовавших исследователей того времени и их восприятие населением. В литературе этого периода отражен общественно-политический дискурс по вопросу определения места женщины в новом советском обществе. Как исторический источник эти работы также позволяют выявить основные черты конструируемого образа советской женщины. Пожалуй, единственной изданной в Сибири этнографической работой, в которой нашли отражение процессы трансформации крестьянских нравов и женского поведения, стал труд этнографа-сибироведа М.В. Бородкиной¹⁹. Исследовательница отмечала упрощение поведения молодежи в Томской губернии, отражение новых сюжетов в темах сибирского фольклора.

¹⁶ Волжский А. Рождественская вечеринка. М.; Л., 1926; Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых. М., 1926; Марков В.Д. Живые доклады. Руководство для деревенских политпросветчиков и драматических кружков. М.: Центральный дом искусства в деревне им. народного художника В.Д. Поленова «Долой Неграмотность», 1927; Марков В.Д. Красная свадьба в деревне. М.: Центральный дом искусства в деревне им. народного художника В.Д. Поленова «Долой Неграмотность», 1927; и пр.

¹⁷ Ковнатор Р. 8 марта. Международный женский коммунистический день. М.; Л., 1925; 8 марта в деревне. Л.: Сектор «Работница и крестьянка», 1926; 8 марта в избе-читальне. Инструктивный сборник. М.; Л., 1926; 8-е марта в избе-читальне. Материалы к проведению международного дня работницы и крестьянки. Составлено при участии женотдела Ленинградского Губкома РКП(б). Л.: Сектор «Работница и крестьянка», 1925; 8-е марта 1925 года – 8-е марта 1926 года. Сборник циркулярных распоряжений и постановлений по работе среди работниц и крестьянок, партийных, советских, профессиональных и кооперативных органов на 1925 г. М., 1925; 8-ое марта. Материалы для городских докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню в 1928 г. Ростов-на-Дону: Издание АПО и Отдела работниц и крестьянок Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП(б), 1928. – 32 с.; и пр.

¹⁸ Аборты в 1925 г. М., 1927; Баранов А., Сибирячка З. Женщины Урала в борьбе и за работой. Свердловск: Издание Отдела работниц и крестьянок и истпарта Ураловкома ВКП(б), 1928; Беленький Г.С. Женщина работница и социальная политика (Санитарно-социологический этюд). Томск: Изд. Томского губ. отдел, 1921; Бушмакин Н.Д. Особенности населения Сибири перед лицом индустриализации // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. 5. Новосибирск, 1928. С. 53–58; Васильева Л.И. Организация труда в крестьянском хозяйстве. Вып. 22. Омск: Изд-во Западно-Сибирской обл. сельскохозяйственной опытной станции, 1929. – 65 с., 9 таблиц; Коробейников Н.А. Труженица Урала на борьбу за новую жизнь. Свердловск; Москва, 1930; и пр.

¹⁹ Бородкина М.В. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1.

Второй период: с 1930-х годов до середины 1950-х гг. В этот период идеологические установки, которым следовало советское научное сообщество, во многом определяли выбор проблематики исследований, тем более что некоторые источники были недоступны для историков. В фокус исследовательского внимания чаще всего попадали такие темы как становление советского аппарата, разрабатывавшего вопрос «раскрепощения» женщин: участие женщин в социалистическом строительстве, «коренное» изменение положения женщины в обществе, работа женотделов и пр. В силу идеологического фактора большинство исследователей «женского вопроса» (в основном истории становления и развития «женотдела» при ЦК РКП(б) и ВКП(б)) заканчивали свои изыскания 1930 годом (годом закрытия Женотдела) с характерным выводом о том, что к началу 1930-х годов «женский вопрос» в СССР «в основном был решен»²⁰. С 1930-х гг. до первой половины 1950-х гг., в связи с тезисом об окончательном «закрытии» названного вопроса, наблюдалась потеря интереса к положению женщины в общественной жизни у советских идеологов, а также и в средствах массовой информации. Все опубликованные работы этого периода сводились к сопоставлению положения женщин в СССР до и после советских преобразований, а также к сравнению с капиталистическими странами²¹. Авторы этих работ чаще всего опирались на данные официальной статистики и на цитаты из публичных выступлений партийных лидеров. Более обстоятельными трудами этого периода можно назвать две монографии Н.Д. Араловец²², которые открыли череду работ о «пробуждении» и развитии социальной и трудовой активности женщин и возрастании их роли в советском хозяйстве и экономике.

Третий период: со второй половины 1950-х до конца 1980-х гг. Изучение женщин и «женского вопроса» в этот период характеризовалось расширением источниковой базы проводимых исследований: привлекались архивные материалы

²⁰ Юскаев Р.Р. Западная историография женского движения в Советском Союзе в 1920–30 годах // Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений. Сборник научных статей аспирантов. Ч. 1. СПб., 1995. С. 128.

²¹ Карасева Л. Женщина в колхозах большая сила. М., 1954; Кирсанова К. Полное равноправие женщин в СССР. М.; Л., 1936; Маршева В., Исаев А., Штейнвах Е. Женский труд в промышленности. М., 1933; Серебренников Г.Н. Женский труд в СССР. М.; Л., 1934.

о работе женотделов, данные периодических изданий, анализировалась законодательная база. Ведущей темой практически всех исследований стала проблема «освобождения» женщин и вовлечения их в общественную жизнь, исследовалась также роль женщин в революционной борьбе, при этом репрезентировались сугубо положительные изменения в статусе женщин под руководством Советов²³. Во всех работах делается вывод о неоспоримом росте общественного и политического сознания женщин, однозначно позитивном влиянии советских преобразований на исторические судьбы женщин. В целом, советская историческая литература, посвященная решению «женского вопроса» в СССР, вплоть до середины 1980-х гг. по вполне понятным сегодня идеологическим причинам отстаивала и научно обосновывала успешную реализацию советской политики.

Яркой чертой этого периода можно назвать появление многочисленных мемуаров, автобиографий и биографических интервью женщин – общественных активисток 1920-х гг. Именно в этот период имена не только первых революционерок, но и даже рядовых общественных деятельниц-тружениц начинают обрастать героической мифологией, они становятся примерами для подражания²⁴. Таким образом, можно говорить о целенаправленном конструировании как образа советской женщины, так и исторической памяти, которая закреплялась на практике в имянаречении, названиях школ, пионерских дружин и улиц советских городов.

Дальнейшее развитие получили исследования роли женщин в социалистическом строительстве государства, в частности, в период восстановления народного хозяйства. Что нашло отражение в работах И.Х.

²² Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954; Араловец Н.Д. Советская женщина – великая сила советского государства. М., 1946.

²³ Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; Любимова С.Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967; Любимова С.Т. Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9. С. 68–77; Румянцева И.Н. Борьба партийных организаций Западной Сибири за вовлечение женщин в хозяйственный подъем деревни накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // Из истории партийных организаций Западной Сибири (1917–1967 гг.). Уч. записки. Сб. 87. Свердловск, 1969; Участницы великого созидания. М., 1962.

²⁴ Артюхина А. Октябрем мобилизованные. М., 1967; Женщины рассказывают. Воспоминания, статьи (1918–1959). Смоленск, 1959; Курская А.С. Пережитое (воспоминания). М., 1965; Славные большевички. М., 1958; Участницы великого созидания. М., 1962.

Строковой, И.П. Козловой, Е.Д. Емельяновой, К.Е. Климанской²⁵ и других авторов. По понятным причинам, исторические исследования советского периода в области «женского вопроса», вовлечения женщин в общественную и политическую жизнь государства, роли партии написаны в русле марксистско-ленинского понимания этого процесса.

При этом, вслед за первыми советскими идеологами, исследователи 1950–1980-х гг. рассматривали женщин в послереволюционный период как пассивный объект, некую «женскую массу», за умы которой боролись не только молодая советская власть, но и «антисоветские элементы» («эсеровское меньшинство», «попы», «кулаки» и пр.). Важно отметить введение в этот период в научный оборот новых исторических фактов, отражавших влияние женщин на общую обстановку в обществе; например, о массовых женских волнениях 1920–1921 гг. в Челябинской и Тюменской губерниях²⁶ или о решающей роли женского мнения в судьбе продразверстки в сибирской деревне²⁷. Важно отметить, что одними из первых в Сибири к исследованиям женской проблематики обратились томские историки²⁸.

В исследованиях раннего женского движения немало внимания было уделено «псевдореволюционным», «мелкобуржуазным», «променьшевистско-эсеровским» организациям среди женщин²⁹. Еще одной популярной «женской» темой стало изучение «ликвидаторских настроений» по отношению к женотделам при переходе страны к НЭПу. Наиболее значимы по этому вопросу работы И.Х. Строковой и Е.Д. Емельяновой³⁰.

²⁵ Строкова И.Х. Борьба КПСС за вовлечение женщин-работниц в социалистическое строительство в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1954; Козлова И.П. Борьба КПСС за повышение культурно-политического уровня и уровня политической активности крестьянок в конце восстановительного периода (1924–1925 гг.). М., 1959; Емельянова Е.Д. Борьба КПСС за вовлечение трудящихся женщин в социалистическое строительство в восстановительный период. М., 1960.

²⁶ Анистратенко В.П. Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1970; Богданов М. Разгром Западно-сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.

²⁷ Климанская К.Е. О некоторых формах массово-политической работы среди крестьянок Сибири (1921–1925 гг.) // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969.

²⁸ Например, К.Е. Климанская, И.Н. Румянцева и пр.

²⁹ Баикина А.И. Из истории работы партийных организаций Зауралья // Общественные науки и молодежь. Тюмень, 1975.

³⁰ Строкова И.Х. Борьба КПСС за вовлечение женщин-работниц в социалистическое строительство в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1954; Емельянова Е.Д. Борьба КПСС за вовлечение трудящихся женщин в социалистическое строительство в восстановительный период. М., 1960; Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Смоленск, 1971.

Существенно, что с 1950-х гг. начинают расширяться географические рамки так называемых «женских» исследований; появляется ряд работ, посвященных региональным аспектам проблемы. На локальных материалах партийной работы среди женщин этот вопрос раскрыли К.В. Борщук (Забайкалье), А.И. Баикина (Урал и Зауралье), Г.Ф. Горнова (Пермская губерния), Н.В. Олзоева (Бурятская область), Д.В. Прончатова-Рубцова (Нижегородская губерния), Г.Т. Уварова (центрально-черноземные районы) и др.³¹

Одной из важнейших тем, поднимаемых в работах советских историков по «женскому вопросу», была проблема политической подготовки женщин к советской общественной деятельности. Для сибирского региона существенной является работа томской исследовательницы И.Н. Румянцевой³², которая сделала в соответствии с довлевшей в те годы идеологией вывод о том, что «делегатские пункты в деревне стали тем центром, вокруг которого объединялись беднячки, батрачки и лучшая часть середнячек». Исследовательница, проанализировав судьбы женщин – ответственных советских работников в Сибири, резюмировала, что именно делегатские собрания стали первой ступенькой в государственной карьере всех этих женщин.

Сложившаяся в советской историографии традиция вплоть до конца 1980-х гг. признавала преимущественно семейную сторону жизни, утверждая, что до революции 1917 г. женщина была «закрепощена вековыми семейными оковами». Это положение находило подтверждение в работах советских этнографов, изучавших «традиционную культуру» крестьянства конца XIX – начала XX в.

³¹ Борщук К.В. Партийная организация Забайкалья в борьбе за вовлечение женщин в строительство социализма (ноябрь 1922–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1965; Баикина А.И. Из истории борьбы с женской безработицей в Зауралье (1921–25 гг.) // Из истории партийных организаций Западной Сибири и Урала (1917–1980 гг.). Тюмень, 1981; Горнова Г.Ф. Из истории организации и деятельности делегатских собраний работниц Пермской губернии (1919–1923 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1966; Олзоева Н.В. Деятельность Бурятской областной партийной организации по вовлечению женщин в строительство социализма (1917–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1965; Прончатова-Рубцова Д.В. Деятельность Коммунистической партии по повышению общественно-политической активности женщин в годы восстановительного периода: на материале Нижегородской губернской партийной организации, 1921–1925 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Горький, 1975; Уварова Г.Т. Женотделы партийных комитетов Центрального Черноземья (1921–27 гг.). Воронеж, 1975.

³² Румянцева И.Н. О роли делегатских собраний Томского округа в практической подготовке женщин к хозяйственно-политической деятельности (1926–1930 гг.) // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Вып. 6. Томск, 1970. С. 5–21.

Подчеркнем, что в отечественной этнографии советского периода проблема трансформации женского образа в 1920-е гг. не ставилась.

Важно отметить, что источниковую базу для современных исследований различных аспектов проблематики русской/советской женщины и семьи в целом создали именно советские этнографы, чьи работы основаны на непосредственном изучении крестьянского быта в ходе полевых экспедиций. Для советского периода было характерно особое внимание к изучению традиций материальной культуры и семейного быта. Большой вклад внесли сотрудники Восточнославянского отдела Института этнографии РАН (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) М.О. Косвен³³, В.А. Александров³⁴, М.Н. Шмелева, Л.А. Анохина³⁵, Н.Л. Пушкарева³⁶ и др. Сотрудники ИЭА РАН первыми начали комплексное изучение русского населения Сибири. Изучению сибирского крестьянского быта посвящены труды В.А. Липинской³⁷, А.В. Сафьяновой³⁸, И.В. Власовой³⁹, А.А. Лебедевой⁴⁰. Анализ правовых аспектов семейной жизни русского раннесоветского крестьянства сделан в трудах С.С. Крюковой⁴¹, семейной похоронно-поминальной обрядности посвящены работы И.А. Кремлевой⁴², об изменениях в отношениях молодежи в первые десятилетия советского периода писала С.А. Иникова⁴³, традиции и

³³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

³⁴ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – нач. XVIII вв.: Енисейский край. М.: Наука, 1964. – 304 с.

³⁵ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964; Анохина Л.А., Крупицкая В.Ю., Шмелева М.Н. Быт и его преобразование в период построения социализма // СЭ. 1965. № 4. С. 16–31.

³⁶ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.

³⁷ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае. XVIII – начало XIX вв. М., 1996.

³⁸ Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв). Дис. канд. ист. наук. М., 1973; Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейные и общественный быт. М., 1989. С. 91–109.

³⁹ На путях из Земли Пермской в Сибирь. М., 1989.

⁴⁰ Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М. 1969. С. 104–188; Лебедева А.А. Северные традиции в материальной культуре русских переселенцев в Забайкалье // Фольклор и этнография русского Севера. Л. 1973. С. 86–105; Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья: Очерки материальной культуры XVII –начало XX в. М.: Наука. 1992. – 135с.

⁴¹ Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994; Она же. Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. Сборник документов. М., 2001. – 230 с.

⁴² Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1997. С. 517–532.

⁴³ Иникова С.А. Русские Рязанского края. М.: ИЭА РАН, 2009. В 2-х томах; Она же. «Здравствуй, новая любовь! До свиданья, старая» («рязанские страдания» 1920-х гг.) // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 3. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2010. С. 99–107.

новации похоронной обрядности в 1920-е гг. проанализированы А.Д. Соколовой⁴⁴. Взаимовлияния традиций в проведении сельской свадьбы прослежены в русско-украинском этноконтактном пограничье Л.Н. Чижиковой⁴⁵. Т.А. Листова⁴⁶ пришла к выводу о сохранении в свадебном обряде даже 1970–1980-х гг. местных традиций, хотя их смысловое содержание к этому времени уже утратилось. Важная проблема конструирования современного свадебного обряда поднята в статье Т.С. Макашиной⁴⁷, которая посчитала, что необходимо пробуждать интерес к традиционным формам и тактично пропагандировать сценарии с опорой на традицию конкретной местности. Л.А. Тульцева⁴⁸ провела исследование, посвященное формированию «пролетарских» праздников и обрядов в советском городе и деревне в соответствии с национальными особенностями регионов. О роли женского подвижничества в России писал О.В. Кириченко⁴⁹, народные воззрения и массовое сознание русских анализировал А.В. Буганов⁵⁰. Об особенностях быта русской семьи в малом эстонском городе 1980-х гг. на основе полевых материалов писали Р.А. Григорьева, Н.В. Шлыгина, О.Р. Будина⁵¹. Л.Б. Заседателева в монографии «Терские казаки: середина XVI – начало XX века» рассмотрела семейно-бытовые стороны жизни терского казачества⁵². Отдельные аспекты «женской» проблематики нашли место в работах ленинградских исследовательниц Т.А. Бернштам⁵³, И.И. Шангиной⁵⁴ и Л.М. Сабуровой⁵⁵.

⁴⁴ Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 191–209.

⁴⁵ Чижикова Л.Н. Традиции в современной сельской свадьбе русско-украинской этноконтактной зоны // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 89–113.

⁴⁶ Листова Т.А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 114–152.

⁴⁷ Макашина Т.С. Русская свадьба: создание современного обряда и традиция // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 154–173.

⁴⁸ Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. – 191 с.

⁴⁹ Кириченко О.В. Женское подвижничество в России (XIX – середина XX вв.). Свято-Алексиевская пустынь, 2010. – 675 с.; Он же. Православное женское монашество в советское время // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 101–114.

⁵⁰ Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2013. – 296 с.; Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. – 541 с.

⁵¹ Григорьева Р.А., Шлыгина Н.В., Будина О.Р. Быт русской семьи в малом эстонском городе. М., 1996. – 184 с.

⁵² Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: МГУ, 1974. – 421 с.

⁵³ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; Она же. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978.

В сибирском регионе внимание исследователей привлекли темы власти мужчины-крестьянина над женщиной, ее положения в семье и в хозяйственной жизни. Так, Н.А. Миненко⁵⁶ считала, что угнетенное положение русской крестьянки было связано с ее экономической зависимостью. Темы роли женщины в трудовых традициях и распределения хозяйственных функций в семье поднимались в трудах Ю.М. Гончарова⁵⁷. Особенности положения женщины в сибирской семье «традиционного периода» посвящены работы М.М. Громыко⁵⁸, В.А. Гореловой⁵⁹, М.А. Жигуновой⁶⁰, Т.Н. Золотовой, П.Е. Бардиной⁶¹, М.Л. Бережновой⁶², Г.В. Любимовой⁶³, Е.Ф. Фурсовой⁶⁴, О.Н. Шелегиной⁶⁵, Т.К. Щегловой⁶⁶ и пр. Семья и положение женщины на материалах Северного Урала рассматривалась Г.Н. Чагиным⁶⁷.

Ряд исследователей полагают, что сибирячки были менее зависимы от мужа и семьи по сравнению с крестьянками европейской части России (Ю.М. Гончаров, О.Н. Шелегина и Н.А. Миненко). Это подтверждается и в трудах московских

⁵⁴ Шангина И.И. Русские девушки. СПб.: Азбука-классика, 2007. – 352 с.

⁵⁵ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX – XX в. Л., 1967. – 280 с.

⁵⁶ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVII – первой половины XIX вв. Новосибирск, 1979. С. 124.

⁵⁷ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999; Гончаров Ю.М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001.

⁵⁸ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

⁵⁹ Горелов В.А. Структура и численный состав семьи (по материалам Братского и Нижне-Илимского районов Иркутской области и Кежемского района Красноярского края) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Новосибирск, 1971. С. 96–105.

⁶⁰ Жигунова М. А. Женщины и мужчины в контексте исторических перемен // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3(3). С. 120–123.

⁶¹ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. С. 123.

⁶² Алисов Д.А, Бережнова М.Л., Жигунова М.А., Золотова Т.Н. и др. Традиционная культура русских Западной Сибири XIX – XX вв. Очерки истории и быта. Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. – 423 с.

⁶³ Любимова Г.В. Возрастная символика в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 2004.

⁶⁴ Фурсова Е.Ф. Обычаи, связанные с рождением ребенка, в среде сибиряков Приобья: прошлое и настоящее (по полевым материалам 1980–1990-х годов) // Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 192–195; Фурсова Е.Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 120.

⁶⁵ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири. Социокультурные аспекты XVIII – начало XX вв. М., 2002.

⁶⁶ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. – 528 с.

⁶⁷ Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Этнические традиции материальной жизни. Пермь, 1991.

этнографов В.А. Липинской и А.В. Сафьяновой⁶⁸, которые отмечали, что русские крестьянки Алтая владели излишками произведенных ими продуктов, поскольку женский вклад в общее хозяйство семьи считался в Сибири существенным. В том числе бездетные вдовы также имели право на определенную долю семейной собственности, что было не характерно для центральных регионов России. Труды русских этнологов, основанные на полевых исследованиях, послужили диссертанту основой для оценки реальных результатов в изменении положения женщин в 1920-е гг.

В конце 1970-х гг. женская проблематика в исторических, социологических и демографических исследованиях вышла в первые эшелоны изучаемых научным сообществом тем. В этот период были опубликованы масштабные труды, в том числе коллективные, о положении женщин в СССР⁶⁹. Важно отметить появление исследований, выявлявших «социальный портрет» советской женщины⁷⁰. Историк П.М. Чирков впервые в своем обширном исследовании «Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.)» обратил внимание на политическую составляющую женского образа⁷¹.

Четвертый период: с 1990-х гг. до настоящего времени. В последний из выделенных диссертантом периодов развитие контактов с зарубежными учеными вызвало отход от «единственно верной» марксистской идеологии. Появление ранее недоступных документальных материалов, хранящихся в фондах центральных и местных архивов, дали толчок к новому, четвертому этапу развития «женской» исследовательской проблематики. Серьезное влияние на работы российских ученых оказали зарубежные коллеги, в частности, начавшие существенно раньше заниматься гендерными исследованиями.

⁶⁸ Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв). Дисс. канд. ист. наук. М., 1973. Она же. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейные и общественный быт. М., 1989. С. 27–96.

⁶⁹ Женщины Страны Советов: Краткий исторический очерк. М., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979; Изменение положения женщины и семья. М., 1977; Новикова Э.Е., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. (Социологический очерк). М., 1978; Савинова Л.Н. Женщины в советском обществе. М., 1979; Янкова З.А. Советская женщина. (Социальный портрет). М., 1978; Савинова Л.Н. Женщины в советском обществе. М., 1979.

⁷⁰ Новикова Э.Е., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. (Социологический очерк). М., 1978; Янкова З.А. Советская женщина. (Социальный портрет). М., 1978.

Если давление идеологии в советских публикациях о женском движении в СССР во многом предопределяло проблематику и выводы, то работы западных специалистов позволили по-иному увидеть тот же материал. Первые зарубежные публикации по женскому вопросу появились в 1970-х годах на волне интереса к социальной истории, в частности, истории советских рабочих, крестьян и женщин (например, Д. Аткинсон, А. Лapidус)⁷², однако они были малодоступны отечественному научному сообществу.

Особый интерес зарубежных ученых привлекли «женотделы» двадцатых годов и фигуры выдающихся деятелей советского женского движения, прежде всего А.М. Коллонтай и И.Д. Арманд⁷³. Также бытовало мнение, что в 1930-х гг. вместе с ликвидацией женотделов советская государственная политика поставила точку в «женском вопросе», а именно в дальнейшем развитии самостоятельного женского движения в СССР. Так, например, Р. Стайтс считал, что ликвидация женотделов обозначила закат пролетарского женского движения⁷⁴. Примерно того же мнения придерживалась и В. Голдман, полагавшая, что в 1930-е гг. был уничтожен весь потенциал женского движения в СССР (то есть окончание дискуссий о раскрепощении женщин и «откат» к семейным ценностям)⁷⁵. В. Голдман выделяла четыре основных столпа большевистской политики «перекраивания российской гендерной системы»: свободный брак, женская эмансипация через труд, выведение бытовых вопросов в общественное пространство и устранение института семьи⁷⁶.

Б. Фарнсворт на материалах советского женского движения обосновывал свой тезис о том, что «ранний большевизм качественно отличался от последующего сталинизма»⁷⁷. Б. Клементс, как исследователь феминизма, восхищался марксистским учением в его понимании «женского вопроса» и писал

⁷¹ Чирков А.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М., 1978.

⁷² Atkinson D., Lapidus A. Women in Russia. Stanford, 1977; Lapidus A. Women in Soviet Union: Equality, Development and Social Change. Berkely, 1978.

⁷³ Attwood L. Inessa Armand, Revolutionary and Feminist. 1992.

⁷⁴ Stites R. The women's liberation movement in Russia. Princeton. 1991. P. 425.

⁷⁵ Goldman W. Women, The Family and The New Revolutionary Order in the Soviet Union // Promissory Notes: Women in The Transition to Socialism. 1989. P. 61.

⁷⁶ Goldman W. Women, the State and Revolution – Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge University Press. 1993. P. 12.

об идеологах социализма, которые «снабдили социализм полным анализом положения женщин. Несмотря на свои противоречия, социализм по глубине и всесторонности анализа превосходит другие политические философии»⁷⁸.

Взгляд «со стороны» в изучении вопросов советского женского движения можно наблюдать в работах Л. Этвуд, М. Илич, М. Бакли⁷⁹ и др. В своих исследованиях ученые ставили ранее не задававшиеся вопросы, например: почему в рамках ранней советской политики равноправия полов отсутствовал настоящий анализ гендерных ролей? По какой причине Советы «не замечали» гендерную асимметрию в вопросах получения заработной платы? Почему в СССР функция воспитания детей матерью, а не совместно обоими родителями, воспринималась как аксиома? Отчего феминистское движение в Советском Союзе получило статус «контрреволюционного» и «буржуазного»? Эти вопросы рассматривались авторами в контексте идеологии развития женского вопроса в нашей стране. Под «идеологией», как определила М. Бакли, понималась «система политических верований, состоящая из взаимосвязанных идей, которые дают теоретическое объяснение реальности и защищают определенный политический режим»⁸⁰. Исследователи указывали на четко прослеживаемую зависимость теории о роли женщины при социализме от потребностей государства на различных исторических этапах его развития. Таким образом, напрашивался вывод о том, что «женский вопрос» стал универсальным инструментом для решения ряда вызовов, с которыми приходилось сталкиваться советскому руководству на протяжении почти 70 лет. Дж. Партингтон в работе «Социалистические женщины и советская Россия: шесть британских обзоров 1920-х гг.»⁸¹ использует уникальный для российских исследователей материал шести командировок (обследований) британских женщин-наблюдателей, посетивших Советскую Россию в 1920-е гг.

⁷⁷ Farnsworth B. Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism and The Bolshevik Revolution. Stanford, 1980. P. 13.

⁷⁸ Clements B. Bolshevik-Feminist: The Life of Kollontai. Blomington, 1979. P. 54.

⁷⁹ Attwood L. The New Soviet Man and Women. Indiana, 1990; Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Michigan, 1989; Ilic M. Biding Their Time: Women Workers and The Regulation of Hours of Employment in the 1920s // Gender in Russian History and Culture. New-York: Palgrave, 2001. P. 139–157.

⁸⁰ Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Michigan, 1989. P. 4.

⁸¹ Partington J. Socialist Women and Soviet Russia: Six British Observations of the 1920s // Under Western and Eastern Eyes: Ost und West in der Reiseliteratur des 20. Jahrhunderts, ed. Stefan Lampadius and Elmar Schenkel (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2012). P. 67–76.

Зарубежные специалисты отметили новые роли женщины в советском обществе. Так, А. Окасио в работе «Прислуга, мать, страдальца – женщины в советской пропаганде» раскрыла некоторые аспекты изменения женского образа во время Великой Отечественной войны⁸². Тема маскулинизации была поднята в работе А. Роули «Маша, хватай пистолет: Изображения советских женщин в 1930-х гг. и защита своей страны»⁸³. Работа Джеймса Питера Янга «Большевицкие жены. Исследование советской элиты»⁸⁴ посвящена женщинам большевистской элиты, и их роли и вкладу в советское строительство и решение «женского вопроса» в период от революции 1917 г. и до смерти Сталина.

Весьма интересна работа финской исследовательницы Э. Катайнен «“Новая женщина” в финской коммунистической женской периодике в 1920-е гг.»⁸⁵; здесь прослежено идеологическое влияние коммунистических дискуссий в финской прессе. Автор особенно отмечает влияние «большевистской» политики на вопросы сексуальных отношений в обществе, которые напрямую связаны с контролем деторождения. Катайнен, конечно, оговаривает, что очень сложно проследить непосредственное влияние весьма радикальных идей 1920-х гг. на современное состояние гендерного вопроса у финнов, но, тем не менее, для историка очень привлекательно провести определенные параллели между этими процессами.

Оригинален опыт Кимберли Ст. Джулиан⁸⁶ по выявлению изменений в советской политике в отношении женщин и эволюции образа «советской женщины». Она проанализировала плакаты как важное средство коммуникации между государством и населением. В статье «Баба, пролетарка и колхозница: советское изображение женщины на антирелигиозных плакатах» исследовательница делает вывод о том, что советская женщина-атеист была обязательной частью советской утопии.

⁸² Ocasio A. Maiden, Mothers and Martyrs – Women in Soviet Propaganda. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/3326312/Maidens_Mothers_and_Martyrs--Women_in_Soviet_Propoganda

⁸³ Rowley A. Masha Grab Your Gun: 1930s Images of Soviet Women and the Defense of Their Country // Minerva. Volume 2. Number 1. Spring 2008. P. 54–69.

⁸⁴ Young J. P. Bolshevik Wives. A Study of Soviet Elite Society. Sydney University. 2008. – 243 p.

⁸⁵ Katainen E. “The New Women” in The Finnish Communist Women’s Periodicals in The 1920s // Communism National and International. Helsinki. 1998. P. 299–313.

⁸⁶ Kimberly St. Julian Baba, Proletarka and the Kolkhoznitsa: Soviet Depictions of Women in Anti-religious Posters // Mediums, Movements, Prints, Soviet Era. 2012. May 8.

Научный дискурс 1990-х гг. вокруг темы осмысления роли и места женщин в прошлом, настоящем и будущем вылился во множество научных публикаций, конференций, симпозиумов и круглых столов⁸⁷. Важную роль в развитии исследований по феминологии сыграла Н.Л. Пушкарева, которая одна из первых в отечественной науке подняла вопрос изучения гендерной проблематики как отдельного направления в гуманитарном знании. Ее работы «Женщины Древней Руси», «Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста. Жена. Любовница.», «Частная жизнь русской женщины в XVIII веке» и др.⁸⁸ стали прорывом как в плане методологических подходов, так и при постановке проблем в изучении женской истории. Усилиями Н.Л. Пушкаревой была создана Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ), объединяющая историков, этнологов, филологов, психологов, демографов и ученых из других научных сфер, занимающихся изучением проблем гендерной истории. Таким образом, гендерная проблематика в России в 1990-е гг. вышла за рамки исторического поля и приобрела междисциплинарный характер. Немаловажный вклад в развитие гендерной методологии в постсоветской России внесли также Л.П. Репина⁸⁹ и А.Л. Ястребицкая⁹⁰.

⁸⁷ Семья и семейная политика / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1991; Социальные трансформации и положение женщин в России: Материалы международной научной конференции. Иваново, 3–4 марта 1995; Женщина и российское общество: научно-исторический аспект. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О.А. Хасбулатовой. Иваново, 1995; Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002; Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда. СПб. 21–23 марта 2008; Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 19–21 июня 2009. М., 2009; и мн. др.

⁸⁸ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М., 1997; Она же. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5; Она же. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2(47). С. 6; Она же. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012; Она же. Домашнее образование российских дворянок (по мемуарной литературе конца XVIII – начала XIX в.) // Вестник Университета Российской академии образования. 2(8). 1999. С. 54–74; Она же. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3.

⁸⁹ Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Она же. «Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века: сб. Вып. 57. М.: Наука, 1994.

⁹⁰ Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века: сб. Вып. 57. М.: Наука, 1994.

Изучение проблем женщин в семье и обществе всегда занимало особое место в трудах как этнологов, так и историков, социологов, демографов, экономистов; на рубеже XX–XXI вв. исследования поднялись на качественно иной уровень. Обновилась методология исследования, появились новые, ранее не известные темы. Вопросы, связанные с проблемами семьи, репродуктивным поведением, феминизмом, гомосексуальностью, двойной женской занятостью, «новыми одиночками» и т.д. вышли из разряда «табуированных» и «маргинальных». Эта тематика получила развитие в работах Ю.В. Градсковой⁹¹, Е.А. Здравомысловой⁹², М.В. Золотухиной⁹³, И.С. Кона⁹⁴, М.Г. Котовской⁹⁵, И.Г. Остроух⁹⁶, Н.Л. Пушкаревой⁹⁷, А.А. Темкиной⁹⁸, А. Шадрин⁹⁹, Н.В. Шалыгиной¹⁰⁰ и многих других. В последние десятилетия неоднократно поднимались вопросы комплексного подхода к изучению семейной и гендерной

⁹¹ Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999. – 156 с.

⁹² Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция тендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. Вып. 4; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11.

⁹³ Золотухина М.В. Мир американской семьи. М., 1999.

⁹⁴ Кон К.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального. М., 1975; Кон К.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2.

⁹⁵ Котовская М.Г. От старого «Домостроя» к «Новому русскому» // Леди-лидер. М., 1997; Котовская М.Г. Мужские и женские модели поведения в традиционном обществе // Гендерные проблемы в этнографии. М., 1998.

⁹⁶ Остроух И.Г. Трансформация института отцовства в постиндустриальном обществе на примере ФРГ // Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. С. 188–196.

⁹⁷ Пушкарева Н.Л. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб.: ЕУСПб, 2012. – 200 с.; Она же. «А се грехи злые, смертные...» Вып. 1. Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России X – первая половина XIX в. М.: Ладомир, 1999. – 863 с.

⁹⁸ Темкина А.А. Медиализация репродукции и деторождения: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12(3). С. 321–336; Она же. Гендерная модернизация; по-советски vs традиционные сценарии сексуальной жизни // AbImperio. № 3. С. 243–287; Она же. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУСПб, 2008. – 376 с.

⁹⁹ Шадрин А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака. М.: НЛЮ, 2014. – 240 с.

¹⁰⁰ Шалыгина Н.В. Гендерные стереотипы в структуре общественного сознания. М.: ИЭА РАН, 2010.

проблематики (Е.И. Гапова¹⁰¹, Т.А. Гурко¹⁰², И.А. Жеребкина¹⁰³, М.М. Малышева¹⁰⁴, С.Ю. Малышева¹⁰⁵, Е.Р. Ярская-Смирнова¹⁰⁶ и др.).

Тематика целенаправленного конструирования образа «нового человека» стала включаться в отечественные исследования сравнительно недавно. В начале 1990-х был открыт доступ к ранее закрытым фондам, архивным материалам, в том числе массовым источникам (личные дела, анкеты, статистические сведения отделов по работе с женщинами и т.д.), что породило ряд новых исследований женской тематики. Так, трансформациям гендерных ролей женщины в 1920-х гг. посвящены работы Н.П. Басистой¹⁰⁷, Д.Р. Давыдова¹⁰⁸, О.В. Дорохиной¹⁰⁹, Г. Карповой¹¹⁰. Об изменении статуса женщины в советском обществе в рамках изучения истории повседневности как части социальной истории писали А.И. Черных¹¹¹ и Н.Б. Лебина¹¹². Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина считали, что партия и государство рассматривали советских женщин как особую социальную

¹⁰¹ Гапова Е.И. О гендере, нации, классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. Вып. 13; Она же. Революция и гендерный контракт, или Может ли комсомолка отказать комсомольцу? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 35–48; Антология гендерных исследований // Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск, 2000. – 384 с.

¹⁰² Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., ИС РАН, 2008; Гурко Т.А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // Социс. 2002. № 11. С. 83–91.

¹⁰³ Жеребкина И.А. Это сладкое слово... Гендерные 60-е и далее. М.: Алетейя, 2012. – 408 с.; Она же. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. М., 2007. – 312 с.

¹⁰⁴ Малышева М.М. Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. – 312 с.

¹⁰⁵ Малышева С.Ю. Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Москва: ИВИ РАН, 2005. № 10. С. 21–40.

¹⁰⁶ Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М., 2001. – 254 с.

¹⁰⁷ Басистая Н.П. Формирование типа женщины-руководителя: истоки и реалии // Феномен пола в культуре: Материалы международной научной конференции. М., 1998. С. 79–82.

¹⁰⁸ Давыдов Д.Р. Институт семьи в 20-е годы в Советской России // Гендерная история: proetcontra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000. С. 141–144.

¹⁰⁹ Дорохина О.В. Партийно-государственная идеология социальных преобразований семьи в послереволюционной России // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1996. № 2. С. 17–23; Она же. Раннее советское брачно-семейное законодательство: мифы и реалии // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1998. № 4. С. 138–154.

¹¹⁰ Карпова Г. Г. Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе международного женского дня, 1920–2001 гг. // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х гг. Самара, 2003. С. 258–275.

¹¹¹ Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. – 282 с.; Она же. «Крылатый Эрос» и промфинплан // Социс. 1993. №8. С. 105–113.

¹¹² Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер (микроистория как способ изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов). // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России 1920–1930-х гг. СПб., 2000. С. 7–25; Она же. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: НЛЮ, 2015. – 208 с.

категорию и разрабатывали специальные меры регулирования их социального положения¹¹³.

Среди всех исследований для нас особый интерес представляют работы о положении женщины после революционных преобразований 1917 года, выполненные на сибирском материале Д.Н. Куликовой¹¹⁴, О.Н. Шевцовой¹¹⁵, М.В. Балахниной¹¹⁶, И.А. Рябцевой¹¹⁷, А.С. Жулаевой¹¹⁸ и другими. В этих публикациях авторы характеризуют социальное, политическое, экономическое положение женщин, анализируют результаты политики женской эмансипации, изменения в бытовых условиях жизни женщин, демографическое поведение и т.д. Сравнительному изучению социальных проблем женщин в различных регионах СССР и анализу девиантных форм женского поведения уделяет внимание А.Я. Тарасюк¹¹⁹.

С понятием «образ советской женщины» на страницах женской прессы 1970–1990-х работает Д.В. Захаров¹²⁰, образу «новой женщины» в советской культуре посвящено исследование Е.А. Шабатуры¹²¹. Попытку проанализировать женскую периодику 1920-х гг. делает И.В. Алферова¹²², целевую аудиторию женских СМИ 1920–1930-х гг. характеризует О.Д. Минаева¹²³. Важными для

¹¹³ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О мужественности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛЮ. 2002. С. 432–351.

¹¹⁴ Куликова Д.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

¹¹⁵ Шевцова О.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1926–1929 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 1999.

¹¹⁶ Балахнина М.В. Социально-бытовое положение женщин-работниц Западной Сибири (1921–1929 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

¹¹⁷ Рябцева И.А. Женщины Западной Сибири 1920–1930-х гг.: демографические и социальные проблемы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.

¹¹⁸ Жулаева А.С. Правовые основы изменения статуса женщины в советском обществе (на примере сибирского региона) // Global Scientific Potential History, Philosophy and Sociology. 2014. № 3(36). Р. 32–34.

¹¹⁹ Тарасюк А.Я. Социальная политика советского государства и жизнь женщины 1918–1929 гг. на материалах Зауралья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.

¹²⁰ Захаров Д.В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 1970–1990-х гг. на примерах журналов «Работница», «Крестьянка», «Космополитен». Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

¹²¹ Шабатура Е.А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск, 2006.

¹²² Алферова И.В. Большевицкая женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. Вып. 3. С. 106–111.

¹²³ Минаева О.Д. Целевая аудитория центральных партийных журналов для женщин в 1920–1930-е гг. // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 1(5). С. 34–45.

настоящей работы являются обобщающие труды В.В. Смеюхи¹²⁴ и Т. Дашковой¹²⁵, посвященные гендерному анализу женских СМИ в России, в которых выявлялись визуальные каноны идеального образа советской женщины. Т. Дашкова обозначила 1920-е гг. как экспериментальный, «доканонический» период репрезентации советской женской телесности, расцветшей в полную силу уже в 1930-е гг. Исследовательница-гендеролог С.Ю. Малышева увидела в раннесоветской праздничной культуре (1917 г. – начало 1930-х) «доминирование мужского», что «в целом отвечало духу новой, революционной мифологии, востребовавшего образ Человека-Массы», «унифицированного» и «усредненного»¹²⁶.

Работа Ю.Г. Саловой ««Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы»¹²⁷ посвящена изучению вопроса о создании советской педагогической системы по креации «нового человека». Автором проанализирована деятельность известных советских педагогов П.П. Блонского и С.Т. Шацкого, сыгравших ключевые роли в формировании ранней советской системы социального воспитания «нового гражданина».

Более детально вопросы формирования образа «советской девочки» можно найти в работе К. Келли ««Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России)»¹²⁸. Автор обращает внимание на нивелирование «девичьих» особенностей в образах маленьких девочек, создаваемых на страницах художественных произведений первых десятилетий советской власти. Девочкам предписывалось вести себя соответственно образу пионерки-активистки наравне с

¹²⁴ Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012. – 318 с.

¹²⁵ Дашкова Т. «Работницу» – в массы: политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х гг. // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 184–192; Она же. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: Форум российских и немецких культурологов. М., 2002. С. 103–128; Она же. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 1930-х гг. // Логос. 1999. № 11–12. С. 131–155.

¹²⁶ Малышева С.Ю. Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Т. 10. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 39.

¹²⁷ Салова Ю.Г. «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы. Ярославль, 1998. – 68 с.

¹²⁸ Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история / Под. ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 385–410.

мальчиками. Андрогинизм девочек выражался не только в «поведенческих» текстах, но и во внешнем облике (одежда, прически и т.д.).

Трансформации идеалов и жизненных ценностей русской девочки и девушки посвящено исследование А.А. Сальниковой¹²⁹. Она полагает, что для государства в 1920-е годы было важнее «вылепить» из подростков «новых советских женщин», которые воплощали собой «светлое будущее», нежели инвестировать силы в «вопросы женщин», представлявших проблемы «темного прошлого». Автор анализирует созданную советскими идеологами новую систему ценностных норм, призванных сформировать идеал новой советской женщины. В исследовании резюмируется, что, несмотря на обширный комплекс советских мер по работе с девочками и девушками, для многих выросших женщин «традиционные» ценности (домашние функции жен и воспитательниц детей, хранительниц семейного гнезда, полновластных хозяек в своем особом «женском пространстве») по-прежнему оставались заманчивыми и порой более притягательными, чем блестящая карьера¹³⁰.

Этнологи, историки, культурологи отреагировали на появление новых подходов к изучению женской повседневности. В монографии 3.3. Мухиной «Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России»¹³¹ рассмотрены типология и структура семьи, брачные традиции, репродуктивное поведение и положение женщины в крестьянской семье на материалах Курской губернии. Алтайская исследовательница Л.А. Явнова¹³² на полевых и архивных материалах Алтайского края обнаружила прямую зависимость размера наследства от возраста вдовой крестьянки. Е.А. Коляскина¹³³, проанализировав образ женщины в картине мира русских Алтая на рубеже XIX – первой трети XX вв., сделала вывод о его

¹²⁹ Сальникова А.А. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история / Под. ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 411–435.

¹³⁰ Там же. С. 433.

¹³¹ Мухина 3.3. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.

¹³² Явнова Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Бийск, 2002. С. 49.

общерусской основе, трансформация же представлений об образе женщины на рубеже веков происходила, по ее мнению, под воздействием этнокультурных и этноконфессиональных факторов.

Историки-сибиреведы через проблематику изучения сибирской крестьянской семьи рассмотрели женскую тематику. Так, В.А. Зверев¹³⁴ указывал на негативные аспекты образа жизни крестьянства, связанные с нарушением или ослаблением ряда традиционных общественных институтов в конце XIX – начале XX в., что существенно влияло на положение крестьянки в сибирской глубинке. К факторам, обусловившим трансформации отношений в крестьянских семьях Сибири указанного периода, автор причислял рост применения машин, обобществление производства, рост наймов батраков. В совокупности это привело к облегчению труда семьи, в том числе детского и женского, а также к общей перестройке хозяйственных обязанностей. Ученый отметил усложнение системы общественных отношений (развитие товарно-денежных отношений, рост отходничества, призывы мужчин в армию) и, как следствие, постепенное разрушение замкнутости деревенского мирка. В.А. Исупов¹³⁵, характеризуя первый этап демографической политики советского государства в 1920-е гг., говорил о нем как о борьбе за интенсификацию индустриализации и коллективизации, то есть предполагалось ущемление личных жизненных интересов человека (в частности, женщин) с целью решения политических и экономических задач. Также И.С. Кузнецов¹³⁶ в работе, посвященной нравам сибирской деревни 1920-х гг., указал, что результатом всех новых советских тенденций стало непрерывное нарастание деструктивных процессов в сибирской деревне и, как итог, подрыв традиционного крестьянского мировоззрения.

¹³³ Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в. Дисс. канд. ист. наук. Бийск, 2010. С. 196.

¹³⁴ Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: НГПУ, 1998. – 117 с.; Зверев В.А. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 62-79.

¹³⁵ Исупов В.А. Проблема потерь населения СССР в отечественной и зарубежной историографии // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII–XX вв. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1999. С. 143.

¹³⁶ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск: НГУ, 2001. С. 230.

Начало ХХI в. отмечено резко возросшим интересом к изучению проблем семьи, брака, гендерных отношений в первые десятилетия советской власти. Можно отметить ряд публикаций исследователей Л.Ю. Анисимовой¹³⁷, М.А. Денисовой¹³⁸, Д.В. Давыдова¹³⁹, Н.Г. Кулинич¹⁴⁰, М.В. Михайловой¹⁴¹, А.М. Пушкарева¹⁴², А.А. Савчук¹⁴³, В.Н. Фараонова¹⁴⁴, А.В. Хлоповой¹⁴⁵ и других авторов по гендерной и семейной проблематике в различных регионах нашей страны, что говорит о высокой степени востребованности темы исследования.

Однако важно отметить, что в большей части этих работ ощущается несколько односторонний подход к выбору источников – большинство авторов используют официальные статистические данные, которые в подавляющем числе случаев не отображают реальной картины 1920-х гг. (в силу разных причин: с целью пропаганды и завышения результативности, неудовлетворительной постановки работы по сбору статсведений и т.д.). Вторым по популярности источником у исследователей выступают материалы публичных дискуссий по вопросам «раскрепощения женщин» и «половой свободы» на страницах официальной печати. К сожалению, не все авторы оценивают этот источник как инструмент пропаганды и площадку для общественного дискурса, а видят его как отражение реального положения дел, что серьезно искажает историческую картину. Привлечение архивных данных – отчетов по работе женсоветов,

¹³⁷ Анисимова Л.Ю., Северьянов М.Д. Аборт как средство планирования семьи в России в первой четверти XX века // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. № 6. Т. 7. 2013. С. 1066–1074.

¹³⁸ Денисова М.А. Становление советской семьи в 1920-е годы (на примере Курской губернии) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 182–187.

¹³⁹ Давыдов Д.В. Развод “по-крестьянски”: специфика расторжения браков в среде русского крестьянства в 1920-е годы (по материалам ТАССР) // Вестник ТГГПУ. 2010. № 4. С. 113–116.

¹⁴⁰ Кулинич Н.Г. «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 42–53.

¹⁴¹ Михайлова М.В. Семья и быт в представлениях населения европейской части России в 1920-е годы. Армавир, 2003. – 179 с.

¹⁴² Пушкарев А.М. Из «тьмы» приватности на «свет» публичности: сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 1. Раздел: Социальная история России. С. 142–153

¹⁴³ Савчук А.А. Новое брачное законодательство и его влияние на изменение численности браков и разводов на советском Дальнем Востоке РФ в 1920-е гг. // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск, 2012. № 3 (60). С. 149–156.

¹⁴⁴ Фараонов В.Н. Семьи рабочих Томской губернии в 1900–1920-х гг.: структура, демография, связь с землей // Известия АлтГУ. 2007. № 4–3. С. 187–191.

¹⁴⁵ Хлопова В.А. Женский вопрос в «культурной революции» (по материалам Вятского региона) // Современные проблемы науки и образования. Пенза, 2012. № 4. С. 341–351.

комитетов охраны материнства и младенчества, протоколов судебных заседаний и т.д. – безусловно, помогает пролить свет на проблемы положения женщины в семье и обществе; однако не стоит упускать из вида такую слабую сторону этих источников, как желание чиновников представлять свою деятельность более эффективной. Использование трех основных источников – данных официальной статистики, официальных отчетов чиновников и материалов официальной печати – породило ряд довольно односторонних интерпретаций и выводов. Немногие авторы позаботились о привлечении дополнительных источников, прежде всего данных устной истории, которые помогли бы воссоздать картину положения женщины в семье и общественной жизни, ее отношения к происходившим в 1920-е годы переменам.

В данном диссертационном исследовании делается попытка комплексного привлечения материалов устной истории (полевых интервью) и мемуаров информаторов-крестьян, наряду с архивными документами, материалами печати и иными источниками. Такой подход позволил диссертанту проследить трансформации образа женщины в семье и общественной жизни в 1920-х гг. в ряде публикаций¹⁴⁶.

Объект диссертационного исследования представляют русские крестьянки юга Западной Сибири в 1920-х гг.

Предметом исследования являются механизмы конструирования образа «новой советской женщины» на юге Западной Сибири в 1920-х гг.

Целью исследования является выявление процессов социального конструирования образа «новой советской женщины» в условиях государственной индоктринации и результаты его внедрения в повседневную жизнь и сознание русских крестьянок Западной Сибири в 1920-е гг.

Конкретные задачи состоят в следующем.

¹⁴⁶ Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Известия АлтГУ. 2013. № 4. Т. 2. С. 43–46; Васеха М.В. Проблемы актуализации практик плодоизгнания в условиях демографической модернизации в 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2015. № 2. С. 37–41; Васеха М.В. Влияние женской всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.

1. Проанализировать политику советского государства в отношении семьи и положения женщины в 1920-е гг. на юге Западной Сибири.

2. Выявить механизмы вовлечения женщин в различные сферы общественно-политической деятельности.

3. Определить результативность государственной программы по ликвидации неграмотности среди крестьянок-сибирячек.

4. Раскрыть содержание государственной политики охраны материнства и младенчества и ее влияние на положение сибирской крестьянки в 1920-е гг.

5. Обозначить особенности антирелигиозной пропаганды среди сибирячек, ее результативность в 1920-е гг.

6. Провести сопоставительный анализ государственной политики по моделированию новой семейной обрядности и бытовавших в 1920-е гг. традиций с учетом этнокультурных и этноконфессиональных особенностей.

7. Определить особенности моделирования в Западной Сибири новых женских поведенческих паттернов, жизненных стратегий и ценностей.

Хронологические рамки исследования.

Особое значение в процессе создания образа «новой советской женщины» имел период после революции 1917 г., длившийся до конца 1920-х годов. Однако в связи с более поздним временем установления советской власти и продолжительной гражданской войной в Сибири нижние границы рассматриваемого нами периода сдвигаются к началу 1920 г. и ограничиваются только одним десятилетием. Верхние хронологические границы исследования объясняются тем, что в 1930 г. в связи с реорганизацией партийного аппарата был расформирован Женотдел (по причине «решения женского вопроса»), и в целом в стране начались новые процессы как в области женской политики, так и в других областях жизни, непосредственно повлиявших на общественное и семейное положение женщины.

Более того, обозначенное десятилетие не представляло собой целостного периода: время до 1926 г. – обозначено историками как «период экспериментов» (также называемый в советской историографии «восстановительным» периодом);

со второй половины десятилетия до конца 1920-х гг. уже наметился «консервативный» поворот государства к семейным ценностям.

Несмотря на столь непродолжительный временной отрезок в масштабах истории, именно в 1920-х гг. был заложен фундамент модели советского социально-гендерного устройства. Одной из задач послереволюционной России стало преобразование общества на новых социальных началах, предусматривавших и пересмотр существующего гендерного порядка. Соответственно, после революции во власти Советы начали проводить в жизнь еще одну революцию – «культурную», которая должна была свершиться в умах советских граждан для создания «нового человека», что подразумевало и «новую женщину».

Столь глубокое проникновение государства в интимные сферы жизни своих граждан, целенаправленное формирование «новых» ценностей, жизненных установок и стратегий населения, пожалуй, позволяет говорить о первом в мировой практике социальном эксперименте целенаправленного гендерного конструирования. На наш взгляд, именно женщины, их духовно-нравственный мир, здоровье, жизненные ориентиры подверглись наиболее сильным трансформациям в условиях жесткой государственной индоктринации.

Территориальные рамки исследования охватывают юг Западной Сибири, куда входят современные Алтайский край, Новосибирская, Омская и Томская области. В 1920-е гг. эти земли были частью огромного Сибкрая, включавшего Барабинский, Барнаульский, Бийский, Каменский, Новосибирский, Омский, Тарский, Томский округа. Выбор территориальных рамок обусловлен компактным проживанием здесь русского крестьянского населения. Во всех перечисленных областях процент русского населения составлял согласно переписи населения 1926 г. более 80%¹⁴⁷, и в изучаемое время эти территории были наиболее заселенной частью Зауралья.

Источниковая база исследования.

¹⁴⁷ Всесоюзная перепись 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. [Электронный ресурс]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1302 . Дата обращения 11.08.2014.

Труды классиков марксизма-ленинизма, ранних советских политиков по вопросам «нового быта», включавшего в себя и представления о «новой семье», «раскрепощении» женщин и значении государства и партии в работе среди женщин позволили более точно понять идеологическую составляющую этой государственной политики. Определяющими являлись произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, а также В.И. Ленина¹⁴⁸ и Л.Д. Троцкого¹⁴⁹. Важнейшее значение имеют труды И.Ф. Арманд¹⁵⁰, А.М. Коллонтай¹⁵¹, Н.К. Крупской¹⁵², К.И. Николаевой¹⁵³, С.Н. Смидович¹⁵⁴, А.В. Артюхиной¹⁵⁵, В.П. Лебедевой¹⁵⁶, Л.Н. Сталь¹⁵⁷ и других известных деятелей советского женского движения. О некоторых этих работах уже упоминалось выше, в историографическом разделе.

Анализ ранних советских законодательных актов: декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 декабря 1917 г.), «О расторжении брака» (29 декабря 1927 г.), «О внебрачных детях» (20 декабря 1917 г.), «Кодекса законов о браке, семье и опеке» (19 ноября 1926 г.) и ряд других законодательных инициатив помогли оценить масштаб государственного участия в трансформациях правового, социального, семейного положения женщин в 1920-е гг.

В ходе исследования были изучены делопроизводственные документы, хранящиеся в центральных и местных архивах. Наиболее значимыми для

¹⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М., 1978. – 223 с.; Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в советской республике // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 198–205.

¹⁴⁹ Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. – 24 с.; Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. – 32 с.

¹⁵⁰ Арманд И.Ф. Работа среди женщин и пролетариата на местах // Коммунистическая партия и организация работниц. М., 1919.

¹⁵¹ Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Ч. 2: Антология любви. М.: Политиздат, 1990; Коллонтай А.М. Работница и крестьянка в Советской России. М.; П., 1923. – 35 с.; Коллонтай А.М. Работница-мать. Омск, 1920. – 32 с.; Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней: Речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами. М., 1921. – 23 с. и т.д.

¹⁵² Крупская Н.К. 8 марта международный женский день. М., 1928. – 16 с.; Крупская Н.К. Политико-воспитательная работа 1920–1923 гг.: Сборник статей. М., 1924; Крупская Н.К. Заветы Ленина и раскрепощение женщины. М., 1933; и т.д.

¹⁵³ Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925; Николаева К.И. О социальном воспитании детей // Коммунистка. 1920. № 5.

¹⁵⁴ Смидович С.Н. Задачи женотдела // Коммунистка. 1922. № 2.

¹⁵⁵ Артюхина А.В. Очередные задачи партии в работе среди женщин. М.; Л., 1928; Деятельность отделов по работе среди женщин Р.К.П.(б). М., 1921; и пр.

¹⁵⁶ Лебедева В.П. Некоторые итоги. М., 1928. – 32 с.; Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества и охрана женского труда. М., 1922; и пр.

¹⁵⁷ Сталь Л.Н. Чему учил В. И. Ленин работниц и крестьянок. М., 1926.

исследования стали фонды Государственного архива Новосибирской области (ГАНО. Ф. 1353, 47, 1, 895 и др.), Государственного архива Томской области (ГАТО. Р-173. Ф. 243, 202), Центрального хранилища архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК)¹⁵⁸, Отдела архива администрации Сузунского района Новосибирской области (архив женотдела), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. М-1).

Первичные данные об актах гражданского состояния Отдела архива администрации Сузунского района Новосибирской области дают представление об уровне «постановки» работы по регистрации браков и разводов «на местах» (сведения из райисполкомов) в 1920-х гг. Если учет рождений и смертей выглядят достаточно правдоподобно, то учет браков и разводов вызывает большие вопросы. Так, например, в большом Битковском сельсовете в 1926 г. был зарегистрирован 41 брак и 75 разводов, в 1927 г. – 27 браков и 85 разводов, в 1928 г. – 23 брака и 77 разводов¹⁵⁹. Из некоторых сельсоветов приходили и вовсе «пустые» графы в статистике «браки-разводы». Причины отсутствия цифр, к сожалению, никак документально не комментировались. Этот факт можно объяснить с помощью этнографических полевых материалов, которые свидетельствовали о том, что при невозможности заключить брак в церкви семьи принимали решение играть народную свадьбу, не регистрируя брак в органах загса. Количество разводов, значительно превышавших число зарегистрированных браков, указывало на тот факт, что селяне придавали большее значение официальному разводу, чем заключению брака в советских органах регистрации. В этом же архиве особый интерес представляют собой документы о бракоразводных делах, ходатайствах о более раннем сроке вступления в брак и т.д.

В Государственном архиве Российской Федерации были проанализированы фонды «Комиссии по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ВЦИК» (Р-6983) и материалы фонда «Всесоюзного съезда рабочих и крестьянок» (Р-3316),

¹⁵⁸ С 2010 г. переименован в Государственный архив Алтайского края (ГААК).

¹⁵⁹ Отдел архива администрации Сузунского района Новосибирской области. Фонд Битковского райисполкома, Оп. 1, арх. номер 156–137.

которые позволили более объемно представить себе все обсуждавшиеся на высшем уровне составляющие образа «новой советской женщины».

Важным источником для раскрытия темы формирования образа «новой советской женщины» стали материалы периодической печати, в особенности женской прессы, непосредственным образом оказывавшей воздействие на женское население в 1920-х гг. В этот период все женские средства массовой информации стали подчиняться ЦК партии, что обусловило их типологическое единообразие в первое десятилетие советской власти. Федеральные журналы «Делегатка», «Коммунистка», «Крестьянка» и «Работница» позволили очень точно почувствовать изменения и новые директивы партии в «женском вопросе», понять первостепенную проблематику в тот или иной период 1920-х гг. Информационные сообщения «с мест», аналитические статьи о положении женщин в советской России и за рубежом, программные статьи лидеров советского женского движения дополнили картину государственного участия в советском гендерном конструировании. Безусловно, для данного исследования наиболее актуальны сибирские журналы «Красная сибирячка» и «Сибирская деревня». Региональная пресса, не столь официозная и адаптированная к местным реалиям, позволила оценить активность советской агитации в сибирской глубинке. Важнейшей особенностью контента женской периодики была художественная составляющая – стихи, рассказы, фельетоны, «были», в живой и очень доходчивой форме объяснявшие суть политики советского «женского вопроса» и обличавшие «старый мир» и «старый быт». Существенным недостатком вышеперечисленных источников является их «пропагандистская» направленность и желание советских функционеров преувеличить достижения на тех или иных участках работы.

Реальное положение дел позволяет представить специфические этнографические источники, впервые вводимые автором диссертации – материалы интервью непосредственных участников исторического процесса – сибиряков, чья молодость пришлась на период 1920-х гг. Данный вид источника позволил поставить под сомнение многие «достижения» советской работы по «женскому вопросу». Таким образом, оригинальные данные полевых материалов как автора

работы, а также и полевые материалы Восточнославянского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН (выезды 1990 – начало 2000-х гг., руководитель д.и.н. Е.Ф. Фурсова) позволили уточнить масштаб вовлеченности сибирских крестьянок в процесс создания «новой советской женщины» и «нового быта» в 1920-х гг. Полевые исследования проводились в Новосибирской области (Венгеровский, Красноозерский, Кыштовский, Ордынский, Сузунский, Черепановский районы) и Алтайском крае (Зональный, Каменский районы).

Собранные, в том числе в процессе полевых исследований, источники личного происхождения (воспоминания, дневники сибиряков) так или иначе отражали отношение простых граждан к происходившим в 1920-е гг. изменениям в области «быта» или, наоборот, фиксировали отсутствие трансформаций. Эти источники стали бесценным материалом для понимания степени влияния советской пропаганды и политики гендерного конструирования на обыденную жизнь крестьян в их этнокультурном и этноконфессиональном разнообразии.

Привлечение новых материалов в виде данных интервью с информантами, архивных материалов, личных дневников, писем и других меморатов – свидетельств «устной истории», истории повседневности – позволяют услышать голос «самых изучаемых» и добавить существенные черты к пониманию положения женщины в семейной и общественной жизни в Западной Сибири 1920-х гг.

Следует признать определенную ограниченность практически всех типов используемых источников для воссоздания исторической картины положения крестьянок-сибирячек как в семье, так и в общественной жизни в далекие 1920-е гг. Тем не менее, комплексный разноплановый источниковый корпус, задействованный в работе, позволил достичь поставленных задач исследования.

Методы исследования и методология. Автор диссертации придерживается комплексного принципа исследования, учитывая общепринятые этнографические, исторические, социологические, демографические, экономические научные подходы, а также общенаучные методы. При работе с опубликованными и архивными документами автор опирается на источниковедческий и историко-

сравнительный методы исследования. Выявление типических и массовых явлений осуществляется на основе методов культурной антропологии, в том числе глубинных и структурированных интервью с последующей интерпретацией полученных данных. Метод контент-анализа используется при работе с материалами публицистики изучаемого периода. Коэволюционный подход дает возможность выявить процессы трансформации образа женщины и увидеть проявление движущих сил этих изменений в 1920-е гг.

Методические инструменты определены самим предметом исследования и лежат в плоскости нескольких направлений современного гуманитарного знания: интеллектуальной, персонифицированной, гендерной истории и истории повседневности. В интеллектуальной истории важное место занимает микроанализ: обращение к конкретной ситуации или межличностным отношениям, что, безусловно, важно при исследовании положения женщины в семье и общественной жизни. Биографический, персонифицированный подход позволил лучше понять влияние государственной политики и средств пропаганды на индивидуальную судьбу крестьянки в 1920-е гг., а также выявить формы восприятия/невосприятия предлагаемых вариантов «нового быта» разными представителями сельского общества: мужчинами и женщинами, молодежью и стариками, представителями разных конфессиональных групп. Гендерный анализ позволил реконструировать находившиеся в процессе трансформации представления о «мужском» и «женском» в 1920-е гг. Большие возможности для данного исследования предоставляет ретроспективный метод, давший объемную картину прошлого на базе разнообразных остаточных данных. Сравнительно-исторический метод вывел автора на общие и региональные (локальные) закономерности развития, механизмы их происхождения и трансформации. Предполагаемые методы и подходы работы определены комплексностью и широтой заявленной темы исследования и позволяют автору раскрыть механизмы конструирования образа «новой светской женщины» и трансформации положения женщины в Западной Сибири 1920-х гг.

Автор диссертации рассматривает трансформацию образа женщины, ее положения в крестьянской семье и общественной жизни, исходя из представлений

о глобальной модернизации российского общества. Модернизация понимается как общемировой процесс перехода из аграрного общества в промышленное, сельского – в городское, из «традиционного» в «современное». Историк и демограф А.Г. Вишневский считал, что модернизационные преобразования стали «ответом общества на глубокий кризис собственных традиционных демографических и семейных отношений»¹⁶⁰, пик которого пришелся на конец XIX – начало XX вв.

Процесс модернизации начался с изменений в экономике, произошедших, по большей части, после отмены крепостного права. Имело место постепенное снижение престижа земледельческого труда как единственного источника существования, усиление роли рынка; как образно выразился демограф А.Г. Вишневский, «власть земли уступила место власти денег»¹⁶¹ в русской деревне. Ворвавшаяся в крестьянскую жизнь «власть денег» начала разрушать вековые устои деревни, в том числе, коснулась глубинных основ крестьянского мира – семьи и механизмов ее функционирования.

На рубеже XIX–XX вв. колоссальные сдвиги происходили во всех сферах российского общества: политике, экономике, демографии. Однако пожалуй самые глубинные изменения происходили на уровне каждой семьи, отдельного человека. Они затрагивали экзистенциальные основы существования, так как менялось отношение к жизненно важным вопросам – к любви, взаимоотношениям между полами, к продолжению рода, к смерти и т.д. На рубеже веков наблюдались, может быть, еще не столь очевидные подвижки в области брачного, прокреативного поведения, сексуальности и семейной жизни русских крестьян. В результате изменений различных сфер частной жизни людей постепенно складывался новый тип личности человека с иными жизненными установками и ценностными ориентирами.

Модернизационные трансформации «традиционной» семьи и существовавшего в ней гендерного порядка после революции 1917 г. и прихода коммунистов к власти заметно ускорились под воздействием целенаправленной

¹⁶⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112.

¹⁶¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 24.

государственной политики, социально-экономических преобразований, а также вследствие принятия ряда законодательных актов.

Пришедшие к власти Советы взяли курс на ускорение модернизационных преобразований, ядром которых стала индустриализация российского аграрного общества. В фокус особого внимания со стороны государственной власти попала женщина, ставшая одной из главных героинь в ходе осуществления советской экономической, демографической, культурной, политической модернизации общества. Возникло целое направление советской политики, получившее обобщающее название «вопросы женщин», которое включало вовлечение женщин в общественную и политическую жизнь страны, охрану материнства и младенчества, женское образование, антирелигиозную работу среди женщин, борьбу с традиционными формами гендерного поведения и конструирование новых женских паттернов.

Таким образом, в настоящем диссертационном исследовании рассматривается проблема целенаправленного гендерного конструирования на государственном уровне. Социальный конструктивизм появился в гуманитарном знании как постмодернистская критика позитивистско-эмпирической науки с ее представлениями об объективном и универсальном характере знаний. Тезис о том, что «все в мире социально сконструировано» был взят на вооружение исследовательницами-феминистками для изучения социальных отношений между полами в пику представлениям о биологическом детерминизме «мужского» и «женского».

В работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»¹⁶² предложен тезис об одновременной объективности и субъективности социальной реальности, который разделяет автор диссертации. Субъективность заключается в том, что она создается индивидом, и в то же время является объективно независимым от него знанием. Таким образом, гендер рассматривается как взаимодействие «мужского» и «женского», воплощенного в

¹⁶² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

повседневных практиках, представлениях и нравах, что постоянно воспроизводится в структурах сознания и структурах действия.

В основании теории социального конструирования гендера лежат представления об аналитическом разделении биологического пола и социального процесса приписывания полу. Таким образом, под гендером подразумевается работа общества по приписыванию биологическому полу тех или иных характеристик, поведенческих паттернов и стереотипов. Соответственно, если есть процесс приписывания (конструирования) гендера, то есть и процесс его реконструирования и изменения. Изменения гендерного дисплея ведут либо к укреплению, либо к разрушению установленного гендерного порядка в обществе.

Таким образом, предполагается раскрыть тему формирования «новой советской женщины» комплексно, используя методы и подходы различных гуманитарных и социальных наук. Проблема трансформации женского образа рассматривается в контексте модернизационных процессов российского/советского общества и с позиции представлений о конструируемой природе гендера и межгендерных взаимодействий в обществе.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые воссозданы механизмы конструирования образа «новой советской женщины» в период 1920-х гг. на конкретном историко-этнографическом материале юга Западной Сибири с привлечением комплекса данных этнографии, демографии, социологии, фольклористики и ряда других дисциплин. Автор впервые критически проанализировала материалы средств массовой информации изучаемого периода, в том числе пропагандистскую литературу, архивные материалы, распоряжения местных властей о проведении политики в отношении семьи и женщин на местах и множество других сведений, помогающих раскрыть заявленную тему.

В работе преодолевается противоречие между подходами и выводами историков и этнографов относительно семьи и положения женщины в среде русских крестьян 1920-х гг. Как известно, этнографы-сибиреведы с опорой на данные глубинных интервью относят 1920-е гг. к так называемому «традиционному» периоду существования семьи и гендерных отношений, в то

время как историки и демографы, используя официальные опубликованные источники, рассматривают его как период коренной ломки сложившихся семейных отношений. Новым является подход автора, который комплексно рассматривает данную проблему, привлекая, по возможности, наиболее полный круг источников. Компаративный метод исследования имеющихся в распоряжении автора материалов, сопоставление данных смежных гуманитарных наук также является новым для изучения гендерной проблематики в указанном регионе.

Привлечение новых делопроизводственных материалов, данных «устной истории» и прессы изучаемого периода позволили проанализировать исторические судьбы сибирячек в разных этнокультурных и этноконфессиональных группах в один из существенных переломных моментов отечественной истории.

Положения, выносимые на защиту.

1. Советские идеологи определили женщину как один из основных объектов воздействия при реализации политики «нового быта». Особое внимание было сосредоточено на крестьянках как наиболее «отстающей» и преобладающей в количественном отношении группе женщин.

2. На протяжении 1920-х гг. автор выделяет два периода в истории «решения женского вопроса»: до 1926 г. – период «экспериментов и дефамилизации», и после 1926 г. – период укрепления советского государства с частичным возвращением к «патриархальным ценностям».

3. Несмотря на появление советского брачно-семейного права и усиления формальной стороны семейных отношений, в 1920-е гг. для сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование и сохранение в значительной мере локальных обычаев.

4. Проведение политики государства по решению «женского вопроса» встретило следующие затруднения в Западной Сибири;

а) объективные – удаленность изучаемого региона от центра и более позднее начало работ по «женскому вопросу», отсутствие подготовленных кадров и недостаточность финансирования;

б) субъективные – приверженность селян к традиционной культуре, глубокая религиозность крестьянства, неграмотность (прежде всего среди женского населения Сибири), неподготовленность к принятию нововведений советской власти, страх «втягивания в коммунию» и сильная «патриархальная позиция» мужчин.

В целом большинство сибирячек не были готовы к восприятию нового образа «советской женщины».

5. Образ «новой советской женщины» восприняли лишь часть сибирской молодежи и неблагополучные слои сельского общества – солдатки, вдовы, некоторые батрачки.

6. Советские новации в быту в первую очередь начали воспринимать «российские» переселенцы начала XX в. (южнорусские, украинские, белорусские), как наиболее незащищенные в социально-экономическом плане слои населения. Наибольшее сопротивление нововведениям в области «женского вопроса» наблюдалось со стороны старожильческих и старообрядческих семей, а также благополучных разбогатевших переселенцев.

7. Несмотря на пропаганду и широкое декларирование успешного решения «женского вопроса» (в 1930 г. в были закрыты женотделы), для изучаемого периода 1920-х гг. в Западной Сибири было характерно сохранение многих составляющих традиционного образа жизни.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных научных результатов при разработке учебных курсов по советской истории и культуре, а также в использовании данного исследования при подготовке учебных пособий и лекций по гендерной истории и истории российского женского движения. Результаты данной работы могут быть учтены представителями соответствующих ведомств при планировании современной политики в области семьи и брака с целью минимизации негативных современных тенденций для устойчивого развития российского общества и повышения конкурентоспособности страны в целом.

Апробация результатов работы. Основные положения данного исследования были представлены в ходе выступлений автора на ряде отечественных конференций и конгрессов (Международные научные конференции Российской ассоциации исследователей женской истории в 2013, 2014, 2015 гг.; Конференции молодых ученых ИЭА РАН в 2012, 2013, 2014 гг.; X и XI Конгрессы антропологов и этнологов России в 2013 и 2015 гг.) и зарубежных конференций и конгрессов (X Congreso Asociacion de Demografia Historica ADEH, 2013, г. Альбасете, Испания; International Inter-Congress IUAES (International Union of Anthropological and Ethnographical Studies), Chiba, Japan, 2014; CISH's XXIIInd Congress (22nd International Congress of Historical Science), 2015, China, Jinan). Ряд положений работы нашли отражение в 12 научных публикациях, из которых 3 опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

На разных этапах работа над диссертацией была поддержана Российским государственным научным фондом (РГНФ): проект «Трансформация русской традиционной культуры в переломные исторические периоды XX века: 1920–1930-е, 1990-е гг.» (№ 12-01-00229, 2012–2014 гг.), проект «Механизмы процессов трансформации русской крестьянской семьи в 1920-е годы» (на материалах юга Западной Сибири) (№ 15-51-00008, 2015 г.), проект «Русская этнографическая экспедиция» (№ 15-01-18114, 2015 г.).

На основании результатов исследования автор дала ряд интервью для ведущих федеральных российских СМИ.

ГЛАВА 1. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ И ЖЕНЩИНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920 – Е ГОДЫ

*« ...косность, леность мысли, рабские традиции,
консервативное тупоумие встречаются
и в социалистическом строе, как связь с
прошлым, как отсутствие инициативы и смелости
разрушить старые формы жизни.
В этом и состоит задача...»¹⁶³*

Советское государство с первых лет деятельности уделяло серьезное внимание политике в отношении женщины и семьи, которую можно условно разделить на два этапа, особенности которых были тесно связаны с общими тенденциями развития советского общества. Период до середины 1920-х гг. являлся временем борьбы с «наследием прав, традиций и норм»¹⁶⁴, существовавших в Российской империи, поиском основных направлений брачно-семейной и демографической политики. В это время критика «патриархальности» достигла крайних, порой комических форм отрицания семьи в целом (идея создания коммун, коммунальное проживание членов семьи, общественный уход за детьми, отдельное содержание их от родителей и т.д.). Однако, с завершением «восстановительного периода» и закатом новой экономической политики, на XIV съезде партии (1925 г.) обозначился консервативный поворот в вопросах семьи и брака. В связи с поставленной задачей перехода страны от «аграрной» к «промышленной» вопрос участия женщин в хозяйственно-политической жизни государства приобрел особенное значение. После 1926 г. с целью улучшения демографических показателей в стране на смену антисемейной идеологии пришла усилившаяся в середине 1930-х гг. активная деятельность по всестороннему укреплению семьи как ячейки социалистического общества.

Сибирский историк В.А. Исупов этап демографической политики советского государства 1920-х гг. характеризовал как борьбу за интенсификацию индустриализации и коллективизации, то есть притеснение личных жизненных

¹⁶³ Из речи Л. Троцкого «Охрана материнства и борьба за культуру» 7 декабря 1925 г.

¹⁶⁴ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская систем законов о браке в XX веке и традиционные установки. // Этнографическое обозрение. – 2003. - № 4. – С. 69.

интересов человека с целью решения политических задач¹⁶⁵. Исследователь А.Г. Вишневский называл советскую демографическую модернизацию консервативной, поскольку перемены обеспечивались за счет консервирования основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства. В представлении этого автора в новой государственной политике по созданию социалистического быта оставался традиционный для русской общины холистский принцип «человек для семьи», то есть интересы личности растворялись в интересах группы - семьи, общины, государства¹⁶⁶.

Период 1920-х годов ознаменован проведением «культурной революции», внедрением в массы так называемого «нового быта». Под «новым бытом» подразумевалось по определению В.Л. Соскина «создание экономических предпосылок для приобщения сельских тружеников к культуре, общее улучшение материального положения»¹⁶⁷. Лев Троцкий, один из идеологов советской культурной революции писал: «...мы только приступаем к работе. <...> дело идет о поднятии вверх 130 миллионной семьи народов Советского Союза. Безграмотности, невежества, темноты и нищеты залегли здесь вековые пласты»¹⁶⁸. В.И. Ленин как советский руководитель считал особенно сложным и важным участком общественных преобразований переустройство быта деревни¹⁶⁹. Советская семейная политика, в частности решение «женского вопроса» стали частью внедрения «нового быта» в советском обществе. Женщина при этом рассматривалась как наиболее «консервативный элемент» при формировании «нового советского человека». Ее положение в «старой патриархальной семье» оценивалось двояко, с одной стороны, «угнетаемым элементом», с другой же, активным участником семейной жизни, на котором во многом держались «патриархальные» традиции и быт. В государственном дискурсе 1920-х годов женщины представлялись наиболее

¹⁶⁵ Исупов В.А. Проблема потерь населения СССР в отечественной и зарубежной историографии// Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII - XX вв. – Новосибирск: ИИ СО РАН. – 1999. – С. 143.

¹⁶⁶ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – С. 129-130.

¹⁶⁷ Соскин В.Л., Осташко Т.Н. Культура, материальное положение и быт сибирского крестьянства // Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 177-190.

¹⁶⁸ Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. С. 23.

¹⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. – С. 248.

«заброшенными и забытыми в семье, на фабрике и в государстве». Томский врач Г.С. Беленький в своем санитарно-социологическом этюде «Женщина работница и социальная политика» представлял положение женщины в 1920-е годы так: «... выброшенная из патриархальных условий существования, она идет сознательно к утверждению в себе равноправного человека, гражданина. Но на сосредоточенном скорбном лице ее не сглаживаются следы душевных мук за пережитое порабощение ее в обществе, когда она не только физически, но и душевно, как женщина, была использована не только социальным, но и половым угнетателем»¹⁷⁰. Под «половым угнетателем», очевидно, выступал мужчина.

Проблемы, связанные с положением крестьянки для Советов имели особо важное значение, поскольку согласно данным переписи населения 1920 г., почти 90% (9,14 млн. чел.) жителей Сибири проживало в сельской местности¹⁷¹. Существенной демографической особенностью Сибири был тот факт, что большая часть сибирского городского населения была связана с деревенским хозяйством, а работа на предприятиях служила лишь подсобным заработком. Только 10% городского сибирского пролетариата не была связана с сельским хозяйством¹⁷².

Также следует иметь в виду, что «коренные» преобразования в области «быта», а по сути дела, глубинные преобразования в мировоззрении сибирского крестьянства, начались несколько позже, чем в Европейской части России, в основном после установления советской власти в Сибири, то есть после «освобождения» ее от Колчака¹⁷³. Сибирские историки оценивали обстановку, в которой происходили первые советские преобразования как сложную и противоречивую. Причинами этого были значительная отдаленность поселений от промышленных центров, существенные различия в социальном составе сел, волостей и уездов, высокий уровень необразованности среди крестьян, молодость и крестьянский характер партийной организации, многочисленность сибирских

¹⁷⁰ Беленький Г.С. Женщина работница и социальная политика (санитарно-социологический этюд). Томск: Изд. Томского Губ. Отдела. – 1921. С. 4.

¹⁷¹ Советская Сибирь. 1923. 23 апреля. С. 11.

¹⁷² ГААК. Ф. 2. Оп. 6. Д. 40. Л. 18.

¹⁷³ Климанская К.Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск, 1976. С. 10- 11.

зажиточных крестьян – «кулаков» и старообрядцев¹⁷⁴. Безусловно, эта сибирская специфика отразилась на всем раннем процессе «социалистического переустройства» общества, решение «женского вопроса» в Сибири также не стало исключением.

1.1. Политика советского государства в отношении семьи и женщины в 1920-е годы

*Тетки, в угол самопряжи!
Дверь открыв, кричит Дуныша:
Нынче праздник не простой,
Ну-ка, бабоньки, за мной*¹⁷⁵.

В процессе формирования новой советской идеологии, культурному и социальному «раскрепощению» женщины способствовала политика «нового быта», в которой важное место уделялось вопросам семьи и брака, а также неразрывно связанный с этими общественными институтами «вопрос женщин». Практика решения «женского вопроса» в обществе опиралась на теоретические разработки К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, В.И. Ленина, в соответствии с которыми социальный статус женщин определялся степенью их вовлеченности в общественно-производственные отношения. Политика по вовлечению женщин в общественные отношения была отчасти закреплена в Кодексе законов о труде¹⁷⁶ РСФСР от 1922 г. (введение оплаты женского труда наравне с мужским, запрет на ночной женский труд, введение 16-недельного отпуска по уходу за ребенком и пособия кормящим матерям).

Помимо урегулирования «женского вопроса» в трудовой сфере, молодое советское правительство пошло гораздо дальше, внедряясь в сферу внутрисемейных, интимных, межличностных отношений. А.М. Коллонтай, одна из идеологов и активисток «нового образа жизни» в советском государстве, писала: «Прежде всего, общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они не имели, при условии двух факторов: чтобы они не

¹⁷⁴ См. работы: Трапезникова С.П., Берхина И.Б., Боженко Л.И., Гришаева В.В., Гуцина Н.Я., Данилова В.П., Кузнецова И.С., Паршенова В.Г., Шишкина В.Ф. и др.

¹⁷⁵ Домрачев Т. Об октябре и неграмотности. // Красная сибирячка. 1925. № 11. С. 12.

¹⁷⁶ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. 3-е издание. М.: Проспект, 2010. С. 313-316.

наносили ущерб расе и не определялись гнетом экономического фактора. Чтобы более свободные отношения не несли за собою «ужаса опустошения» для женщины, необходимо пересмотреть весь моральный багаж, каким снабжают девушку, вступающую на жизненный путь»¹⁷⁷.

Государственная брачно-семейная политика имела идеологическую опору в тех положениях классиков марксизма и социал-демократии, которые утверждали «неизбежность» установления в новом социалистическом обществе эмансипированных форм отношений между полами. Их следствием должно было стать отмирание брака и, следовательно, семьи старого буржуазного типа. Поскольку Ф. Энгельс обосновывал существование буржуазного брака на «эгоистической выгоде», уничтожение же частной собственности как конституирующего принципа в социалистическом обществе должно было устранить «все побочные экономические соображения». Таким образом, социалистический брак предполагал новую форму семейно-брачных отношений, «не имеющих никакого иного мотива, кроме взаимной склонности»¹⁷⁸. Вопрос об «отмирании» старого брака рассматривался по аналогии с «отмиранием» государства при переходе к коммунизму. Некоторые идеологи того времени были настроены чрезвычайно решительно по отношению к вопросам реформирования семьи и ломке старых брачных отношений¹⁷⁹. В.И. Ленин выступал против радикальных ломок в этой области и, следовательно, против «отмены» брака как такового¹⁸⁰. В то же время вождь революции ратовал за идею реформирования брачных отношений: укрепление и установления системы санкционированных моногамных брачных союзов, противоположных «интеллигентски-мещански-крестьянскому браку без любви», на смену которым должен был прийти «пролетарский гражданский брак с любовью»¹⁸¹. По словам наркома А.В. Луначарского, отвечавшего за вопросы культуры в большевистском правительстве, «советская моногамия», лишенная

¹⁷⁷ Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль. // Философия любви. – Часть 2 «Антология любви». – М.: Политиздат. - 1990. – 332 – 333.

¹⁷⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. – М. - 1978. – С. 128-178, 222-223.

¹⁷⁹ Каутский К. Размежевание и развитие в природе и обществе. – М. – 1923.

¹⁸⁰ Ленин В.И. Письмо Инессе Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. – Т. 49. – С. 54-57.

¹⁸¹ Там же.

буржуазных черт (доминирования мужчины и погребения женщины под гнетом домашнего хозяйства) будет переходной формой брака на протяжении всего периода построения коммунистического общества¹⁸².

Советское правительство вопросы семейной политики законодательно решило практически в первых своих декретах. 18 декабря 1917 года вышел декрет Совета народных комиссаров (далее – СНК) «О гражданском браке, о детях и о ведении дел гражданского состояния» и 19 декабря 1917 года «О расторжении брака»¹⁸³. Проект декрета о гражданском браке был составлен известной феминисткой и революционеркой А.М. Коллонтай. 22 октября 1918 г. был принят первый отдельный кодифицированный семейно-правовой акт – Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹⁸⁴. Кодекс 1918 года (22 октября 1918 года) вышел как отдельный семейно-правовой акт, он во многом закрепил и продолжил положения ранее принятых декретов, при этом был расширен перечень препятствий к заключению брака (наличие не расторгнутого брака, наличие родства, психического заболевания у одного из супругов).

Невозможно не согласиться с исследователями Н.Л. Пушкаревой и О.Е. Казьминой, которые считают, что данные законодательные мероприятия могут быть классифицированы как правовые действия буржуазно-демократического характера, так как они уничтожали лишь некоторые элементы феодально-патриархальных взглядов на брачные союзы и лишь частично обеспечивали некоторую свободу частной жизни¹⁸⁵. Партийное советское руководство воспринимало данное законодательство как переходное к действительному советскому праву.

Считалось, что в новом «Кодексе законов о браке, семье и опеке» (КЗОБСО)¹⁸⁶ от 1926 г. нормы нового кодекса должны приблизить брачно-семейные отношения к социалистическому идеалу, а также приспособить законодательство к реалиям жизни. В нем, в связи с отделением церкви от государства отменялся церковный брак и устанавливался гражданский, регистрируемый в органах записи

¹⁸² Луначарский А. В. О быте. М.; Л. – 1927.

¹⁸³ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР (СУ РСФСР). – М. – 1917. - № 11, 10.

¹⁸⁴ СУ РСФСР. – 1918. - №76. – ст. 818.

¹⁸⁵ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская систем законов о браке в XX веке и традиционные установки. // Этнографическое обозрение. – 2003. - № 4. – С. 69.

актов гражданского состояния¹⁸⁷. Теперь только гражданский брак порождал права и обязанности супругов. Брак, заключенный по религиозному обряду (венчание), не давал юридических прав. Таким образом, церковный брак стал считаться частным делом каждого человека, а записи в метрических книгах не имели теперь юридической силы. Взамен метрических книг вводились книги записи актов гражданского состояния. Только заключенный в ЗАГСе брак порождал, согласно новой правовой концепции, права и обязанности супругов.

Кроме того, в 1922 г. был выпущен циркуляр Народного комиссариата внутренних дел СССР (далее – НКВД) о запрете представителям религиозных культов совершать обряды крещения и брака без их предварительной регистрации в отделах записей гражданского состояния. Позднее СНК отменил этот циркуляр, как нарушающий нормы декрета об отделении церкви от государства. В то же время работа по становлению системы загсов в наиболее заселенных районах Сибири была завершена лишь к 1923 году¹⁸⁸. За время с 1917 по 1923 гг., а в некоторых областях и несколько дольше, многие браки не были нигде зафиксированы, особенно в сельской местности, поскольку сельсоветы, где мог быть зарегистрирован брак, зачастую находились на отдаленном расстоянии от небольших населенных пунктов, а некоторые из них просто не справлялись с возложенными на них обязательствами.

Первые советские декреты о браке постулировали добровольность как для заключения брака (который мог теперь быть заключен без согласия родителей или опекунов), так и его расторжения (через судебный орган по желанию одного из супругов, а также через органы загса при обоюдном согласии).

Для вступления в брак был установлен брачный возраст: для мужчин 18 лет, для женщин 16 лет. Верхних возрастных границ для вступления в брак в советском законодательстве не было. Центральный отдел актов гражданского состояния по Томской губернии 4 августа 1919 г. с целью разъяснения нового закона разослал на места директивы «неуклонно выполнять правила о запрещении вступать в брак лицам, не достигшим брачного возраста». Однако, как отмечалось в документе,

¹⁸⁶ СУ РСФСР. – 1926. - №82. – С. 612.

¹⁸⁷ Декреты советской власти. М., 1957. С. 237.

«принимая во внимание, что категорическое запрещение ранних браков обуславливается исключительно стремлением законодателя уберечь молодое поколение от злой и вредной эксплуатации», Центральный отдел предлагал окружным отделам загса «допускать такие браки в самых экстренных случаях». Под «экстренными случаями» бюрократией подразумевалась ситуация, «когда по условиям крестьянского хозяйства, все хозяйство должно прийти в окончательный упадок, например, за смертью или нетрудоспособностью родителей или других взрослых членов семьи, когда единственным хозяином остается несовершеннолетний»¹⁸⁹. Из подобной формулировки становится понятно, насколько старые представления оставались крепки в общественном сознании: ранний брак позволялся из хозяйственных соображений, только для поддержания крестьянского хозяйства.

Так, в архиве администрации Сузунского района Новосибирской области сохранился ряд крестьянских ходатайств и соответствующих разрешений от начальника Битковского районного административного отделения райзагса Каменского округа Новониколаевской губернии на досрочное оформление отношений. Интересно, что все сохранившиеся обращения написаны в 1927 г. мужчинами в преддверии своего 18-летия. Для получения такого документа было необходимо, помимо ходатайства, предоставить целый пакет документов, в том числе выписку из метрической книги о дате рождения, медицинскую справку «о половой зрелости», справку об имущественном и семейном положении. Самое интересное, в одном деле, ходатайстве гражданина Юркова, была упомянута подписка родителей о неприпятствии к досрочному вступлению в брак и их просьба принять во внимание уважительные причины, побудившие к досрочному вступлению в брак, а именно отсутствие трудоспособных лиц в семействе Юрковых. Начальник райзагса Антонов разрешил всем ходатайствующим досрочно оформить отношения, основываясь на циркуляре НКВД от 26.02.1926 №123¹⁹⁰. Согласно

¹⁸⁸ Исупов В.А. Демографическое развитие русского населения Сибири в 1917 – 1959 гг. // Русский этнос Сибири в XX веке. – Новосибирск: НГУ. – 2004. – С. 7.

¹⁸⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО), Ф. Р-173, оп. 1, д. 95, л. 184.

¹⁹⁰ Отдел архива администрации Сузунского района Новосибирской области, Фонд 17, Оп. 1, Д. 1, «Опись архивного делопроизводства по записи актов гражданского состояния по Битковскому райзагсу». Л. 33-35.

постановлению, подобное отступление от минимального брачного возраста допускалось не более чем на полгода. Таким образом, хозяйственно-экономические соображения крестьянства все же продолжали существование, несмотря на пропаганду новых советских ценностей, исключающих всякий имущественный вопрос.

По новому законодательству признавался фактический (казуальный) брак, он приравнивался к зарегистрированному в органах загса. В фактическом браке муж и жена имели те же права и обязанности, что и в зарегистрированном, что, таким образом, при разводе защищало права матери и ребенка. При разводе имущество делилось поровну. Нетрудоспособный супруг мог рассчитывать на помощь со стороны бывшего супруга в течение одного года, а в случае безработицы, бывшего супруга должны были содержать в течение девяти месяцев. Запись отцовства производилась по письменному заявлению женщины. Заявленный отец мог оспорить отцовство в суде в течение года, где главными аргументами при решении были внешнее сходство и отцовство по крови. Таким образом, заявленному отцу доказать суду, что он не является отцом ребенка, было практически невозможно, единственным выходом было найти настоящего отца ребенка. Таким образом, чаще всего суд признавал отцовство, руководствуясь интересами защиты ребенка¹⁹¹. Отец должен был участвовать в расходах, связанных с беременностью и уходом за ребенком, после рождения с отца взымались алименты. Закреплялся принцип, согласно которому с члена крестьянского двора алименты изымались из личных средств конкретного человека, а если их было недостаточно, ребенок имел право на содержание с той части имущества, которая принадлежала данному члену в хозяйстве.

Декрет «О расторжении брака» существенно облегчил процедуру развода: отныне брак мог быть расторгнут по просьбе одного из супругов – местным судом, при обоюдном согласии – загсом. В условиях 1920-х гг. процедура развода предельно упростилась: судья единолично расторгал брак по заявлению одного из

¹⁹¹ Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. – М.: Юристъ. – 1999. – С. 71.

супругов, никаких свидетельств распада семьи не требовалось, так как кодекс не накладывал на супругов никаких обязательств по совместному проживанию и верности. По заявлению одного из супругов право на получение содержания после развода получали несовершеннолетние дети и жена, однако позже, в связи с массовым привлечением женщин в общественное производство, решение по содержанию жены оказалось уже пережитком «буржуазного права»¹⁹².

Статья 133 Кодекса 1918 года уравнивала в правах законнорожденных и незаконнорожденных детей в отношении родителей и их родственников. Данные полевых исследований подтверждают действенность этих законов. Встречалось немало пожилых людей, выросших в семьях со сводными детьми, как со стороны мужа, так и жены, которые были уравнены в правах между собой и с общими детьми супругов. Женщина могла за три месяца до разрешения от бремени подать заявление на отцовство, которое могло быть оспорено мужчиной в течение двух недель в судебном порядке по статье 140 Кодекса. Вопрос об алиментах решался через отделы социального обеспечения при народных комиссариатах, руководствуясь степенью нуждаемости и трудоспособности заявителя¹⁹³.

Согласно новому законодательству, муж и жена уравнивались в следующих правах: жена теперь могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, а также распоряжаться своими доходами. Реализация постулированных в Кодексе 1918 г. положений происходила на фоне сложных ломок, перестроек и реструктуризаций разных областей общественной жизни, неустойчивости быта, общей психологической дезориентированности. В.И. Ленин писал о произошедших изменениях: «От неравенства женщин с мужчинами по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью»¹⁹⁴. Видение «реальной» ситуации состояния семьи и фактического полового равенства в ней как составляющих «нового быта» описывал Лев Троцкий в 1923 г. в программном

¹⁹² Антокольская М.В. Лекции по семейному праву. – М. – 1995. – С. 59.

¹⁹³ СУ РСФСР. - 1918. - С. 130-133.

¹⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 24. – С. 369.

произведении «Вопросы быта. Эпоха “культурничества” и ее задачи». Оценивая состояние семейных отношений, он подчеркивал: «...нелегко сказать, насколько ныне семейные связи разрушаются (в жизни, а не на бумаге) легче и чаще, чем прежде. <...> необходимо признать, что семья, в том числе и пролетарская, расшаталась <...> основной процесс состоит в болезненной и кризисной эволюции самой семьи, и мы присутствуем сейчас при первых очень хаотичных этапах этого процесса. <...> Коренное преобразование семьи и вообще повседневного уклада жизни требует высокосознательных усилий <...> внутреннего культурного подъема». Автор этих строк отмечал, что гарантированное Советами равенство мужчины и женщины в общественных отношениях, работника и работницы на фабрике и заводе еще не порождают «действительного» равенства мужчины и женщины - в семье. «...Задача неизмеримо более трудная и требующая величайших усилий, направленных на то, чтобы революционизировать весь наш быт»¹⁹⁵.

Просуществовавший вплоть до 1968 г. Кодекс 1926 года положил начало этапу стабильности брачного права СССР. В частности, власть взяла на вооружение аскетизм – новый ориентир социалистической морали¹⁹⁶. Именно в это время в стране начинает складываться этакратический брачный порядок¹⁹⁷.

Важным моментом в изменении брачно-семейной жизни крестьян в период 1920-х гг. стало повышение роли формального законодательного брачно-семейного права в повседневной жизни семей. Если в досоветский период особенностью крестьянской семьи в России считалось превалирование обычно-правового регулирования семейного строя и всей семейной жизни¹⁹⁸, то в советском государстве пропаганда новых брачно-семейных отношений постепенно вывела формальную сторону на первый план. С целью более эффективного внедрения нового семейного законодательства, в прессе 1920-х гг. появлялись рубрики типа «Ответы адвоката», в которых специалисты разъясняли тонкости семейного права,

¹⁹⁵ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. С. 123.

¹⁹⁶ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок. // Социальная история – 2002. Гендерный выпуск. – М. – 2003.

¹⁹⁷ Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М.: Едиториал УРСС. – 2003. С. 15.

давали ответы на письма крестьян, присланные в редакции газет и журналов. Юридическая помощь осуществлялась также в Домах Крестьянина. В них могли остановиться на ночлег приезжавшие в город сельские жители и получить справки разного характера. В Новониколаевском Доме Крестьянина, открытом в 1924 г., каждый вечер читали лекции как по эффективному ведению сельского хозяйства и политинформации, так и по всем особенностям советского законодательства, включая и семейное право. Одними из самых популярных были вопросы по земельным наделам и тонкостям семейных разделов дворохозяйства¹⁹⁹. Так, например, в одном из номеров журнала «Сибирская деревня» было дано разъяснение крестьянину П.В. Мырину. Он спрашивал, имеет ли право для содержания дочери его гражданская жена (сожительница) на долю наследства из семьи мужа, который отсутствовал в деревне в течение девяти лет. Крестьянина смущал тот факт, что за эти девять лет женщина не была «верна» фактически бросившему ее супругу, в связи с чем семья мужа отказывала ей в средствах на содержание ребенка. Адвокат со страниц журнала пояснил, что современное законодательство не обязует супругов жить в браке вместе всю жизнь. Если кто-либо из супругов отсутствует, можно получить развод заочно, получив свидетельство о сроке отсутствия через народный суд. Обстоятельство сожительства жены с другим мужчиной в годы отсутствия мужа не лишает ее права требовать наследства для своей девятилетней дочери²⁰⁰. Таким образом, с помощью нового семейного законодательства государство пыталось защитить права матери и ребенка в любой ситуации: как при разводе родителей, так и при рождении ребенка вне брака.

Однако подобное советское новшество с установлением отцовства в одностороннем порядке и выплатами алиментов на детей встречало непонимание среди населения, в особенности у мужчин, и даже представителей советской власти «на местах». Так, в красноярском сатирическом журнале «Сибирская язва» за 1927 г. в рубрике с говорящим названием «Карантин» высмеивался случай с объяснительной запиской для следствия от председателя сельсовета села

¹⁹⁸ Власова И.В. Брак и семья у русских (XII – начало XX века). // Русские. – М.: Наука. – 1997. – С. 416-417.

¹⁹⁹ Дом крестьянина им. Ленина в Новониколаевске // Сибирская деревня. -1924. - № 4. – С. 24 – 26.

²⁰⁰ Ответы адвоката // Сибирская деревня. – 1924. - № 1. – С. 33.

Михайловского тов. Певнева²⁰¹. В записке говорилось, что на председателя сельсовета Певнева поступило донесение о том, что он отказал гражданке Богданович в заверке ее заявления о выплате алиментов. Певнев объяснял свои действия тем, что «Много в сельсовет идут писать частные заявления об алиментах, в чем им я отказываю, так как у нас в районе развита проституция, и возиться с их заявлениями сельсовету нет времени». Комментарии редакции по поводу этого сообщения проясняют ситуацию в том смысле, что «тов. Певнева сняли с должности и собирались судить». Таким образом, первые шаги советского законодательства были направлены на секуляризацию брачно-семейной сферы и на расширение прав женщин в семье.

1.2. Вовлечение сибирских крестьянок в общественно-политическую деятельность

*Не удивляйся друг-читатель,
Что баба козырем пошла.
В совете Марья председатель,
Вершит советские дела.
Вот быта нового осколок
Пусть против баб затихнет шум.
У Марьи, правда, волос долог,
Но не короче Марьин ум.²⁰²*

В ходе государственного строительства в СССР уже в 1920-х гг. выявилась острая потребность в увеличении ресурса рабочих кадров. В связи с этим правительство обратило внимание на целесообразность вовлечения женщин в ряды строителей социалистического общества. Правительственная концепция решения «женского вопроса» заключалась в обеспечение юридического равенства с мужчинами, привлечения женщин к производительному общественному труду, предоставление возможности участия в управлении обществом и государством. Для осуществления этого на практике было необходимо политическое и культурное просвещение, коммунистическое воспитание и «раскрепощение» женщин в семье, а также создание сети учреждений, охраняющих женщин и их труд. Активную роль в

²⁰¹ Безвременный Певнев // Сибирская язва. 1927. № 2-3. С. 14.

разработке концепции играли женщины, стоявшие у истоков организации женского движения в РСФСР, позже в СССР, которые стали авторами книг, брошюр и статей. Они же возглавили при ЦК РКП(б) женотделы, заведующими которых были поочередно: И.Ф. Арманд (1919-1920 гг.), А.М. Коллонтай (1920-1921 гг.), С.Н. Смидович (1922-1924 гг.), К.И. Николаева (1924-1925 гг.), А.В. Артюхина (1925-1930 гг.). Одновременно партийный актив создавал соответствующие организации на местах, в том числе и в Сибири. В Сибири Сибженотделом на начальном этапе его становления заведовала Екатерина Львовна Фаерман, участвовавшая в установлении советской власти в Минусинске, где даже была избрана членом исполкома. Еще одной значимой фигурой в становлении женского движения была Екатерина Васильевна Кузнецова, налаживавшая работу в Омской губернии. С 1924 по 1927 гг. она возглавила краевой Сибженотдел. В Томске организовывала работу среди женщин Муза Яковлевна Дмитриева, которая специально приехала в Сибирь в начале 1922 г. по распоряжению ЦК РКП (б). Позже М.Я. Дмитриева стала редактором журнала «Красная сибирячка», основного органа пропаганды работы среди женщин.

В задачи женотделов входила пропагандистская работа среди населения, а теории и практики этой работы разрабатывали А.М. Коллонтай и И.Ф. Арманд. Одной из важнейших задач они считали налаживание вертикальной связи женотдела с подразделениями «на местах». В Сибири организованная работа среди работниц и крестьянок началась практически сразу после ликвидации колчаковщины²⁰³. Томская историк К.Е. Климанская при изучении вопроса участия женщин в социалистическом строительстве, считала, что несмотря на все сложности становления советской власти в Сибири, отсутствие опыта и инструкций ЦК РКП(б), «стихийная тяга женщин к политической жизни выливалась в создание “женбюро”, “женотделов” <...> Даже были попытки создания самостоятельных женских партийных ячеек (Новониколаевск, в ряде мест Иркутской губернии)»²⁰⁴.

²⁰² Кручина А. Марья-председатель (в дер. Коровино, Щегловского у., Председателем сельсовета избрана женщина) // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 26.

²⁰³ Красная сибирячка – 1929. № 2. С. 18.

²⁰⁴ Климанская К.Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск, 1976. С. 13.

Упорядоченная работа по «женскому вопросу» началась в Сибири лишь в 1920 г. 20 января 1920 г. в г. Омске прошло первое в Сибири организованное собрание женщин. Тогда же были проведены выборы первых делегатов для участия в собрании²⁰⁵. На собрании была учреждена женская коммунистическая секция, которая впоследствии была преобразована в специальную комиссию при агитационно-пропагандистском отделе городского партийного бюро РКП (б). И только 26 мая 1920 г. был создан отдел по работе среди женщин, как того требовали инструкции ЦК РКП (б).

Для пропаганды новой советской идеологии в регионах были созданы женские клубы, передвижные агитационные пункты, называвшиеся «красными палатками», проводились недели агитационной работы среди женщин, «недели ребенка»²⁰⁶ и т.д. Круг проблем, связанных с положением женщины в советском обществе, получил название «Вопросы женщин». Их освещали журналисты как в специальных печатных органах (например, журналы «Коммунистка», «Работница» и «Крестьянка», «Красная сибирячка», «Женский журнал» и др.), брошюрах и методичках по вопросам пропаганды и работы с населением, а также прочих популярных центральных и местных средствах массовой информации. Предполагалось, что материалы женских журналов будут зачитываться вслух сибирским крестьянкам женорганизаторами, избачами, молодыми комсомольцами. Возрастающую популярность женских СМИ в Сибири отражает постоянно растущий тираж журнала «Красная сибирячка»: от 500 экземпляров в 1922 г. до 13 000 в 1929 г. Помимо чтения, пропагандисты прибегали и к более доступным средствам для восприятия информации – постановке коротких и доходчивых по содержанию пьес, раскрывающих суть «женского вопроса». Для повсеместной активизации этой работы комсомольцами и сельскими активистами, в Москве выпускались журналы «Деревенский театр» и «Красная рубашка».

Женский вопрос на страницах газет и журналов освещался в целях разъяснения политики партии и был представлен в виде проблемных аналитических

²⁰⁵ Советская Сибирь. – 1920, выпуск от 23 января

²⁰⁶ Круговые занятия с кандидатами // Красный путь. 1920. № 3. С. 25-28.

статей (их чаще всего писали партийные идеологи)²⁰⁷. Весьма популярным стал жанр художественных рассказов, фельетонов, зарисовок из жизни (то есть наиболее доступный для народных масс)²⁰⁸. Публикации характеризовали положение женщин в современном обществе с патриархальными пережитками как тяжелое и отражали нежелание женского населения повиноваться старым порядкам, и прежде всего — мужьям, братьям и отцам. Одновременно читателям предлагали рассказы о женщинах-активистках и их достижениях. Всячески обличались «буржуазные», имущественные основы старого брака, воспевался брак «по любви», основанный исключительно на взаимных симпатиях (см., например, журнал «Коммунистка», «Красная сибирячка», все выпуски 1920-х гг.).

Другим направлением работы являлось проведение государственной политики внедрения «нового быта», в частности идей Н. Крупской, А. Коллонтай в области, касающиеся семейных отношений. В материалах партийных дискуссий 1920-х гг. вырисовываются такие образы нового быта, как «ясли, детские дома, пионерство, дома-коммуны, жилищная кооперация, трудовые школы, клубы, избы-читальни, коллективное хозяйство, делегатские собрания работниц и крестьянок»²⁰⁹.

Н. К. Крупская сформулировала задачу освобождения женщины от многих семейных «обязанностей и пут» как одно из важнейших направлений партийной работы. В 1920-х гг. «освобождение» женщин с точки зрения лидеров компартии означало следующее: «женщина должна иметь определенные знания о социализме, быть осведомленной о своих правах, должна поддерживать политический режим, работать в общественном производстве и по возможности вступить в партию»²¹⁰. Этому должны были способствовать развитие коллективных форм жизни,

²⁰⁷ Ширямов А. К учебе ответственных работников // Красный путь. 1920. № 3. С. 20-21.

²⁰⁸ Фаерман Е. Женский труд и безработица в новых условиях // Красная сибирячка. 1922. № 2 – 3. С. 80-93; Мойрова. О содержании работ городских делегатских собраний // Красная сибирячка. 1922. № 2 – 3. С. 89-93; Муравей П. Бабыя революция // Красная сибирячка. 1922. № 2 – 3. С. 3-6; Зорский А. Семейный митинг // Красная рубаха. 1928. № 2. С. 1-2; Долев Д. В оба гляди – выборы впереди // Красная рубаха. 1928. № 2. С. 4-5.

²⁰⁹ Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х гг. / Под ред. А.А. Гусейнова и др. – М.: Политиздат. – 1989. С. 188.

²¹⁰ Правкина И.А. Концептуальные основы государственной политики в отношении женщин в СССР: историографический аспект // Женщины в российском обществе. – 1997. - № 3. С. 33.

изменение внутрисемейных взаимоотношений, разрушение старой семьи²¹¹. Партийные комитеты утверждали предложенные направления работы на своих партийных съездах, соответственно им региональные партийные организации разрабатывали планы кружковых занятий. Пропагандистская деятельность среди женщин определялась как особо важная. Перед делегатами собраний ставились задачи: объединять вокруг партии отсталые слои женского населения и вовлечь их в сферу социальных производственных, профессиональных и партийных отношений, приобщая к общественной деятельности и вовлекая в ряды партии.

Если сибирские горожанки еще вовлекались в мероприятия новой советской политики, то работа с крестьянками, в силу различных причин, оценивалась как особенно сложная. Так как в 1920-х гг. именно крестьянское население составляло большинство жителей Сибири²¹², и именно на крестьянок-сибирячек были направлены основная пропаганда и мероприятия по решению «женского вопроса» в Сибкрае.

В Западной Сибири местные органы власти способствовали активизации процесса вовлечения женщин в общественную деятельность и в кооперирование. Руководство уделяло особое внимание вовлечению в общественную работу жен рабочих, домохозяек и крестьянок, в том числе последних - как самых «отстающих». В качестве первоочередных задач рассматривались мероприятия по поднятию активности крестьянок, их участие в составе правлений и ревизионных комиссий. Для этого проводили женские собрания, крестьянок привлекали к активному участию в кампании по выборам, выявляли наиболее активных и привлекали к постоянной работе.

Число женщин в составе ВИКов, сельсоветов, Губисполкомов и уездных исполкомов на выборах 1923-1924 гг. в Сибири*

Составлено по данным: Тихомиров В.Ф. Перевыборы советов в 1924-25 гг. // Жизнь Сибири. 1924. № 7-9. С. 8-9.

Губернии	ВИКи	Сельсоветы	Губисполкомы	Уисполкомы
Алтайская	-	-	2	1

²¹¹ Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х гг. / Под ред. А.А. Гусейнова и др. – М.: Политиздат. - 1989. С. 300.

²¹² Всесоюзная перепись населения 1926 г. СССР, республики и их основные регионы. Населенные места. Наличное городское и сельское население. Сибкрай [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_26.php?reg=17 (дата обращения: 15.05.2015).

Енисейская (с Туруханским краем)	-	-	-	-
Томская	10	129	1	1
Омская	1	39	-	-
Иркутская	3	-	-	2
Новониколаевская	3	-	-	1
Ойротская	-	160	1	-
Итого	17	328	4	5

**Сведения являются не полными.*

Приведенные статистические сведения показывают, что участие женщин в управленческой деятельности в 1924-1925 гг. было более чем скромным. Секретариат Сибкрайкома ВКП(б) постановил проводить собрания и конференции среди женщин каждые три-четыре месяца²¹³. Тем не менее, количество женщин в Советах оставалось не существенным. Так, по итогам перевыборов 1924-1925 гг. в Бийском уезде из 3060 членов сельсоветов только 180 (5,8%) были женщины, среди членов РИКов – 3 женщины. На весь Бийский уезд в 1922 г. приходилось всего 8 волостных организаторов, но, как отмечалось в отчете, «и эти 8 почти никакой работы летом не вели»²¹⁴. В сельсоветы Минусинского уезда в избирательную кампанию 1924-1925 гг. было избрано 237 женщин, но отмечалось, что отсутствует информация об избранных женщинах за прошлый год²¹⁵. Примечательно, что в сводных статистических данных о количестве и «качестве» избранных членов советов, «женщины» были выделены в отдельную категорию наравне с такими характеристиками избранных как «бедяки», «середняки», «кулаки», «коммунисты», «беспартийные» и пр. Таким образом, советское руководство выделяло женщин в особое квазисостояние по гендерному признаку.

В материалах обследования 1926 г. на предмет работы среди крестьянок в Сибири значится тот факт, что в 1925 г. по Сибири прошло 1355 делегатских собраний, в 1926 г. уже 1632. Число делегатов всего за 1 год увеличилось на 41,7% (42 822 делегатки), однако число делегатских собраний сильно отстает от числа сельских ячеек. На следующий год Сибкрайком рапортовал о планах проведения делегатских собраний при всех сельских ячейках ВКП(б) для большего охвата

²¹³ ГАНО. Фонд 1353, оп. 1, д. 29, л. 11-13.

²¹⁴ По Бийскому уезду // Красная сибирячка. 1922. № 2-3. С. 113.

²¹⁵ Тихомиров В.Ф. Перевыборы советов в 1924-25 гг. // Жизнь Сибири. 1924. № 7-9. С. 7.

«женских масс» деревни. В обследовании отмечались случаи неправильного построения делегатских собраний – не путем избрания, а добровольной записи и «назначенства». Отмечалось, что в апреле посещаемость делегатов сильно упала, что объяснялось «распутицей».

Считалось, что делегатские собрания являлись своего рода школами, где женщины получали не только политические знания, но и навыки практической общественной деятельности²¹⁶. Однако в обследованиях часто сообщалось, что поднимаемые вопросы не учитывали практическую деятельность делегатов, поэтому часто они не получали от собраний никакой пользы. В качестве «правильной» и «позитивной» работы делегатов на местах в обследовании приводился ряд примеров. Например, в Косихинском районе Барнаульского округа делегатки вели работу по распространению формалина для протравливания семян, в одном только селе Косиха они «распространили 240 пудов формалина». В соседних селах Полковниково и Михалово делегатки засеяли общественную десятину земли с целью сбора средств для организации яслей и покупки литературы. В селе Филатовское делегатка сажала капусту по методу, рекомендованному в журнале «Крестьянка», тем самым продемонстрировав преимущества научного подхода. Остальные крестьянки села последовали ее примеру. После этого она организовала женский сельхозкружок из 14 человек.

Часто деятельность делегатов сосредотачивалась на контроле за «порядком» в своих селах. Из отчетов делегатских собраний в качестве типичных примеров деятельности можно привести несколько случаев. Так, в Калтае Томско-Коларовского района делегатки раскрыли кражу в магазине и добились проверки и последующего увольнения виновных. В Тайгинском районе Томской области делегатки пришли на школьное родительское собрание и предложили селянам принести деньги на закупку топлива для школы²¹⁷.

Однако идея практической пользы от посещения женских собраний не всегда ставилась во главу угла. Так, например, на собрании крестьянок сел Медведское и

²¹⁶ Румянцева И.Н. О роли делегатских собраний Томского округа в практической подготовке женщин к хозяйственно-политической деятельности (1926 – 1930 гг.). // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Вып. 6. Томск, 1970. С. 5 – 21.

Маслянино Черепановского уезда в декабре 1923 г. обсуждался вопрос о «положении Германии и голоде, который переживают в настоящее время работницы и дети Германии». После доклада на эту тему одна из 200 делегатов предложила организовать комиссию помощи «германскому ребенку» и организовать сбор пожертвований. Сибирячки также запланировали собрать средства, поставив платный спектакль и выпустив подписные листы²¹⁸. Важно отметить, что помимо политического компонента на делегатских собраниях немало внимания уделяли художественно-эстетическому просвещению женщин. Так, помимо собраний, обсуждений и «проверки» политических знаний делегатов, женщины своими силами ставили спектакли, готовили музыкальные выступления, проводили экскурсии и игры²¹⁹.

В соответствии с поставленными задачами «о вовлечении женщин-крестьянок в Советы»²²⁰ губернские исполнительные комитеты периодически высылали отчеты о состоянии этого вопроса в губерниях края. Так, например, секретариат Алтгубисполкома сообщил, что «результаты на местах в области привлечения крестьянок в Советы частично видны. Однако, летние полевые работы заметно отвлекают от работы секций сельсоветов не только женщин, но и мужчин»²²¹. Подводя итоги перевыборной кампании 1927 г. в сельской кооперации в Сибири (в трех основных системах кооперации – потребительской, маслодельной и сельскохозяйственной) автор отчета, Г. Ефимов с сожалением констатировал, что «участие женщин в составе выборных органов ничтожно, как и в прежние годы <...> достаточно сказать, что в правлениях маслокооперации женщины занимают 2,8% ко всему числу правленцев, а в потребкооперации их участие возросло на 1% до 3,7%». Автор подвел итог: «Женщины в выборных органах – явление редкое и этого не исправила законченная перевыборная кампания в кооперативах, хотя и имела одной из задач усиление привлечения женщин»²²².

²¹⁷ ПАТО. Ф. 76, оп 1, д. 1319, л. 69.

²¹⁸ Оленина. Крестьянки откликнулись „ Красная сибирячка. 1924. № 1. С. 72-73.

²¹⁹ ПАТО. Фонд. 76, оп. 1, д. 1316, л. 85.

²²⁰ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 70, л. 3.

²²¹ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 70, л. 4.

²²² Ефимов Г. Итоги перевыборной кампании в сельской кооперации в Сибири // Жизнь Сибири. 1927. №2. С. 104.

Оценку состояния работы с женщинами в первой половине – середине 1920-х гг. можно прочитать в отчетах о рабочих поездках председателей Губисполкомов. В резолюции по докладу о «Новом советском аппарате» в 1924 году говорилось, что в Чистюньской волости Алтайской губернии был женский волорганизатор – девушка 17-ти лет. «Политподготовку получила в Алтгубсовпартшколе, которую окончила в 1923 году, была членом Революционно-коммунистического союза молодежи (далее – РКСМ). Свою работу видела в проведении женских собраний и в устройстве ежегодной волконференции, в последней принимали участие 30 делегатов, а всего числилось делегатов – 75 <...> в основном молодые женщины и девушки». Жалование волорганизатор получала от ВИКа в размере 8 рублей в месяц. Однако обследовавшие органы вынесли вердикт: «По общему уровню развития это человек малоподходящий в работе женского волорганизатора, так как по своей молодости не пользуется достаточным авторитетом»²²³. В отчете отмечалось, что подобное положение дел вполне типично для Алтайской губернии.

Инструктор Сибженотдела тов. Федосеева обследовала состояние работы среди женщин Красноярского округа на примере Сухобузимского района, как наиболее большого и экономически важного (села Шилинское, Устюг, Сухобузимское и Воробино). В своем отчете она свидетельствует: «Положение женщины-крестьянки по сравнению с прошлым, конечно, изменилось. Но семейные взаимоотношения, взгляд на женщину находятся на переломе. Перелом замечается, но, как будто насильственный. Так, муж боится бить жену, притеснять, так как знает, что это ему даром не пройдет, знает, что суд в таком случае встанет на защиту женщины. Хотя очень много случаев бросания жен с детьми, но крестьянка начинает осознавать свои права и ищет их». Читая подобные отчеты, возникает впечатление стабильных конфликтов, скандалов и драк в сибирских семьях, что, однако, совершенно противоречит данным полученных в ходе глубинных интервью, в которых ровесники тех лет вспоминают в основном о добрых и уважительных отношениях между родителями. Рассказы о таких шумных семьях встречались в среде сибирских старожилов, которые не одобряли переселенцев как раз за

²²³ ГАНО. Фонд 1, оп. 1, л. 113.

подобные сцены семейной жизни («мы-то жили, уж людей-то не смешили» говорили они про себя, противопоставляя себя, прежде всего, южнорусским и белорусско-украинским выходцам). Однако здесь нельзя отбрасывать субъективных фактор, так как сибиряки (чалдоны) отнюдь не всегда восторженно встречали новопоселенцев.

Далее, рассказывая о разводах, Федосеева также пишет в отчетах о них как об обычных явлениях: «Секретарь Устюгинской ячейки рассказывает, что очень много женщин в случаях семейных недоразумений обращаются за советом к секретарю ячейки и организатору. Крестьянки заявляют в сельсовет, подают в суд и т.д. В случаях развода добиваются полагающейся части имущества. Хотя есть еще робость и забитость крестьянок... Крестьянка из села Сухобузимского рассказывает: «Муж два года назад бросил ее с детьми. Вела крестьянство, хозяйство не уронила, кормила семью в пять человек. Недавно муж вернулся и предлагает снова сойтись. Я ему сказала, что ничего против не имею, если он окончательно изменит свой характер. Раньше издевался надо мной, бил, я ничего не говорила, все переносила. Теперь так обращаться не позволю, не те времена. Если хочет по-старому командовать, пусть катится от меня, сумею одна ребят вырастить, помогать же им все равно обязан». Такие случаи в деревне были не единичны как заключают авторы других подобных «отчетов»²²⁴. В заметке «Не стоим на месте», опубликованной в журнале «Красная сибирячка» описывается случай из работы женсовета села Верх-Ильмень Новониколаевского уезда, рассказанный делегаткой тов. Горбушкиной. Крестьянку Марию Нестерову муж выгнал из дому с двумя детьми. Так, женщины села заставили его дать ей до суда 27 пудов хлеба, и подали на него в суд, «теперь застоим, не дадим в обиду»²²⁵. Полевые материалы говорят о том, что распространенность подобных ситуаций с разводами и дележом имущества была минимальной, если судить хотя бы по тому, что единичные объявления о разводящихся семейных парах помещали в местных газетах.

²²⁴ ГАНО, фонд П-2, оп. 1, д. 1075, л. 27 – 28.

²²⁵ Не стоим на месте // Красная сибирячка. 1924. № 1. С. 84.

Благодаря новому советскому законодательству, предполагавшему свободу развода для состоящих в браке и, вероятно, общей дестабилизации в сибирской деревне, на протяжении 1920-х гг. шел постепенный рост числа разводов. Тенденции к росту числа разводов среди сельского населения Сибири можно проследить в таблице, из которой видно, что большинство разводов совершалось в первом браке – 81 %–87 %.

Количество разводов в сельском населении Сибири 1920-х гг.

Сведения за 1923 и 1924 гг. составлены по сводным материалам Томской губернии (ГАО, ф. 1328, оп. 1, д. 616, л. 3, ГАО, ф. 1328, оп. 1, д. 676, л. 27).

Сведения за 1925-1927 гг. составлены по сводным материалам Сибкрая без учета Ойротской области, Красноярского и Канского округов (Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925-1927 гг. – Новосибирск, 1930. – 96 с.). Сведения за 1928-1929 гг. составлены по материалам Сибкрая по «Общим сведениям о естественном движении населения по сельским местностям». ГАО фонд 11, оп. 2, д. 22, л. 5.

Годы	Всего разводов	В том числе состоящих в браке					
		Мужского пола			Женского пола		
		первом	Втором	третьем	первом	втором	Третьем
1923	684	574	108	2	576	103	5
1924	1017	886	125	6	869	130	18
1925	6108	4937	678	60	4829	799	47
1926	5958	4898	603	40	4918	670	58
1927	12689	10907	1441	101	10787	1544	126
1928	13274	...	...	...	...	...	...
1929	11766	...	...	...	...	...	...

По данным Томской губернской сводки пик разводимости в 1923 г. приходился на возраст 20–24 года - 36,2 % и 39 % всех разводов для женщин и мужчин соответственно. При этом 25,2% браков было расторгнуто женщинами и 16,6% мужчинами в возрасте 18-19 лет. В 16-17-летнем возрасте – 8,9 % женщин и 3 % мужчин расторгли свои браки²²⁶. Эти цифры говорят о том, что основное число разводов у сибиряков происходило в первые годы брачной жизни. Пик разводимости в 1924 г. приходился для женщин уже на 18–19-летний возраст– 33,1 % (31,1 % в 20–24 года). Для мужчин пиковым возрастом остались 20–24 года - 40,5 %, а 21,5 % мужчин развелись в 18–19 лет²²⁷. Вырос и процент женщин разводящихся совсем молодыми в 16–17 лет - 11,6 % от всех разводов. Разводы в

²²⁶ ГАО. Фонд 1328, оп. 1, д. 616 «Сведения о разводах за 1923 год», л. 3.

возрасте супругов старше 50-ти лет были единичны (в 1924 г. менее 1%). Абсолютное большинство разводов, согласно официальной статистике, происходило по обоюдному согласию – 93 %–97 %.

Таким образом, основной массе разводящихся в Сибкрае не было еще и 30-ти лет. Судя по значительному количеству разводов в очень раннем возрасте 16-19 лет, браки распадались, не просуществовав и года. Раннюю разводимость можно объяснить происходящей в сибирских селах «революцией чувств»²²⁸, которая привела к тому, что начали заключаться браки, основанные не на вековых традициях беспристрастного родительского подбора супругов, а «скороспелые», заключенные по взаимному чувству. В таких союзах довольно быстро наступало разочарование, а старый принцип «стерпится – слюбится» уже не работал.

При изучении книг регистраций актов о разводе Колпашевского и Курейского волисполкомов Томской губернии за 1920-1924 гг. было замечено, что абсолютное большинство разводов (77 %) происходило в бездетных браках (вероятно не только по состоянию здоровья, но и по причине небольшой продолжительности брака, судя по раннему возрасту разводящихся). В архивных документах встречались пометки о том, что дети были, но умерли. В некоторых записях отмечен факт беременности жены и замечания о том, что будущий ребенок останется с матерью. В большинстве случаев при разводе дети оставались при матерях, однако в 7,4 % случаев дети передавались отцам, причины этого указаны не были²²⁹.

Протоколы женских собраний фиксировали проблемы, наиболее болезненные для женского населения деревни. В инструкциях по привлечению женщин к общественным делам чаще всего указывалось, что следует ставить вопросы, волнующие их в первую очередь. В первой половине 1920-х гг. крестьянок волновало пьянство, избиение женщин мужьями, вред от аборт, венерические заболевания, брошенные дети, проституция, а также способы вовлечения женщин в общественную работу.

²²⁷ ГАНО. Фонд 1328, оп. 1, д. 676 «Сведения о разводах за 1924 год», л. 27.

²²⁸ Термин используется А.Г. Вишневого, см. Серп и рубль. М. – 1998. – С. 139.

²²⁹ ГАТО. Ф. 243, оп. 2, д. 27, л. 1 – 25.

На страницах сибирской женской прессы часто в ненавязчивой форме художественные рассказы подвели читателя к «правильным» выводам. Приведем рассказ о Фекле Чекуновой, которая ставила своего мужа перед фактом: «Ты, Иван, сам обед свари, мне некогда, сегодня - делегатское. Ворчишь²³⁰ все, что плохие обеды из столовки приношу, - так свари, я посмотрю твое искусство...»²³¹. Далее описывалась ситуация подчинения интересов мужа общественным интересам жены. Из-за постоянной активности Феклы муж может быть и не очень успешно, но стал выполнять домашнюю работу, до революции свойственную только женщине — стирать, стряпать, заботиться о детях. Этот рассказ демонстрировал крестьянкам не только пример возможного эгалитарного брака, но и примера женского успеха в общественной деятельности.

Еще одним видом советской общественной работы для женщин стало их привлечение к повседневной деятельности в судах. Инструкции предписывали: «необходимо избрать значительное количество женщин-заседательниц, так как во всей массе бытовых дел фигурируют женщины, то как обиженные, то как нарушительницы прав. Таким образом, женщина-заседатель может помочь бороться за новый быт и отстаивать права женщины»²³². Прежде всего вовлечение в деятельность судов коснулось городских жительниц. Показательным делом советской общественности в отношении к женщине в русле политики построения «нового быта» 1920-х гг., стал судебный процесс над Фридой Гуревич, проходивший в Новосибирске в 1926 г.²³³. 23-летняя Фрида убила своего гражданского мужа (сожителя). Первоначально ей предъявляли обвинение в убийстве из ревности. Однако защита представила дело так, что сожитель (гражданский муж) избивал Фриду и ее ребенка, то есть умалял ее человеческое достоинство. К тому же он часто посещал рестораны и проституток, не приносил деньги в семью. Особо акцентировался тот факт, что «вступить в комсомол муж категорически запретил». Последней каплей стало предложение мужа зарабатывать деньги на панели. Защита подчеркивала, что обвиняемая родилась и воспитывалась в бедной патриархальной

²³⁰

²³¹ Муж делегатки // Красная сибирячка. 1924. № 1. С. 70-71.

²³² ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 70, л. 124 – 124 об.

семье и не получила даже минимального образования. Вердикт было следующим: «потерпевший виноват в том, что не смог перевоспитать Фриду, порвавшую с семьей и вместе с ней со старым бытом. Она стремилась к развитию и в этом ей нужно было помочь». Таким образом, суд приговорил Фриду Гуревич лишь к двум годам лишения свободы условно. Безусловно, этот процесс не был «проходным» и «типичным», но стал во многом показательным: «темнота» и «забитость» женщины, стремление к развитию которой не было поддержано мужем, послужили главным оправдательным мотивом.

Еще один пример обращения женщины в суд приводился в сибирском сатирическом журнале «Сибирская язва». В заметке «Нос не по Гоголю»²³⁴ рассказывается о том, как конторщик станции «Красноярск» И.И. Клименко, будучи пьяным, откусил своей жене нос. Журналист съязвил в комментариях к этой городской новости: «Закусить, видимо, захотелось после выпивки. Откусил нос и жует теперь... статью Уголовного кодекса». В заметке также обозначено и поведение мужа, после того как он пришел в себя и понял, что натворил: «Он стал умолять жену не доводить до сведения властей и угрожал, в противном случае, облить жену серной кислотой или отравить стрихнином». Однако жена конторщика оказалась женщиной уже «нового типа», которая не стала терпеть домашнее насилие и привлекла мужа к уголовной ответственности. Более того, поведение супруга было подвергнуто общественному остракизму, он стал героем фельетона на страницах популярного журнала с указанием фамилии и должности.

Безусловно, получение женщинами прав в вопросах, которые раньше считались сугубо внутрисемейными, вынесение их на всеобщее обсуждение и общественное порицание, сибирских мужчин совсем не радовало. На страницах журнала «Красная сибирячка» периодически освещался вопрос о том, что даже мужчины-руководители, партийцы не воспринимали работу женотделов, собраний делегатов серьезно. Как считали сами женщины-активистки, мужчины лишь терпели работу по раскрепощению женщин, так как XI Съезд партии обозначил ее

²³³ Информация о процессе была опубликована в Советской Сибири. – 1926. – 16 июня.

²³⁴ Нос не по Гоголю // Сибирская язва. 1927. № 2-3. С. 14.

как особо важную. Работу женотделов зачастую презрительно называли «бабьим делом», сами женотделы «Крайбабами», «Центробабами», «Бабкомами» (см. информационные сообщения «с мест» в журналах «Красная сибирячка», «Сибирская деревня» и т.д.). Как отмечалось в прессе, не только мужчины неуважительно относились к подобного рода активности, но и сами женщины не всегда были на стороне активисток²³⁵.

В различных документах 1920-х гг. встречались материалы о том, что в Сибири крестьянские массы и представители местных властей, интеллигенции, не осознавали важности «женского вопроса» в работе партии, не понимая, каким образом работа с женщинами повлияет на изменение образа жизни всего общества и поэтому глубину процесса этих изменений. Обследование работы среди крестьянок в Сибири зафиксировало случаи не всегда серьезного отношения руководителей. Так, например, «в Бийском округе на делегатском собрании, которым руководил почтарь, член партии, он бросал беседу с делегатками на полуслове, когда подъезжали лошади, и уходил»²³⁶. Еще более сложная обстановка складывалась в районах с преобладающими коренными народами Сибири. В отчетах из Ойротской автономной области отмечалось, что главным препятствием в вовлечении женщин в общественную работу являлось «отношение алтайцев к женщине как к нечистому существу, не человеку. Это алтайское отношение к женщине передается и русскому населению. Русские мужчины не видят в женщине равного себе человека»²³⁷.

Самой большой проблемой работы женотделов была кадровая. В начале 1920-х гг., когда работа с женщинами только начинала набирать обороты, все женщины-члены партии, в соответствии со своим уровнем подготовки, принудительно обязывались сотрудничать с женотделами и проводить работу среди женского населения²³⁸. В одной из докладных записок Секретариата Сибкрайкома ВКП(б) по вопросам охраны материнства и младенчества указывалось на то, что одной из слабых сторон развития этого направления является текучесть состава окружных

²³⁵ Информация с мест // Красная сибирячка, 1929, № 9.

²³⁶ Пукит. Работа среди крестьянок в Сибири. Из материалов обследования. // Коммунистка. 1926. № 9. С. 48.

²³⁷ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 70, л. 6 – 10.

²³⁸ Климанская К.Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск, 1976. С.15.

женщин - руководителей. «Как только выдвиженка на посту Охрматмлада (охраны материнства и младенчества) получает достаточный опыт работы, ее перебрасывают на другое, “более серьезное направление”. К тому же большинство выдвиженок на решение женских вопросов были в основном учительницами, а не из среды работниц и крестьянок, как требовали власти²³⁹. Подобное явление было следствием того, что большинство женщин, а в особенности крестьянки, были неграмотны, в том числе и в политическом отношении. Как отмечалось в служебных записках 1920-х гг. женщин, немного научившихся читать, приходилось переводить на более ответственные должности.

Для решения вопроса руководящих кадров среди женщин на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Комитетом по улучшению труда и быта крестьянок и работниц при Президиуме ВЦИК была развернута программа подготовки курсов для колхозниц на рабфаках, ВУЗах и ВТУЗах. Курсы были нацелены на подготовку крестьянок-активисток, умеющих бегло читать и писать, особо отмечалось, что необходимо отдавать предпочтение батрачкам и беднячкам²⁴⁰. В 1929 году была начата кампания по изобличению и выдворению жен кулаков из собраний делегатов и женсоветов, что, согласно периодическим информационным заметкам в журнале «Красная сибирячка», происходило повсеместно «с большим воодушевлением народа». Также отмечалось, что батрачек и беднячек все еще очень мало на женских собраниях, а главная причина их слабой «втянутости в процесс» – загруженность домашней работой²⁴¹. Скорее всего это объяснение являлось лишь отпиской, проблема заключалась в неизменившемся сознании крестьянства того времени.

В отчетах с мест отмечалось: «Женщин с трудом приходится собирать на общие собрания, они боятся идти, чтобы их не записали в коммунистки, и когда им говоришь, кем должна быть женщина, то они безнадежно отмахиваются рукой, говоря: «нам и без того живется тяжело, а тут еще учись да на собрания ходи». Это же с особой энергией подтверждали мужчины, которые повторяли «наши бабы и без грамоты хороши, а если им дать грамоту, то они, пожалуй, нас совсем слушаться не

²³⁹ ГАНО, фонд 1353, оп. 1, д. 46, л. 25.

²⁴⁰ ГАРФ, фонд 6983, оп. 1, д. 177, л. 9.

²⁴¹ Красная сибирячка, 1929, № 1. С. 21.

будут, и так с ними справиться не можем»²⁴². В докладе Сибревкома о вовлечении женщин в работу Советов в 1925 г. было подтверждено, что «наряду с выявлением активности и интереса женских масс к общественной работе, необходимо отметить другое: мужская часть населения в большинстве сел чрезвычайно консервативна. Мужики, чтобы помешать "бабам" организовываться, устраивали препятствия вплоть до избиения своих жен и запираания их на замок»²⁴³. На страницах журнала «Красная сибирячка» встречается и информация, когда мужья даже бросали своих жен из-за посещения делегатских собраний²⁴⁴.

Советские активисты всячески пропагандировали линию разностороннего образования женщин для поднятия их престижа в семье. Положение женщины-домохозяйки, экономически зависимой от мужчины, представлялось в общественном мнении как тяжелое, сходное с положением домашней рабыни. Было даже математически подсчитано, насколько больше угнетена крестьянка в сравнении со своим мужем. По данным бюджетных обследований крестьянка затрачивала на домашний труд 2279 часов в год, крестьянин же всего 622 часа, то есть почти в четыре раза меньше. Вся тяжесть ведения домашнего хозяйства в основном ложилась на плечи женщины. Домашний труд по занимаемости времени стоял у женщин на втором месте после сельского хозяйства: в Сибири 44 % от всего запаса рабочего времени уходило у взрослой женщины на домашние дела. Домашний труд чрезвычайно увеличивал нагрузку на женщину, длина рабочего дня в крестьянских хозяйствах Западной Сибири была на 1 – 2 часа больше, чем у мужчин²⁴⁵. На самовоспитание и общественную деятельность крестьянка расходовала всего 21 час в год, крестьянин – 321 час²⁴⁶.

Существенным препятствием в деле вовлечения сибирячек в общественную жизнь страны назывался недостаток яслей и садов, что мешало крестьянкам принимать более полное участие в советской работе. В прессе 1920-х гг.

²⁴² Жулаева А.С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири в 1920-1926 гг. (к проблеме соотношения традиций и новаций). – Красноярск: рукопись канд. дисс. - 1999. – С. 112.

²⁴³ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 70, л. 18.

²⁴⁴ Ширман Т. Прошлое в настоящем. // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 16.

²⁴⁵ Васильева Л.И. Организация труда в крестьянском хозяйстве. Вып. 22. – Омск: Изд. Западно-Сибирской областной с. – х. опытной станции. – 1929. – С. 23.

встречается немало заметок о том, что сами крестьянки отказывались от организации детских яслей на летний период, мотивируя свой отказ тем, что любая активность со стороны женсоветов может повлечь за собой «втягивание в коммунию», от чего они хотят держаться подальше. Как писали журналисты тех лет: «женщины как огня боятся всякой организации», «деревенские женщины рассматривают женактивисток как агентов советской власти, которым нужно оказать сопротивление» и т.д.²⁴⁷. Сибирский историк И.С. Кузнецов в работе «Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы» выразил мнение, что «коммуния», как выражение нового порабощения, осмысливалась крестьянами через призму его традиционных представлений, сформировавшихся длительным опытом борьбы с помещиками, крестьяне отождествляли коммунию с барщиной, помещичьим хозяйством²⁴⁸. Привлечение женщин в комсомол получило ироническое и в то же время негативное наименование «одевичивание»²⁴⁹. Помимо нежелания самих женщин вступать в комсомол, мужчины-организаторы также считали, что «от девушек мало пользы». Все мероприятия в основном сводились к организации женских собраний, иногда созданию кружков кройки и шитья, вязания, кулинарии, а то и просто обещаниям найти жениха в союзе²⁵⁰. В подтверждение этого тезиса можно привести записанные в 1920-е гг. частушки:

У меня милого нет,
Заявляю в комитет.
В комитете разберут,
Мне миленочка дадут.

У меня коса большая,
Сама завивается,
С комсомольцем я гуляю,
Коммунист гоняется.

Ухажеров счетом тридцать, -
Я не знаю, куда скрыться,

²⁴⁶ Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922-1923 гг. – Л., 1924. – Диаграмма № 5.

²⁴⁷ Информационные сообщения // Красная сибирячка, 1929, № 5, с. 16.

²⁴⁸ Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.: Учеб. Пособие. – Новосибирск: НГУ. – 1992. – С. 54.

²⁴⁹ Слезин А.А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 80 – 85.

²⁵⁰ Там же. С. 80.

Потому их столечко,
Что я комсомолочка²⁵¹.

Важно отметить, что девушки, вступившие в партию, были несколько дезориентированы, поскольку комсомольские лидеры и пропагандисты никак не могли договориться о том, что соответствует «пролетарской скромности». К комсомолкам предъявлялись требования «хорошего вкуса», то есть требования отказаться от «интеллигентских», «мещанских», «нэпманских», «буржуазных» привычек, что в обыденной жизни выглядело как желание девушек выглядеть и одеваться красиво²⁵². Вероятно именно поэтому самыми распространенными вопросами от девушек-комсомолок в различных дискуссиях были: «Какую красоту признает партия?», «Можно ли пудриться?», «Можно ли носить не золотые брошки?», «Если ношение кашне не является излишеством, то почему же излишеством является ношение шелковых платьев?», «Что такое мещанство и интеллигенция?»²⁵³. Эта проблема также нашла отражение в записанных в 1920-е гг. частушках:

Как не стыдно вам, девчата,
Мазаться, белиться,
Без румян да без белил
Можно веселиться²⁵⁴.

«Женский вопрос», педалирование образа «новой советской женщины» в массах способствовали расцвету народного творчества в виде частушек, ироничного содержания, метко и по-народному тонко отражающего происходившие изменения:

Девки наши в женотделе
Пропадают целый день –
Все учиться захотели,
Знать учиться им не лень.
Расплетают девки косы,
Кудри вьются кольцами –
Обсуждаются вопросы
Вместе с комсомольцами²⁵⁵.

²⁵¹ Частушки. Записаны В.А. Муриным. // Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С. 63.

²⁵² Слезин А.А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевничивания». // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 83.

²⁵³ Цит. по Слезину А.А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевничивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 83.

²⁵⁴ Частушки. Записаны В.А. Муриным. // Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С. 64.

²⁵⁵ Дядя Саша. Под гармошку // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 13.

Таким образом, вовлечение женщин в общественную жизнь наталкивалось на ряд разных проблем. Это и «патриархальная позиция» мужчин, и низкий уровень «самосознания женских масс», а также в целом неприятие сибирскими крестьянами советской власти и проводимых ею реформ. В условиях советской консервативной модернизации значительная часть общества была не готова к восприятию модернизационных перемен и внутренне сопротивлялась им²⁵⁶. Даже вовлеченные в общественную жизнь крестьянки часто не могли выполнять ответственную работу по причине неграмотности и загруженности домашними делами. Кадровая проблема усугублялась и тем, что обученные и получившие опыт общественной работы женщины достаточно быстро переводились «на более ответственные направления». Вовлекая женщин в работу советского аппарата и общественную работу, «женщины» в советском государстве выделялись наряду с «бедняками», «кулаками» и пр. в особое квазисословие, определяемое по гендерному признаку.

1.3. Международный женский коммунистический день «8 Марта» и его роль в формировании образа «новой советской женщины»

*Справляя красный юбилей
И вознося борьбы начало,
Ты помни: гибнет в серой мгле
Твоих подруг еще не мало²⁵⁷ ...*

Среди новых, введенных в 1920-е гг. праздников, стало мероприятие «8 Марта» или Международный женский коммунистический день. Принято считать, что инициатива «один день в году – 8 Марта, сделать днем смотра сил женщин-работниц, готовых бороться за дело освобождения работниц»²⁵⁸ была вынесена Кларой Цеткин на 2-ой Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене в 1910 г. Цеткин предполагала с помощью этой акции проводить широкую агитацию за женское избирательное право. Инициативу ввести отдельный «женский» день поддержали не только Отдел по работе с женщинами, но и советское руководство в целом. Таким образом, из политической акции борьбы за свои права «женский день» получил официальный статус праздника. Точкой отсчета «широкого» внедрения в массы «женского дня» стало

²⁵⁶ Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ. – 1998. – С. 135.

²⁵⁷ Из стихотворения: Пасынков М. 8-ое марта // ««8 Марта»» в деревне. Л., 1926. С. 33.

Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 29 января 1923 г., которое предписывало всем советским учреждениям ускорить проведение в жизнь мероприятий для празднования Международного Дня работниц²⁵⁹. В «раскрутке» нового праздника также должны были принять участие Главпрофобр (вовлечение работниц в школы профтехнического образования), ВСНХ (проверка условий труда женщин), Главполитпросвет (борьба с женской неграмотностью и повышение политического просвещения женщин), Наркомнац (агитационная работы среди женщин Востока), Наркомзем (распространение идей сельскохозяйственной кооперации среди женщин) и Наркомтруд (проведение ряда мероприятий, способствующих смягчению положения безработных)²⁶⁰.

Целью внедрения праздника стала дополнительная возможность пропаганды и вовлечения женщин в деятельность государственных структур, а также продвижение идей «раскрепощения» женщины из-под домашнего гнета - «самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства»²⁶¹. Анализ материалов печати (пресса, методические пособия, выпущенные в 1920-х гг. к празднику) показал, что проведение действительно массового празднования «8 Марта» на территории всей страны впервые состоялось в 1925 г. До этого новый праздник отмечался локально женскими активистками и партийцами.

Продвижение праздника «8 Марта» как «женского дня» поддержала в 1925 г. Третьяковская галерея тематической выставкой «Женщина в русской живописи». Целью данного мероприятия стало представление многообразия женского мира (представление женских образов «разных классов») и предметов бытовой женской повседневности разных слоев общества. В буклете выставки подчеркивалось, что художественная значимость произведений не стояла на первом месте при подборе экспонатов, а больше уделялось внимание возможности разносторонней

²⁵⁸ Крупская Н.К. ««8 Марта»» международный женский день. М., 1928. С. 8.

²⁵⁹ Материалы к международному дню работниц 8-го марта 1923 г. М.: Бюллетень Отдела ЦКРКП по работе среди женщин, 1923. С. 3.

²⁶⁰ Там же. С. 4.

²⁶¹ Крупская Н.К. «8 Марта» международный женский день. М., 1928. С. 8.

презентации женщин из разных социальных сфер и их судеб. Организаторы сетовали, что подобрать дореволюционные портреты женщин не аристократического происхождения оказалось не самым легким делом, особенно это касалось изображения женщин-рабочих и трудовых процессов²⁶².

Внедрение нового «праздника женщин» шло со сложностями. Если задача мероприятия в целом была ясна – «пробуждение сознания широких женских масс <...>, а через него втянуть их в общественную работу», то механизм празднования был не понятен. Для этого Отдел работниц ЦК ВКП(б), Главполитпросвет и другие органы агитации в 1925-1926 гг. выпустили массу методических пособий, практических материалов и справочников к Международному женскому коммунистическому дню²⁶³. Довольно тонкие, легко читаемые брошюры были написаны как первыми лицами в области женской политики, так и авторами «на местах». Для популяризации нового женского праздника предполагалось широкое привлечение прессы, причем не только специализированной, женской, но и общего профиля. Так, например, в рубрике «Политический отдел» журнала «Красная сибирячка» излагалась мифологизированная версия женского праздника: «Работницы и солдатки Ленинграда, готовясь ко дню «8 Марта», уже в феврале выставили требование «хлеба и мира». <...> Это и послужило сигналом к Февральской революции»²⁶⁴. Таким образом, отправной точкой нового праздника стало событие, в котором женщины, якобы, повлияли на революционную ситуацию в стране.

Важно отметить, что выпускаемые к празднику пособия были двух видов: для работы с работницами города и для крестьянок в сельской местности. Празднование «8 Марта» в деревне сопровождалось рядом трудностей, связанных

²⁶² Буклет выставки «Женщина в русской живописи» М., «8 Марта» 1925. – 13 с.

²⁶³ 8-е марта 1925 года – 8-е марта 1926 года. Сборник циркулярных распоряжений и постановлений по работе среди работниц и крестьянок, партийных, советских, профессиональных и кооперативных органов на 1925 г. М., 1925. – 38 с.; ««8 Марта»» в деревне. Л., 1926. – 80 с.; «8 Марта» в избе-читальне. Л., 1925. – 72 с.; 8-ое марта. Материалы для городских докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню в 1928 г. Ростов-на-Дону: Издание АПО и Отдела работниц и крестьянок Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП(б), 1928. – 32 с.; Крупская Н.К. «8 Марта» международный женский день. М., 1928. – 16 с.; Ленин В.И. К «8 Марта». М.: Отдел работниц ЦКРКП, 1924. – 24 с.; Материалы к международному дню работниц 8-го марта 1923 г. М.: Бюллетень Отдела ЦКРКП по работе среди женщин, 1923. – 15 с.; Фогель А. «8 Марта» в городе и деревне. М.-Л., 1928. – 68 с.; Шамурина З. 8-ое марта. Международный женский день. М.-Л.: Библиотечка «Долой неграмотность», 1926. – 66 с. и др.

как с невысокой женской активностью в деревне, так и недостатком оргкадров. В связи с этими сложностями, основную работу по организации, проведению и популяризации этого праздника в сельской местности возложили на избы-читальни и их работников – избачей. Именно для избачей в первые годы проведения «8 Марта» были выпущены методические пособия с разъяснением целей и задач мероприятия, примерные сценарные планы и рекомендации. Красной линией практически во всех методических пособиях 1920-х гг. проходила идея о необходимости воплощения в жизнь «заветов Ильича». «Путь к коммунизму нам указал т. Ленин. Мы должны завершить это великое дело. Это последний завет нашего вождя!», «Каждая кухарка должна научиться управлять государством»²⁶⁵. Цитаты В. Ленина и публикация текстов его выступлений стали важной составляющей всех методических брошюр.

В плане первых мероприятий «8 Марта» должен был состояться отчет о «достижениях» советской власти и советских женщин. В преддверии женского праздника на всех заседаниях советов, исполкомов, профорганов, кооперативных и иных общественных организаций должен был быть зачитан доклад о значении Международного Женского Дня. Для проведения агитационной праздничной кампании при парткомах планировалось создавать специальные комиссии, которые руководили всей работой в связи с мартовскими мероприятиями. Однако, как отмечалось в методичке 1928 г., необходимо было учесть ошибки предыдущих лет, когда «мероприятия, проводимые к «8 Марта», не закреплялись и не осуществлялись в дальнейшей работе, и, в частности, имели место случаи, когда выдвинутые в порядке выдвижения к «8 Марта» работницы и крестьянки не обеспечивались в дальнейшем необходимой поддержкой и систематическим руководством, что приводило к снятию их через некоторое время с работы»²⁶⁶. Это

²⁶⁴ Товарищи работницы и крестьянки! // Красная сибирячка. 1923. №2-3. С. 2-3.

²⁶⁵ Шамурина З. 8-ое марта. Международный женский день. М.-Л.: Библиотечка «Долой неграмотность», 1926. С. 6, 47.

²⁶⁶ 8-ое марта. Материалы для городских докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню в 1928 г. Ростов-на-Дону: Издание АПО и Отдела работниц и крестьянок Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП(б), 1928. С. 7.

замечание отражает то нестабильное, во многом протекционистское положение женщин в органах советской власти.

Советские разработчики нового праздника призывали организаторов «на местах» при проведении агитационной кампании «избегать трафаретных приемов, казенных докладов <...> обратить основное внимание на организацию выступлений и проявление самостоятельности участниц собраний»²⁶⁷. Для «оживления» обязательных отчетных докладов в методичках публиковались «достижения» в области вовлечения женщин в общественную работу, росте числа делегатов и девушек-членов РЛКСМ в виде наглядной и доступной для понимания необразованными женщинами инфографики. Власти также призывали придать мероприятию увеселительный характер, и больше ставить самостоятельных спектаклей и инсценировок. Материалы рекомендуемых пьес, песен, частушек и т.д. публиковались во всех тематических методичках, а также в женских и агитационных журналах.

Художественные материалы к Женскому дню в целом не сильно отличались от общего контента женской агитпропаганды. Тем не менее, наибольший упор делался на продвижение образа женщины-активистки, советского руководителя. Подбирались тексты для чтения на празднике с говорящими названиями «Дунька – председатель», «Бабий председатель», «Татьяна – комиссарка», «Бабья песенка» и пр. Сюжеты этих незамысловатых художественных произведений строились на описании контраста «прежнего» и «нового, советского» положения женщины в семье и обществе. В этих художественных произведениях новая советская женщина занимала активную жизненную позицию, вдохновляла своим примером окружающих, принимала участие в решении различных проблем. Как, например, в стихотворении «Татьянка - комиссарка»:

Так, быть может, всю жизнь и жила бы,
Молотила, варила, стирала.
Как и все деревенские бабы,
Свою горькую жизнь проклинала.
<...>
И Татьяна, простая мужичка, -
Председательница исполкома.

²⁶⁷ Там же. С. 7.

Мужикам-то чудно с непривычки:
Дескать, лучше сидела бы дома.
<...>
Целый день комиссарит, хлопчет, -
То пайки, то со школою плохо...
Только поздно, глубокою ночью
Отдохнет от дневной суматохи²⁶⁸.
<...>

В художественных произведениях создавался образ новой советской женщины, активно включенной в общественную жизнь и даже успешно выполняющей управленческие функции. В произведениях часто поднимался вопрос отношения мужчин к женскому участию в государственном управлении. Весьма показательно, что чаще всего на «женской стороне» выступали поэты, писатели, журналисты – в большинстве своем мужчины. Безусловно, они выполняли «госзаказ» на этот материал, но, как кажется сегодня, им удавалось это вполне убедительно, как, например, в «Бабьей песенки» В. Горшкова:

<...> В кабале у мужиков
Долги годы,
Ждали красных мы деньков,
Да свободы.

Ой, спасибо Ильичу:
Дал нам волю.
Ну, теперь уж карачун
Горькой доле.

Чуть-что мы и в исполком,
Мужиков-то;
Не гордится пиджаком
Перед кофтой²⁶⁹.

Мероприятие по празднованию Международного женского дня, безусловно, стало еще одной серьезной площадкой для продвижения женщин «во власть», повышения их политической сознательности. Еще одним направлением идеологической работы на женском празднике должно было стать выдвижение лозунгов, которые также предлагались в каждой методичке. Вот некоторые из них:

²⁶⁸ Тынов Т. Татьяна-комиссарка // Шамурина З. 8-ое марта. Международный женский день. М.-Л.: Библиотечка «Долой неграмотность», 1926. С. 7.

²⁶⁹ Горшков В. Бабья песенка. // Шамурина З. 8-ое марта. Международный женский день. М.-Л.: Библиотечка «Долой неграмотность», 1926. С. 15.

«Крестьянка! Помогай строить крупное коллективное хозяйство в деревне!», «Через производственную кооперацию лежит путь к обобществлению сельского хозяйства!», «Крестьянка! Учись грамоте, поднимай свой культурный уровень, чтобы перестроить свое хозяйство на общественных началах!», «К 8-му марта каждая крестьянка должна иметь облигации займа на укрепление сельского хозяйства!» и пр. Например, на празднике «8 Марта» в 1928 г. было решено сосредоточиться на пропаганде среди женщин «производственного кооперирования крестьянок, в частности кооперирования таких отраслей сельского хозяйства, как молочное, птичное, животноводство, шелководство и другие, которыми главным образом, ведает женщина»²⁷⁰. Таким образом, советские идеологи использовали праздник как еще одну возможность решить текущие задачи государственного строительства (кооперирование, распространение облигаций государственного займа и пр.).

Одной из важнейших задач весеннего женского праздника стала также подготовка к открытию яслей и детских площадок накануне летней крестьянкой страды. В методичках постоянно подчеркивалось, что «8 Марта», прежде всего, «бытовой праздник», то есть направленный на улучшение быта каждой женщины, освобождения ее от семейного гнета и выведения в общественное поле. В брошюре Н.К. Крупской «Всем крестьянкам» в тезисной форме содержались призывы: «Отдавай детей в ясли и сад, убеждай других крестьянок делать это!», «Добивайтесь открытия чайных и столовых», «Устраивайте помочи!», «Об уходе за детьми советуйся с врачом!», «Не мешайте мужьям входить в партию, старшим детям в комсомол, а детям в пионеры!», «Не ходи в церковь – октябри детей!»²⁷¹. Все эти понятия относились к «культуре быта», с этими тезисами нужно было активно работать на празднике среди женщин.

В Западной Сибири активное празднование дня «8 Марта» началось с 1925 г., а заметки о праздновании «на местах» в прессу стали попадать только в 1926 г. На страницах женского журнала «Красная сибирячка» за 1926 г. отмечалось, что по

²⁷⁰ «8 Марта» в избе-читальне. Л., 1925. – 72 с.; 8-ое марта. Материалы для городских докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню в 1928 г. Ростов-на-Дону: Издание АПО и Отдела работниц и крестьянок Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП(б), 1928. С. 6.

сравнению с предыдущим годом, в «нынешнем празднование «8 Марта» всколыхнуло большее количество женщин»²⁷². Судя по сообщениям с мест, самой обсуждаемой темой стали вопросы охрматмлада: открытие яслей, акушерских пунктов, полок «матери и ребенка» с соответствующей литературой и пр. Женщины также обсуждали «наболевшие» вопросы самогоноварения и хулиганства в деревне. В отчетах о мероприятии на селе корреспонденты сообщали о проведении праздничных концертов, благотворительных спектаклей, и даже о том, что в этот день в Усть-пристани Бийского округа «прилетел аэроплан и одна крестьянка, член РИКа и сельсовета имела счастье летать»²⁷³.

Сибирская пресса чаще всего при сообщении о праздновании «8 Марта» давала описание «атмосферы» праздника, количественного состава участниц и содержания мероприятия. Именно размах празднования Международного женского дня сибирские журналисты считали показателем «раскрепощенности» женщин и определенными победами «нового быта». «Восьмое марта в нынешнем году доказывает насколько выросла крестьянка. Она начинает интересоваться общественной жизнью, проявляет активность и втягивается в общественную работу. Изменяется и отношение местных работников мужской части крестьянства. Те, кто раньше относились презрительно к работе женотдела, сейчас видят, что работа среди женщин важна. <...> в 20 волостях были проведены волостные беспартийные конференции крестьянок, охватившие свыше 2000 человек. <...> Во многих волостях крестьянки шли на братские могилы. После конференции для делегатов устраивались обеды. 10 делегатов были переданы в РКСМ...»²⁷⁴.

В первые годы празднования женщины встречали «8 Марта» исключительно на делегатских и женских собраниях, что говорит о том, что праздник существовал только для небольшой группы, вовлеченной в общественно-политическую жизнь. Программа празднования в основном состояла из двух частей – «рабочей» и «познавательно-развлекательной». Во время рабочей части праздника женщины

²⁷¹ Крупская Н. Всем крестьянкам. М.: Долой неграмотность, 1925. С. 8-9.

²⁷² Как прошел Международный женский день в Сибири (по материалам с мест). // Красная сибирячка. 1926. № 4. С. 30-31.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ 8ое марта в Новониколаевском уезде. // Красная сибирячка. 1924, № 4. С. 75.

зачитывали доклады и отчеты о проведенной работе женотделами, заслушивали программные сообщения о перспективах женского вопроса и т.д. Вторая часть включала совместные обеды женщин, на которых «октябрили» детей, осмотр городских достопримечательностей (музеи, фабрики, квартиры и общественные столовые с банями городских рабочих),²⁷⁵ постановка и различные «актуальные» пьесы, декламацию тематических стихов. В качестве примера приведем стихи из инструктивного сборника:

Эх, мамаша, родная моя,
Все грустишь и ругаешь меня,
Ты всегда «комсомолкой» зовешь,
Иногда и заплачешь... Ну что ж!

Все твердишь: брось ячейку свою,
Не ходи на собранья,
И живи как жила до сих пор.
Нет, родная моя, все напрасно.

Не понять тебе дочку свою.
Что ты требуешь – это ужасно.
Лучше с вами расстаться,
Чем мне бросить ячейку свою.

Вся прониклась я новой идеей,
И так дорог мне нынешний строй.
С комсомолом своим я сроднилась.
И стремлюсь я ведь к жизни иной²⁷⁶.

К празднованию «8 Марта» сибирская пресса старалась приурочить заметки «с мест» о тех или иных позитивных сдвигах в «женском вопросе». Например, корреспонденты рассказывали о проведенном «вечере пролетарки», во время которого была показана сценка, высмеивающая мужчин, не уважающих домашний женский труд²⁷⁷. Рассказывалось об изменениях «в быту»: праздновании октябрин вместо крещения у матери-одиночки, назвавшей свою дочь Свобода, приезде учительницы-коммунистки в сельскую школу и т.д. В письмах в редакцию указывалось и на особо острые проблемы, стоящие перед женщинами-активистками, например: «борьба против векового бесправия, признания

²⁷⁵ Например, Крестьянка делает смотр города // Красная сибирячка. 1924. № 4. С. 81-82.

²⁷⁶ Баранова Н. Стихотворение записано избачем под диктовку неграмотной девушки-комсомолки (Владимирская губерния). // «8 Марта» в избе-читальне. Инструктивный сборник. М.-Л., 1926. С. 66-67.

²⁷⁷ Информационные сообщения // Красная сибирячка. – 1923. - № 11/12. – С. 67.

равноправными членами общества» (сообщение из Томской губернии о том, что муж убил свою жену за то, что она принимала участие в общественной жизни), «борьба с произволом пьяных мужей», «сифилис». К сожалению, в распоряжении автора отсутствуют какие-либо данные о праздновании дня «8 Марта» в 1920-е годы по полевым материалам. Сибирские крестьяне-информанты маркируют «8 Марта» как более поздний праздник, получивший распространение уже в 1950-е гг.

Таким образом, праздник «8 Марта» в 1920-х гг. выступал как еще один инструмент решения «женского вопроса». Праздник распространялся в основном на уже принимающих участие в общественной жизни женщин и подкреплял внедряемый образ «новой советской женщины». Американская исследовательница М. Бакли считала, что «женский день» стал одним из составляющих мифа о социальном равенстве и статусе советской женщины, который стал «навязываемой реальностью, тогда как аспекты реальности игнорировались»²⁷⁸.

Постепенно трансформировавшийся на протяжении XX - начала XXI вв. полюбившийся большинству россиян «женский» праздник «8 Марта» на протяжении советского периода обслуживал интересы текущей гендерной политики государства, а в постсоветский период органично вошел в систему потребления²⁷⁹ современного общества, потеряв изначальную политическую составляющую. Сконструированный советскими идеологами как инструмент политического воздействия, в первую очередь, на женские массы, день «8 Марта» деполитизировался и стал одним из стабильных компонент российской праздничной культуры. Пожалуй, это один из очень немногих «новых» советских праздников, переживший своих создателей, который «потерял» изначально вложенные в него политические смыслы и завоевал место не только в современном праздничном календаре, но и в жизни российского общества.

²⁷⁸ Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union*. NY; London, 1989. P. 115.

²⁷⁹ Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р. Символический репертуар государственной политики: Международный женский день в российской прессе, 1920-2001 гг. // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история. Вып. 5. М., 2003. С. 508-509.

1.4. Конструирование новых женских поведенческих паттернов под влиянием женской всесоюзной и сибирской прессы в 1920-е годы

*Вчера – потемки: муж и дети,
Ворчливый свекор, печь, ухват...
Сегодня – место в сельсовете!
Сегодня – вместе в общий ряд!²⁸⁰*

*...В комсомол мы дружно вступим,
Комсомольский значок купим,
Купим КИМовский значок,
Еще красненький платок²⁸¹ ...*

Освещение вопросов новой советской политики в отношении семьи, брака и положения женщины в обществе происходило наиболее ярко и полно на страницах федеральной и, особенно, региональной женской прессы. В 1918 году при ЦК партии была создана специальная комиссия по пропаганде и агитации среди женщин для вовлечения их в общественно-политическую и профессиональную деятельность. В 1920-е годы вся женская пресса стала подчиняться ЦК партии, что обусловило ее типологическое единообразие в первое десятилетие советской власти. Тогда же были сформированы основные структурно-типологические характеристики женской периодики²⁸². В отличие от большинства изданий дореволюционной женской прессы, направленной на внутрисемейные, личные интересы женщины-жены, хозяйки и матери, первые советские журналы для дам приобрели общественно-политический характер, формировали образ женщины-гражданки, работницы, человека «нового формата».

Из всех существующих в журналистике коммуникативных стратегий, в женской периодике 1920-х годов чаще всего преобладала манипулятивная, когда захватывалось смысловое пространство, а читательской аудитории навязывалось определенное видение реальности. В работе «Психология массовых коммуникаций» Ричард Харрис описывал разностороннее влияние средств массовой информации на человека и приводил следующие последствия воздействия СМИ на свою аудиторию: изменение поведения, изменение установок

²⁸⁰ Борисовский В. Бабий поход // Красная рубаша. 1928. № 2. С. 2.

²⁸¹ Из методички: Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С. 18-19.

²⁸² Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2012. С.94.

(формирование позитивного/негативного отношения к чему-либо), когнитивные последствия (изменение знания и мышления) и физиологические последствия²⁸³. Пожалуй, женская пресса 1920-х годов была рассчитана на достижение всех этих изменений в массовом сознании.

В это время средства массовой информации были основными проводниками новой советской идеологии в массы, главным средством пропаганды²⁸⁴ по вопросам «раскрепощения» женщин, нового брака и семьи. В сибирских селениях газеты и журналы были первостепенными источниками, руководством к практическим действиям для женактивисток, которые зачитывали для крестьянок материалы вслух. Статьи и заметки отражали общую партийную линию и адаптировались в сибирских изданиях к местным проблемам и условиям. В печати были выражены политические устремления официальной власти в отношении семейной политики, публикации текстов идеологов новой советской семьи. Именно со страниц газет и журналов «Красная сибирячка», «Сибирская деревня», «Крестьянка», «Коммунистка» и пр. информация доходила непосредственно до селянок, которые слушали эти статьи в избах-читальнях.

В начале 1920-х гг. в Сибири возникло множество изданий, многие из которых в силу недостаточности финансирования и не понимания своей аудитории быстро закрылись («Язвители» и «Скорпион» (Новониколаевск), «Микроскоп» (Омск). Быструю смерть предрекали и «Красной сибирячке» (1922 – 1939 гг.). Однако издание не только сумело со временем выработать собственный стиль и создать постоянные рубрики из стихийно появляющегося материала, но и увеличить тираж с 500 экземпляров (1922 г.) до 2000 (1925 г.), и даже до 13 000 (1929 г.). На фоне большинства региональных женских изданий, например, газеты «Красная труженица» (Пермь), «Красная тулячка» (Тула), обслуживавший Сибкрай журнал «Красная сибирячка» выделялась сильной литературной составляющей, содержательными иллюстрациями и серьезным напором пропаганды. Помимо «дежурной» информации из центра и состоянии дел «на местах», каждый журнал

²⁸³ Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. Спб., М., 2002.

содержал занимательные рассказы и стихи. Материалы «Сибирячки» буквально «продавливали» читателя напором художественных метафор, ярких образов, разбавленных «железными» аргументами. Читатель профессионально подводился к «правильным» выводам.

Кроме этого, издание часто практиковало публикации писем читателей – рабочих и крестьян. Появились и сообщения «с мест» от селькоров, где красочно и образно описывалось положение дел в сибирских селениях. Информация с мест, рассказы, фельетоны, зарисовки из жизни сибирских корреспондентов написаны народным языком, отражающим диалектные особенности. Многие публикации свидетельствуют о знании народного быта, обычаев и традиций односельчан, что, безусловно, повышало уровень доверия к изданию. Создание широкой сети селькоров, публикации их бесхитростных отчетов и замечаний по поводу успешности реализации политики в отношении женщины и семьи в сибирских деревнях дают исследователю бесценный материал, иллюстрирующий развитие женского вопроса, семьи и брака в сибирской глубинке. Селькоры были необходимым и часто единственным связующим звеном между редакцией и подписчиками, без которых функционирование газет и журналов в Сибири было бы невозможным.

Роли рабселькоровского движения в Сибири посвящен ряд работ Л.И. Боженко, Л.А. Гильдии, В.Л. Соскина, Ю.М. Фролова²⁸⁵, в которых подчеркивается особая его значимость. Селькоры были необходимым и часто единственным связующим звеном между редакцией и подписчиками, без которых функционирование газет и журналов в Сибири было бы невозможным. В расширении связей газет с массами большое значение имело Постановление ЦК

²⁸⁴ Рукин Н.С. Идеологическая работа парторганизаций Сибири в период создания фундамента социалистической экономики и руководство СМИ. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск: ИИиФФ СО АН СССР. – 1976. – С. 135 – 170.

²⁸⁵ Боженко Л.И. Рабселькоровское движение в деревне в годы восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.) // Вопросы истории Сибири. – Вып. 1. – Томск. – 1964; Она же. Культурно-просветительская работа в Сибири (1921 – 1925 гг.). – Томск. – 1967. – С. 125 – 151; Гильдии Л.А. Кадров партийно-советской печати Сибири в годы восстановления народного хозяйства // Из истории борьбы КПСС за формирование кадров советской интеллигенции в период строительства социализма. – Л. – 1966; Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа. – Новосибирск. – 1971; Фролов Ю.М. Рабселькоровское движение в Сибири в 1923 – 1928 гг. // Проблемы истории советской Сибири: Сб. научных трудов. – Новосибирск: ИИиФФ СО АН СССР. – 1973. – С. 90 – 102.

ВКП(б) от 27 августа 1926 года «Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения». Массовый рост селькоровского движения начался уже в 1923 г. Редакции газет и журналов проводили терпеливую, настойчивую работу по вовлечению сотрудников из народа. Селькорам давали подробные разъяснения о том, какие вопросы наиболее интересны для освещения в данный момент, о чем следует писать. На страницах газет и журналов помещались фотографии лучших корреспондентов, давались объяснения, почему не прошел тот или иной материал, устраивались своего рода смотры рабселькоров. Портрет селькора 1920-х гг. выглядел примерно так: «молод, отказывается от каких-либо гонораров, учится или увлекается самообразованием, на последние гроши покупает книги»²⁸⁶. Количество рабселькоров в Сибири неуклонно росло год от года: 1925 г. – 6 тыс. человек, 1928 г. – 19 тыс. человек, а на начало 1929 г. их число возросло до 27 тыс. человек²⁸⁷. Из общего числа рабселькоров количество именно сельских журналистов в 1925 г. было 3191 (53 % от общего числа всех корреспондентов) человек, а в 1929 г. уже 9304 человека (34,5 % от общего числа всех корреспондентов)²⁸⁸.

Тем не менее, средства массовой информации отмечали недостаток материалов именно из сельской местности. Поэтому на Втором Всесоюзном съезде рабкоров был выдвинут вопрос о необходимости шефства рабкоров над селькорами²⁸⁹. А между тем, судя по «сообщениям с мест», у деревенских журналистов были свои успехи. Селькор В. Кудлатый так описывал ситуацию в своем селе: «У нас в селе до середины апреля все селькоры работали подпольно, хотя бояться было нечего. Но с организацией селькоровского кружка все ребята дружно спаялись вокруг стенной газеты «Сеятель», которая стремится быть «деревенской головой» - которая обдумывала все стороны деревенской жизни, выдвигала бы те вопросы, которые интересуют крестьян. <...> Газета имеет громадный авторитет. Почитать газету приходят крестьяне из другой деревни. В

²⁸⁶ Журналист. – 1925. - № 1. – С. 72.

²⁸⁷ Фролов Ю.М. Рабселькоровское движение в Сибири в 1923-1928 гг. // Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: ИИиФФ СО АН СССР. 1973. С. 100.

²⁸⁸ Рукин Н.С. Идеологическая работа.... – С. 144.

²⁸⁹ Расширим шефство над деревней // Сибирский рабселькор. 1925. №2-3. С. 19

самой газете принимают участие около 20 человек крестьян. Некоторые крестьяне изъявили желание учиться читать (старики), чтобы самостоятельно читать газету. Прежде всего, читают «Наши боевые задачи» и «Тисками за ухо» – это два самые интересные отдела»²⁹⁰.

Была налажена также критика и самокритика работы селькоров. Так, селькор под псевдонимом Допризывник писал: «В Готовской районной избе-читальне Новониколаевского уезда была организована выставка стенгазет, издающихся в сельских избах-читальнях своего района. На смотр было представлено 10 газет. <....> Как недостаток – большинство газет не крестьянские, а комсомольские»²⁹¹. Таким образом, критику бросилось в глаза преобладание печатных изданий с выраженным пропагандистско-комсомольским уклоном, хотя издание газет без идейной направленности было в это время уже невозможно.

В разрезе рассмотрения женской прессы, немаловажно отметить, что большинство авторов главного сибирского женского журнала «Красная сибирячка» были мужчины. Однако женщин также пытались привлечь к рабселькоровскому движению, что подтверждается заметками в журнале «Сибирский рабселькор»: «Сравнительно молодое рабселькоровское движение в Сибири до сих пор не привлекло в сибирские газеты, и печатные и даже в стенные, значительного количества рабкорок-женщин. На 1-ом Всесибирском рабселькоровском съезде их присутствовало всего 5-6 человек». Представительница женотдела, присутствовавшая на этом собрании, указала, что женщины-работницы буквально рвутся к работе в газете, но они «не видят ни с чьей стороны, ни поддержки, ни указания. А работнице нужен еще пример и одобряющий совет». Предлагались пути привлечения женщин к данному виду работ: «На собрании были выработаны меры для вовлечения женщин в работу рабселькорками: делегатские собрания с разъяснениями для женщин важности работы и шефство мужчин-рабкоров. Организация постоянных «Уголков работниц» при стенных газетах. В методических указаниях значилось: «Ни в коем случае не надо давать в «Уголок»

²⁹⁰ Сообщения с мест // Сибирский рабселькор. 1925. №2-3. С. 23

²⁹¹ Сообщения с мест // Сибирский рабселькор. 1925. №2-3. С. 22.

трескучих общих статей о женском движении. Это не интересно, приелось. Надо затрагивать те вопросы, которые в данный момент волнуют женщин данного коллектива. К примеру: один из рабочих завода, пропивши в пивной получку, дома избил жену. Заводской рабкор написал об этом в «Уголке работницы», призывая работниц высказывать через стенную газету по этому делу свое мнение. Вот и готово начало. Работницы на это, несомненно, откликнутся, так как это больной для них всех вопрос. И такие жизненные, бытовые вопросы всегда найдутся<...> И не надо бояться, что эти вопросы будут носить мелочной с виду характер»²⁹².

На работу женщин в качестве корреспондентов редакции обращали особое внимание. Поэтому такие, казалось бы, не самые яркие сообщения, как-то, что «на станции Федосово Новониколаевского уезда организован рабселькорский кружок, всего 6 членов, двое - женщины. Руководит – тов. Лазарева Г.» публиковались как заметное событие²⁹³.

В 1920-х гг. советские идеологи хорошо понимали, что оказать столь серьезное и кардинальное воздействие на поведение и ценностные установки своих граждан способны только методы искусства с небольшой примесью пропаганды. Для народных масс, в особенности крестьянства, не говоря уже о женщинах-крестьянках, самыми доступными средствами искусства были небольшие художественные рассказы, которые зачитывались женами активистками на собраниях или в избах-читальнях, а также продвигаемый советскими властями «деревенский театр».

Весьма интересен образ «новой девушки», создаваемый в тексте пьесы-сценки «Две расписки»²⁹⁴. В небольшом произведении всего два действующих лица: «Липовый комсомолец» и «Девушка-не-промах». В принципе, уже само наименование главной героини пьесы дает определенное представление о новых женских идеалах. Короткая сценка для деревенского театра описывает безответную любовь «липового комсомольца» (этот герой - дань партийным чисткам конца

²⁹² Женщины в ряды рабселькоров! // Сибирский рабселькор. 1925. №2-3. С. 18.

²⁹³ Сообщения с мест // Сибирский рабселькор. 1925. №2-3. С. 25.

²⁹⁴ Субботин Л. Две расписки. Сценка. // Красная рубашка. 1929. № 7. С. 19-23.

1920-х гг.) к девушке, которую автор называет «не промах». «Липовость» комсомольца заключается в том, что его «слова не совпадают с делами».

Действие развивается вокруг предложения руки и сердца в явно не комсомольской форме: «Впереди у меня полная карьера, а вы девушка серьезная и хозяйка из вас выйдет на-ять. <...> если ваш труд пойдет на нашу совместную пользу, я согласен». Далее «Липовый» вообще раскрывает свою мещанско-буржуазную сущность: «К тому же вы еще, как мне стало известно, мастерству обучились: шить там, кроить, вообще из этого самого рукоделья тоже доходишко будет, мне тоже бельишко постирать понадобится и решил вам предложить сердце и пять!».

Очевидно, что девушка уже нового формата отказывается. Комсомолец весьма показательно реагирует на ее отказ: «Раз вам молодой человек комсомольского происхождения любовь предлагает, не имеете вы права отказываться». «Липовый» не понимает причин отказа, поскольку в его представлении он выглядит вполне перспективным женихом с комсомольским билетом. Далее, чтобы молодой человек «отвязался», «Девушка-не-промах» загоняет его в хитроумную ловушку, заставляя его написать расписку, что он вступит с ней в брак по церковному обряду, поскольку по-другому она не согласна. Комсомолец дает ей расписку, что «обязуется венчаться в церкви». Затем «Девушка-не-промах» требует вторую расписку о том, что он выйдет из комсомола, поскольку замуж за комсомольца она не пойдет.

После получения этих расписок, героиня сценки заявляет: «Трус ты и шкурник! И никакого моего согласия нет!», «Тебя высмеяли да на чистую воду вывели, а ты и уши развесил. Хулиган ты, а не герой. Кому ты такой нужен!». Далее девушка грозит, что пойдет с этими расписками «куда надо», и «вот будет чистка, и билет у тебя отберут». На что «Липовый» отвечает: «Очень вы мне нужны, дорогая, раз я уже четыре раза женатый и все по таким же распискам... <...> И вообще с беспартийными мы не венчаемся...». Сценка заканчивается словами отрицательного главного героя: «Ну и что?! Ну и пью, ну и бью, ну и

вообще это мое частное дело <...>. Да ведь если у нас все девки такие будут, они нас всех на чистую воду как есть выведут...».

Данное произведение вырисовывает образ «новой женщины» с «правильным» видением будущего, разбирающейся в людях, самостоятельно принимающей решение о браке, умеющей пользоваться преимуществами новой системы. Ко всему прочему здесь нашла отражение действительность расшатанных брачно-семейных отношений 1920-х годов. Интересно, что в печатных изданиях, практически, не упоминались какие-либо традиции, еще активно бытовавшие в то время в деревнях (круги брачных связей, песенный и танцевальный фольклор, игровая культура и пр.), но отбирались и просмеивались те из их числа, которые могли вызвать отторжение у части населения (договор о браке между родителями молодых, обряд подклета и пр.).

На страницах женских журналов создавался образ женщины-активистки, на которую в своей деятельности должны были ориентироваться те, кто последовательно занимался «перевоспитанием» женщин. Например, в журнале «Красная сибирячка» в рассказе «Бабий предводитель (очерк с натуры)»²⁹⁵ в форме художественного рассказа описывается история успеха женорганизатора среди деревенских женщин, называющихся в журнале не иначе как «бабы». Дается описание социальной принадлежности главной героини – Поли Каураковой – делегата от женщин дер. Худяковой, «бабий предводитель, как ее насмешливо называют худяковские мужички»: «До революции в городе по прислугам жила, в няньках да горничных у богатых служила, многое кое-чего повидала, да многому научилась, а когда волной неотвратимой покатила по России революция – ни одного митинга не пропустила. С женотделом связь завязала. Глотала книжки ненасытно. И в один прекрасный день поехала в родную Худякову на работу». Молодая женщина оценила обстановку в деревне как сложную: «люди те же суровые, скрытные, живущие по старым правилам», «тут нужно, ох как осторожно к бабам подходить». На первом же собрании, часть женщин сразу же его покинули со словами: «Ежели насчет коммунии – так мимо нас подальше». Однако, как

²⁹⁵ Кручина А. Бабий предводитель (очерк с натуры) // Красная сибирячка. 1928. №8. С. 9-10

описывается в рассказе, остались «четыре солдатки-вдовухи, да две молодых бабочки из замужних, да три девки молодых, да любопытных». Собственно, первой целевой аудиторией, как женских журналов, так и всего местного женского движения были группы социально неустроенных женщин и молодежь. Успехи работы Поли оказались весьма впечатляющими: «По ленинскому призыву пять худяковских баб принимали», «солдатки-вдовухи хлеб сообща засеяли, бабью коммуны устроили», «ясли открываются в Худяковой», «в комитет две бабы членами избраны», «неграмотность среди баб ликвидируется». В целом сложности, описанные в рассказе, подтверждаются архивными документами – докладами активисток женотделов и волорганизаторов с мест. Пожалуй, только успехи главной героини в рассказе несколько преувеличены для тех лет, поскольку количество яслей в сибирской сельской местности оставалось ничтожно малым, так же как и процесс обучения женщин грамоте, имел небольшой успех в деревне, поскольку сами женщины чаще всего не хотели или не могли посещать курсы ликбеза²⁹⁶.

Редакции журналов, понимали, что в силу возрастных психологических особенностей, молодежь более восприимчива к новому переустройству быта. Как рассуждали редакторы, молодые люди не имеют большого жизненного опыта и с большим воодушевлением воспринимают идею ломать старое и строить новое и т.д. В художественных зарисовках из жизни народа, рассказах в учебниках 1920-х гг. именно молодое поколение находит «правильные решения вопросов», здраво рассуждает о различных проблемах, поучает и личным примером показывает старшему поколению, как нужно жить.

На страницах прессы 1920-х гг. появилось множество художественных произведений (рассказы, фельетоны), где обосновывалось право детей на бунт против матери и отца - «темных» представителей «старого мира». Бунт провоцировало, как правило, невнимательное и грубое отношение к внутреннему

²⁹⁶Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 43-46.

миру ребенка, его запросам, когда родители, якобы, прививали ему «неправильные, старые» взгляды на жизнь.

Усугублению конфликта «отцов и детей» в печатных СМИ, имевших высокий кредит доверия среди молодежи, способствовали дезорганизация внутрисемейных отношений, разрыв межпоколенных связей. В деревнях это сопровождалось такими явлениями, как «дерзость и своеволие молодежи, неуважение к старшим с ее стороны, хулиганство». Архивные источники свидетельствуют: «Молодежь озорничала всегда, но то были понятные, необдуманные выходки, получавшие возмездие по первой жалобе родителей; такого же неудержимого, бесшабашного разгула и преступной распущенности, какая наблюдается в деревне в настоящее время, как положительно утверждают все старожилы, еще в недавнее время не было»²⁹⁷. Многие современники обращали внимание на существенное значение конфликта «отцов и детей» для судьбы России. По словам историка И.С. Кузнецова разрушительные мировоззренческие изменения проявлялись более всего у наиболее динамичной части сельского населения – активной молодежи, приближенной к рычагам власти²⁹⁸.

Так, в рассказе «Делегатка»²⁹⁹, подписанном псевдонимом Снегобай рассказывалось о молодой женщине Груне, которую женщины деревни решили отправить на женский съезд в город как делегатку. Однако ее свекры-старика с которыми она продолжала жить после смерти мужа не пускали и говорили: «Да рази бабы – опчество?», «Не бабья забота по митингам шляться!», «Правов вам таких не дадено!» Однако «еледатка» отбилась от нападков со стороны «старого» мира и с помощью других прогрессивных женщин собралась в дорогу. В рассказе подчеркивалось, что мужики в дорогу ничего не дали. На съезде ее определили на курсы в город Петроград, где она осталась учиться и потом стала помогать другим женщинам и больным детям. Таким образом, рассказ преподносит одну из новых женских жизненных стратегий: девушка вырвалась из старого, прогнившего мира в

²⁹⁷ ГАНО, фонд 32, оп. 4, д. 137, л. 12.

²⁹⁸ Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.: Учеб. Пособ. – Новосибирск: НГУ. – 1992. – С. 55.

²⁹⁹ Снегобая Делегатка // Красная сибирячка. – 1923. - № 9/10. – С. 26 – 30.

новый, где смогла отдать себя служению людям. Важно обратить внимание на тот факт, что автор поставил свою героиню в ситуацию вдовства и отсутствия детей.

Что касается полевых этнографических материалов, то они показывают сохранение жесткого подчинения младшего поколения старшему в начале 1920-х гг. Ульяна Никифоровна Попова, 1900 года рождения из с. Крутиха Алтайского края, вспоминала о непререкаемом авторитете старшего мужчины в семье – прадеда. Ее родной дедушка, отец шестнадцати детей, вынужден был согласовывать всю свою хозяйственную деятельность с престарелым отцом, который владел всем семейным бюджетом. «Прадед старовер был. Дедушка поедет в Новониколаевск на двух лошадях, пять рублей золотых привезет. Только заезжает в ограду, прадед уже выходит – руку протягивает: “Давай деньги”. Деньги все у прадеда были – у нас ни гроша. Вот надо чаю купить – ребятишек просят: “Идите, у деда попросите”. Им еще даст (правнукам)»³⁰⁰. Диктат старшего мужчины семьи, в данном случае прадеда, привел к тому, что домочадцы боялись просить денег у него даже на необходимые вещи.

На страницах периодических изданий постоянно поднималась тема женского служения обществу. Так, например, женщин, участвовавших в революционном движении, изображали как идейных борцов, воплотивших в своем образе жизни безымянную жертву во имя революции, которым было не нужно «ни благодарности, ни сожаления»³⁰¹. Биографии женщин – героев революционных событий и гражданской войны как общесоюзного, так и местного масштаба с подобным пафосом печатались в рубрике «Дочери октября» журнала «Красная сибирячка». В художественном рассказе «Танька Протасиха»³⁰² повествовалось о том, как совсем еще молодую девушку Таню выдали замуж за богатого, но не любимого лавочника из соседнего села. За то, что она его не любила, тот ее бил и даже подвергнул вместе со свекром позорящим наказаниям. Забеременев, Таня сделала аборт, так как не хотела детей от нелюбимого человека. Потом Таня овдовела. Вскоре она влюбилась в учителя, который ликвидировал безграмотность

³⁰⁰ Архив ИАЭТ СО РАН, Дневник №2, Л. 5 об. Картоотека.

³⁰¹ Участие женщин в революционном движении России // Красная сибирячка. – 1923. – С. 40 – 41.

³⁰² Танька Протасиха // Красная сибирячка. – 1923. - № 11/12. – С. 6-11.

в их селе. У них завязались романтические отношения и она «с боем», но ушла от свекровь жить к нему. Вскоре учитель стал партизаном и ушел в леса. Белые поймали Таню и пытали о местонахождении ее мужа, но она предпочла смерть. Мораль этого произведения можно понять в том смысле, что лучше умереть за настоящую любовь, чем жить без любви с нелюбимым. Предлагаемая женская стратегия: бороться за право на «свободу» и «романтическую любовь» любыми методами, включая избавление от ребенка от нелюбимого мужчины, презрение общества и даже смерть. По сути дела, декларируя освобождение женщины из-под семейного гнета (старшего поколения, мужчин, загруженностью домашними делами и т.д.), советская власть стремилась повернуть сформировавшуюся веками женскую жертвенность в привычку служения во благо общественных интересов.

В рассказе Т. Ширмана «Настя Холодова»³⁰³, описывается совсем непростая судьба «лица командного состава и члена штаба партизанского отряда» красных во времена колчаковщины. Социальное положение описывалось достаточно типично для женщин-активисток 1920-х годов: «Родилась в бедной крестьянской семье поселенца Томской губернии, 14-ти лет ушла на заработки в город, где поступила ученицей в портновскую мастерскую <...> Настя 16-ти лет вернулась в деревню к отцу, у ней уже были свои стихийно-создавшиеся, не обоснованные теоретические, но твердые убеждения. Настя начинает вести «бунтарские» речи среди деревенской молодежи, за что ее и арестовывают». Далее описывается череда Настиного «активизма» - участие в восстаниях, агитация среди рабочих, множественные побеги из тюрьмы, работа конным разведчиком на Забайкальском фронте. По ходу дела она находит на фронте спутника жизни, рождает ребенка, чудом несколько раз избегает расстрела. Этот рассказ заканчивается не очень типично, главная героиня не умирает за свои идеалы. «Теперь Настя студентка рабфака. Цель ее, кроме главной цели ее жизни – борьбы за освобождение рабочего класса, у нее одна – воспитать свою дочь Лилию так, чтобы она продолжала то дело, за которое стойко погиб отец и борется мать», - заканчивает автор свой рассказ.

³⁰³Ширман Т. Настя Холодова // Красная сибирячка. – 1922. № 2-3. –С. 75-77.

Тема ухода из дома, из семьи девушки в город, «к свету», к прогрессу и «развенчание» темного мира отцов прошлого была весьма популярна. Печатались множество рассказов, где заголовок говорил сам за себя: «Ответ – бесстыдники», «Дела отцов в глазах детей», «Новыми путями», «Молодые побеги к солнцу тянутся» и т.д. Это истории, где молодое поколение разочаровывается в родителях, пытается их «вразумить», перевоспитать, научить жить по-новому и, в конечном счете, покидает отчий дом. В рассказе «Ответ - бесстыдники» повествуется о том, как сыну надоело наблюдать за хлебными махинациями отца и его обманами односельчан. Пафос произведения состоит в словах сына: «Тятка – вор, а я – пионер и больше ему не послушник»³⁰⁴. В рассказе «Новыми путями» повествуется об активном молодом человеке, принесшем в деревню «свет» из города – чтение газет. По вечерам в избе собиралась молодежь и читала газеты о том, как следует жить. Отец-старик под давлением общественного мнения деревенского мира запретил читать газеты, и сын ушел со словами: «Так лучше, долой с себя старые вековые лохмотья, надо жить по-новому!»³⁰⁵. Рассказ «Молодые побеги к солнцу тянутся» дает образец прогрессивной женщины, отправившей своего маленького сына в город из «дикой, темной деревни», подальше от отца, не мирившегося с «явлениями нового мира»³⁰⁶.

Еще одна популярная тема на страницах сибирской прессы 1920-х годов - иллюстрация «темноты» и несправедливости старых патриархальных ценностей: «девичьей чести», «неуместной скромности» девушки в вопросах выбора брачного партнера, подбора будущего супруга родителями, брака без любви и т.д. Рассказ, напечатанный в рубрике «Старое и новое»³⁰⁷, рассказывал о безвыходном и зависимом положении женщины в патриархальной семье. Девушку Дашу насильно выдали замуж мать и брат в 16 лет. Ей не нравился будущий муж Вавило Маркович, который был старше на 3 года, а нравился другой – Александр. Но мать с братом приказали идти. Девушка сначала долго молчала, а потом сказала «Он мне не глянется! Не пойду я за ево!» На что брат ответил: «Дрянина! Тебе ж лучше

³⁰⁴ Ответ – бесстыдники // Сибирская деревня. – 1924. - № 9. – С. 10 – 13.

³⁰⁵ Новыми путями // Сибирская деревня. – 1924. - № 8. – С. 10 – 13.

³⁰⁶ Молодые побеги к солнцу тянутся // Сибирская деревня. – 1924. - № 4. – С. 1 – 6.

делают! Люди хорошие, богатые, одной веры. После смерти батюшки я тебе все равно, что отец! Чо хочу, то и сделаю, перечить не смей, а то я живо с тобой по-другому обойдусь!» Мать, в свою очередь, говорила: «Выйдешь, закон примешь, ну и полюбишь... Ты, доченька, не думай, что не пойдешь. Дело сделано. Мы стыда на себя брать не будем! Не пойдешь – как собаку из дому выгоним».

Девушка глубоко переживала такое решение родных и плакала о любимом Александре. Младший брат Даши – Егорка переживал вместе с ней. Он не мог понять, почему его сестра должна выходить замуж за некрасивого и грубого Вавило Марковича. Далее анонимный автор рассказа очень подробно и с этнографической точностью описывает свадебные обычаи, однако в глазах молодого поколения – Егорки это выглядит как «дикость». Не входил ни в какие рамки, по его мнению, обычай подклета: «Свахи с молодухи рубашку сняли, на тарелку положили красными пятнами кверху, посередине стола поставили». Гости пили и похваливали: «Добра девка – уберегла!», хвалили мать и брата. Все любопытничали, друг другу эту новость передавали, а младший брат Егорка очень сердился на все происходящее и не пошел на свадьбу, где, говоря его словами, «сестру силой замуж отдают».

Рассказ заканчивается словами Егорки «человек – не скотина». Из рассказа становится очевидно, что через пару лет Егорка вырастет и уйдет из семьи, безусловно, в «прогрессивное будущее». В данном случае хоть и не предлагалось готовой женской жизненной стратегии, однако подчеркивалось унижительное и безвольное положение женщины в обществе с патриархальными пережитками. Логично предположить, что автор рассказа подчеркиванием единоверия жениха и невесты имел в виду ситуацию в старообрядческой среде, как особенно косной. Безусловно, целью данного произведения было сформировать неприятие происходившего, отвращение к браку без любви, а, в целом, к свадебным народным обычаям.

Этнографические данные свидетельствуют о том, что свадьба с обычаем подклета сохранялась вплоть до колхозного строительства, а в 1930-1940-е гг. она

³⁰⁷ Старое и новое // Сибирская деревня. – 1924. - № 3. – С.1.

уже перестала соблюдаться в массовом порядке. Сведения, собранные в этнографических экспедициях подтверждают, что обычай подклета в 1920-1930-е гг. воспринимался со стороны невест негативно, женщины считали, что именно мужчины настаивали на его продолжении³⁰⁸.

Весьма показательный образ девушки «нового образца» вырисовывался на страницах всесоюзного журнала «Деревенский театр». В качестве примера приведем сочиненную в народном стиле «запевку» про Дуню:

<...> На деревне всех детей³⁰⁹ Дуня учит без затей Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – Комсомолочка моя. Баб Дуныша собирает, Вслух газеты им читает. Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – Неустанная моя. Меж сугробами с трудом, Дуня, глядь, бежит в народом. Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – Неустанная моя. На все руки мастерица, - И актриса и певица, Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – Неустанная моя. Сватал Дуню наш кулак, Говорил он Дуне так: Всех сильнее, Дуня, я – Дуня – ягодка моя.	Ты бросай-ка, Дуня, книжки, Я богаче, чем мальчишки. Эх-х, Дуня, знаю, я – Будешь, Дуня, ты моя. У меня не жизнь, а рай, - Все, что хочешь, выбирай. Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – Будешь, Дуня, ты моя. <...> Разобрал тут Дуню смех, Дуня крикнула при всех: Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – За тебя не выйду я. Кулаку не будет толку, Коль возьмет он комсомолку. Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – С кулаками нет житья. Не тебе я суждена – Мне другая жизнь дана. Эх-х, Дуня, Дуня, Дуня, я – Жизнь свободная моя.
---	--

Таким образом, в «запевках» про Дуню помимо описания «правильной» для советской девушки активистской работы, описывается ее отказ от брака с обеспеченным «кулаком»: «Кулаку не будет толку, коль возьмет он комсомолку» и вместо семейной жизни она выбирает служение общественным идеалам – обучение детей, ликвидация безграмотности, культработа в народе («и актриса, и

³⁰⁸ Васеха М.В., Фурсова Е.Ф. Постельный обряд у старожилов и переселенцев Западной Сибири // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой научной конференции РАИЖИ. Т.2. Нальчик-Москва, 2013. С. 120-123.

³⁰⁹ Комсомолка Дуня. Запевка. Слова В. Кормач, музыка Н. Рословцев // Деревенский театр. 1925. №1. С. 21.

певица»). То есть, наряду с отказом «эксплуататорскому элементу» в заключении союза, Дуня по сути, «выходит замуж» за советскую власть.

Специально созданный для методической поддержки советских сельских культурных работников, «избачей» и «сельского актива» журнал «Деревенский театр» печатал весьма скромные по своему художественному уровню пьесы для крестьянского театра. Они были довольно короткими и, в основном, грубо освещали «проблемы и вопросы», которые нужно было довести до деревенских жителей. В пьесах для деревенского театра нашлось место и вопросу «раскрепощения женщины». Поскольку основной аудиторией театров на селе была молодежь, во главу угла ставилась дилемма выбора жизненного пути и будущего спутника жизни.

Так, например, в пьесе «Марьяна загадка»³¹⁰ в любимой селянами сказочной форме рассказывается о крестьянской девушке Марье, выбирающей себе жениха. Их двое: кулак и бедняк. Марья загадывает им три загадки о кооперации, агрономе и просвещении. Естественно, все отгадывает только бедняк, за которого Марья и выходит замуж. В качестве разъяснения нового советского закона о браке и семье селянам предлагалась пьеса «Развод»³¹¹. Теме тяжелой женской доли в деревне были посвящены пьесы, «Его величество Трифон»³¹² (народная драма) и «Кабала»³¹³ (пьеса о насилии и «темноте»). Старый буржуазный брак высмеивался в пьесе «Чужой каравай»³¹⁴. По сюжету эта пьеса о том, как два деревенских дома друг друга на женитьбе с приданым «надули».

Во всесоюзных журналах, таких как «Крестьянка», «Коммунистка» часто встречаются статьи откровенно пропагандистско-разъяснительного плана, написанные доступным для людей из народа языком с приведением примеров из жизни. Например, в статье «Что дала крестьянке октябрьская революция» популярно разъяснялось, что женщина является таким же работником, как и мужчина, поэтому она обладает теми же правами. «Царь и помещики не

³¹⁰ Марьяна загадка // Деревенский театр. 1925. №1, С. 27.

³¹¹ Пронин И. Развод. М.: Московское театральное издательство, 1924.

³¹² Чижевский Д. Его величество Трифон // Красная книжка № 29. М., 1920.

³¹³ Субботина Л. Кабала. М.-Л.: Молодая гвардия, 1924.

признавали этого факта, посему женщина была как пришитая около своего мужчины будь он пьяница, вор, мошенник, бьет ее – она не могла от него уйти. Даже записывалась она в паспорте у мужчины».³¹⁵ В статье разъяснялось, что женщина как гражданка РСФСР получила право голоса на выборах и сама могла быть избрана во все органы советской власти. После октябрьской революции она смогла иметь собственный паспорт и без всяких стеснений уйти от мужа «если с ним жизнь не в жизнь». Если крестьянка доказывала на суде, что сама сможет вырастить своих детей, то и дети оставались с матерью, а муж должен был выделить землю, скот и инвентарь из общего хозяйства. На страницах журнала объяснялось, что незамужняя крестьянка могла потребовать выдела от своей семьи, братьев, сестер, если с ними плохо жилось.

В другой статье с красноречивым заголовком «Что дал октябрь крестьянке-матери?» картина женской доли в деревне описывалась следующим образом: «Доля бабы в деревне – безотраднa. Как только не измывались над бабой, чего только она не выносила от свекрови, мужа. До последних лет крестьянка ничего не знала кроме своей избы, горшков, скотины...».³¹⁶ Такого рода статьи создавали впечатление о советской власти как о верном защитнике и охранителе интересов женщин. Причем советское государство не просто занимало протекционистские позиции по отношению к женщине, но и указывало на несправедливые и оскорбительные факты дореволюционной жизни, ущемляющие женское достоинство. Авторы выводили их из разряда нормы и указывали, за что именно необходимо бороться.

Если художественные рассказы на страницах популярных изданий задавали новые модели поведения, то проблемно-аналитические статьи апеллировали к разуму, логике читателя. Наряду с откровенно пропагандистскими статьями о необходимости разрушения старой семьи и старых семейных ценностей, разъяснениями по поводу получения женщиной нового статуса в обществе и т.д., со временем появлялись тексты, отражавшие менее радикальную точку зрения на

³¹⁴ Семенов С.Т. Чужой каравай М.: «Красная новь», 1924.

³¹⁵ Куйбышева М. Что дала крестьянке октябрьская революция? // Крестьянка. – 1922. - № 6. – С. 11.

³¹⁶ Лебедыва В. Что дал октябрь крестьянке-матери? // Крестьянка. -1922. - № 6. – С. 15.

вопросы реформирования семьи. Так, например, в статье В. Лебедевой от 1923 года указывалось на ошибочность некоторых установок по разрушению старой семьи: «Разрушив основы старой семьи, введя институт гражданских браков, допустив небывалую легкость разводов, мы ничем не вооружим женщину, которая беспомощно стоит над своим разрушенным семейным очагом. Освобожденная политически, но экономически все еще зависимая от мужчины, потому что справиться самой с ребенком при нашей безработице и низкой заработной плате для одинокой женщины вещь непосильная»³¹⁷.

Во второй половине 1920-х гг., после преодоления периода «экспериментов и дефамилизации», курс госполитики в вопросах семьи и брака был взят на установление «этакратического брачного порядка», характеризующегося морализаторством и ханжеством сталинского времени. Буквально в течение нескольких лет советские нормы брачного и сексуального поведения приобрели характер «непререкаемых» (моногамный брак, развод как позор, порицание добрачных отношений и т.д.)³¹⁸. В 1928 – 1929 гг. положение женщины в советском обществе официально было признано сложным, партийный журнал «Коммунистка» изменил свой курс от расшатывания семейных устоев и морали к отстаиванию интересов женщин по-новому, без перегибов³¹⁹. За «Коммунисткой» последовали и другие женские издания.

Таким образом, популяризация новых форм поведенческих стратегий и стереотипов проводилась на страницах журналов в художественной форме. Рассказы «из народной жизни», очевидно написанные журналистами и публицистами, в доступной для народа форме создавали картину тяжелого положения женщин и молодежи в сибирской глубинке. Советские идеологи использовали действительно «наболевшие» женские темы (например, унижительный обряд свадебного подклета, бесправность перед мужчинами в семье,

³¹⁷ Лебедева В. Самоистребление человечества // Коммунистка. – 1923. - № 9. – С. 5.

³¹⁸ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // ЭО, 2003 г., №4

³¹⁹ См. по данному вопросу: Артюжина А. На борьбу с недостатками в быту и строительстве // Коммунистка. – 1928. – № 5. – С. 3 – 8; Н.А. Бабка или платные абортарии // Там же. – 1928. - № 9. – С. 48 – 49; Резакин А. Вырвать крестьянку из лап бабок // Там же. – 1929. -№ 2. – С. 42; А.С. Вопиющие факты //

мужское пьянство и т.д.). Предлагались и пути решения, которые в основном сводились к порыву со старыми отношениями и поведенческими стереотипами и призывали получать образование (ликвидировать безграмотность), вставать на активную жизненную позицию, вливаться в ряды советских активистов действуя наравне с мужчинами. Небезынтересно отметить, что из литературного контекста следует, что у большинства таких героинь отсутствовала собственная счастливая семья с детьми. В основном это были молодые незмужние селянки, либо разочарованные в семейной жизни (после семейной трагедии) женщины, иногда вдовы.

Советская пропагандистская машина представляла мир женщин 1920-х годов крайне полярным. На одном полюсе рисовался «мир баб», «темного прошлого» с предрассудками и тяжелой «долей». На другом, соответственно, «новая советская женщина», общественница, активистка, борец и товарищ, руководитель наравне с мужчинами, а иногда даже и лучше традиционных управленцев – мужчин. В своем исследовании «Баба и товарищ: гендер и политика в революционной России» Э. Вуд³²⁰ задавалась вопросом: каким образом русская женщина – «баба» могла стать активным участником революционных событий, начать участвовать в социальных преобразованиях нового советского общества и государственном управлении? Ответом на этот вопрос стал «личный фактор» влияния фигур А.М. Коллонтай и Н.К. Крупской, главных идеологов борьбы за права женщин в СССР. При этом автор отмечала, что именно влияние Н.К. Крупской изменило политику советской женской эмансипации в сторону уравнивания в правах полов лишь «де юро». Советская политика в отношении женщин формировалась в 1920-е гг., по мнению Э.Вуд, из идей советских женских идеологов, взаимодействовавших с общим революционным контекстом эпохи.

Там же. – 1929. – № 2. – С. 39 – 40; Томсинская Что толкает на аборт // Там же. – 1929. – № 2. – С. 40 – 42 и др.

³²⁰ Wood E. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington; Indianapolis, 1997.

Исследователи Д.Ю. Бородин и А.В. Бородина писали о борьбе между двумя состояниями советской женщины: «бабой» и «товарищем»³²¹.

В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, в крестьянской патриархальной семье «ломались» поведенческие стереотипы женщин, часто живших по принципу «стерпится – слюбится», «родители лучше знают» и т.д. В женской периодике 1920-х гг. развенчивалось представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме), столь характерные для риторики женской печати конца XIX - начала XX вв.³²². Моделировались более эффективные жизненные сценарии, женщинам предлагается занимать деятельностьную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей нелегкой судьбы. Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, агитирую освободиться от «гнета отцов, братьев и мужа» все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общественным интересам. Таким образом, политика «раскрепощения женщин» по большей части сводилась к вовлечению женщин в общественное пространство без попыток понять их истинные потребности и, в конце концов, защитить их насущные интересы.

Женская периодика сыграла существенную роль не только в процессе вовлечения работниц и крестьянок в политику, экономику и общественные отношения³²³, но и заложила в сознание молодых сибирячек новые основы жизненных стратегий, поведенческих стереотипов, ценностных ориентиров. Влияние художественных произведений на общественное сознание прекрасно осознавалось советскими работниками агитпропаганды. Так, в 1934 г. состоялся Первый съезд Союза советских писателей, на котором директор Центрального детского театра Н.И. Сац впервые подняла вопрос об изображении детей, а именно проблему дифференциации образа девочки-активистки в художественной литературе. Она обратила внимание, что образы активистов-пионеров мальчика и девочки были более или менее взаимозаменяемы. Таким образом, в детской

³²¹ Бородина А.В., Бородин Д.Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-30-е гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 45-51.

³²² Покровская М.И. Женская доля // Женский вестник. 1905. №12. С. 249.

психологии в 1920-1930-е годы воспитывался определенный гермафродитизм с некоторым уклоном в сторону мужественности. Это нашло отражение не только в предписываемых формах гендерного поведения, но и внешнем облике советских детей³²⁴. Безусловно, создание образа девочки «без бантиков» и «девчачьих» привычек (плаксивость, робость) было целенаправленным и транслировало ранние советские представления о «новом советском человеке» и «культурной революции».

³²³ Аракелова М.П., Басистая Н.П. Женщины России: опыт истории. М., 2000. С. 85.

³²⁴ Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история. Вып. 5. М., 2003. С. 385-387.

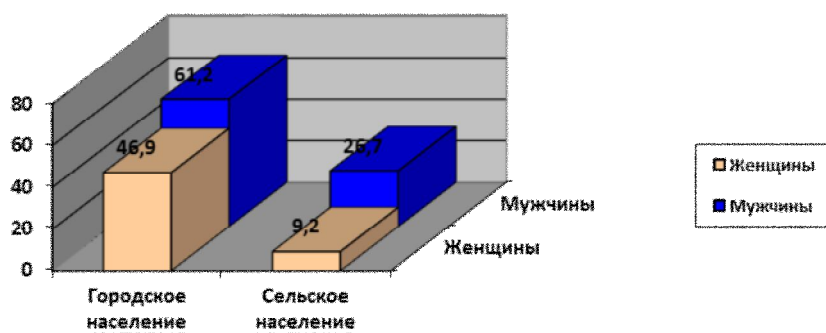
ГЛАВА 2: КРЕСТЬЯНКА-СИБИРЯЧКА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 1920-Х ГГ.

2.1. Развитие народного образования в деревне и женская грамотность

*Изменились девки наши,
Девоч наших не узнать:
Дуни, Поли, Клаши, Маши
Книжки начали читать.
Раньше время на вечерки
Мы без пользы тратили.
Книг теперь имеем горки,
Стали мы читатели³²⁵.*

Самым большим препятствием в деле решения «женского вопроса» и вовлечения женщин в общественные отношения, как считали советские идеологи, являлась их безграмотность. В начале 1920-х гг. грамотные мужчины в городах Сибири составляли 61,2%, а в сельской местности - 26,7%, грамотные женщины - соответственно 46,9% и 9,2%³²⁶.

**Процент грамотности мужчин и женщин
в сибирских городах и селах в 1923 г.**

В 1919 г. Советское правительство издало Декрет о ликвидации неграмотности³²⁷, согласно которому все не умеющие читать граждане в возрасте от 8 до 50 лет должны были учиться. Борьба с неграмотностью выразилась в создании в городах и селах пунктов ликвидации безграмотности, использовании женских клубов, организации сельхозкурсов, курсов для коммунарок и воскресных школ. Было подсчитано, что Сибирь по сравнению с Европейскими губерниями России сильно отставала по показателям грамотности населения. В 1920 г. на 1000

³²⁵ Дядя Саша. Под гармошку // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 13.

³²⁶ Профессиональное движение. — 1923. - № 3-4. — С. 35 – 37.

³²⁷ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38-40

человек в Европейской России приходилось 330 грамотных, в Западной Сибири – только 218 человек. Таким образом, из 7683499 сибиряков количество неграмотных составляло 5156069 человек³²⁸. В резолюции 2-го Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности был определен возраст тех, кого необходимо обучать грамоте: в сельской местности ликбез должен был пройти для всего населения в возрасте от 14 до 30 лет, таким образом, в Сибири насчитывалось более 1500 000 «взрослых» учеников, половина из которых были женщины.

Первостепенной задачей ставилось обучение письму и чтению, что позволяло развернуть более активное перевоспитание масс. Лозунг «Одна газета – на десять дворов!» призывал выписывать газеты и читать их крестьянам и особенно крестьянкам. Особенно рекомендовались журналы «Крестьянка», «Красная сибирячка» и другие массовые издания. Одним из препятствий для ликвидации неграмотности был недостаток учебников, бумаги, поэтому постройка в 1926 г. Новосибирской широкопередаточной радиостанции явилась крупным фактом в культурной жизни Сибири³²⁹. Затрудняло работу по обучению женщин и загруженность домашними делами, нежелание некоторых женщин учиться, консерватизм мужчин, не позволявших женам и дочерям ходить на ликпункты (пункты ликвидации безграмотности) и собрания.

Ослабило работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения перевод в 1921-1922 учебном году политико-просветительских учреждений с государственного снабжения на местный бюджет. Это привело к тому, что сибирские педагоги называли «крахом» новой работы по ликвидации неграмотности. В целом, это подтверждают цифры по Сибири:

Количество ликпунктов и число обученных взрослых в Сибири в 1920-1922 гг.

*Составлено по данным «Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири»
// Сибирский педагогический журнал. 1923, № 2. С. 119.*

Годы	Кол-во ликпунктов	Обучено
1920 г.	885	12772
1920-1921 гг.	4832	680080

³²⁸ Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 1923, № 2. С. 119.

³²⁹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. С. 190.

1921-1922 гг.	115	2460
	-	700 982

Таким образом, кол-во ликпунктов по Сибири с 1921 на 1922 гг. сократилось до 2,3% (что было характерно для всей страны). Несмотря на то, что в 1923-1924 гг. опять начался рост числа пунктов по ликвидации неграмотности, он был уже гораздо менее массовым. В 1924 г в Сибири действовало 630 новых, ранее не существовавших учреждений по обучению населения - ликпунктов, причем 250 из них финансировались из местных бюджетов³³⁰.

«Общественное воспитание» являлось одним из составляющих «культурной революции», курс на которую был объявлен В.И. Лениным в 1923 г., для изменения сознания и психологии крестьянства в социалистическом духе. Однако, осуществлению «культурной революции», с точки зрения государства, мешал ряд трудностей: нехватка средств и кадров, слабое распространение книг и газет в деревне и т.д. Финансовые затруднения при переходе к нэпу привели к закрытию ряда школ в Сибири в 1922 – 1923 учебном году. Например, по сравнению с 1920-1921 г. количество школ уменьшилось почти в два раза. Единственным средством существования школ в сибирских селах стало их содержание самими крестьянами, как это было в дореволюционные времена. Отделы народного образования заключали договоры с крестьянами на содержание школьных зданий и учителей³³¹. Однако, далеко не все деревенские жители 1920-х гг. поддерживали эту идею. Так, в Бийском округе в 1926 г. из 865 населенных пунктов в 445 школы отсутствовали. Как отмечал в своем докладе тов. Парыгин, в основном школы отсутствовали в небольших поселках (по масштабам Сибири), с общим количеством детей не более 8 тыс. Главными причинами непосещения школы докладчик называл отсутствие одежды, обуви, домашние работы и болезни. Особо обращалось внимание на низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка³³². Сельчане считали, что азы грамотности совершенно не пригодятся девочкам в их жизни, и что женские рабочие навыки намного важнее.

³³⁰ ГАНО, фонд 1, оп. 1, д. 1185, л. 96.

³³¹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937). – Новосибирск: Наука. – 1983. – С. 179.

³³² ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 27, л. 75-79.

Традиционное представление русского крестьянства об отсутствии необходимости получения образования для девочек было характерно для России и для сибирских сельских жителей, в том числе, еще и в 1920-е годы. Полевые материалы свидетельствуют о том, что родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе. Из-за этого немало пожилых женщин 1910-1920-х гг. рождения остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь, за что впоследствии обижались и испытывали чувство неполноценности. Например, мать Татьяны Ивановны Шадринной (дев. Толмачевой), 1910 г.р., не пустила ее учиться по причине того, что осталась солдаткой с пятью детьми, и Татьяне нужно было помогать в домашней работе³³³. Татьяна Ивановна вспоминала про свои слезы за прялкой, когда братья уходили в школу, а ей приходилось оставаться дома. «Девочки в школу просились, а их не пускали, считали, что более важное для них занятие – прясть. Бывало сестра обнимет прясницу, да ревет, в школу охота», - вспоминала П.О. Сибирцева 1912 г.р. из Ордынска Новосибирской области³³⁴.

Несмотря на небольшие успехи по вовлечению девочек и женщин в образовательный процесс, советские идеологи использовали всевозможные средства пропаганды женского просвещения, самыми популярными из которых были художественные произведения в женской прессе. В рассказе «Пятьдесят лет была неграмотна» в форме жизненной истории (сам автор определил жанр как «быль») живописалось о том, как старшая женщина («хозяйка») большого семейства вместе с внучкой записалась в ликпункт учиться грамоте. Кузьмовну Дубову, решившую учиться в 50 лет, сначала семья не поддержала. Старшая сноха испуганно спросила: «А кто же у нас будет стряпать», на что ей возрастная ученица ответила: «50 лет прожила неграмотная, а теперь при советской власти хочу учиться». Со временем домашние «на молодую и старую учениц смотрели тихо и улыбались». Показательно, что Кузьмовна училась писать сакраментальную фразу: «Мы не рабы, рабы не мы». А в день торжественного выпуска произнесла пламенную речь: «Товарищи рабочие, отпускайте своих жен учиться. Я 50 лет была

³³³Шадринна Татьяна Ивановна, 1910 г.р., д. Шубинка Зонального района Алтайского края. Родилась в Шубинской волости Бийского уезда Томской губернии.

неграмотная, а теперь, спасибо Советской власти, научилась, да вот еще вам сегодня стихи рассказала»³³⁵. История Кузьмовны логично для того времени завершается ее избранием делегаткой от женщин района.

Воспитание девочек в патриархальном духе, в отрыве от образования подтверждала и статистика, согласно которой процент грамотных женщин даже к 1926 г. был ничтожным: 14,1% от числа всех сибирских женщин (прогресс по сравнению с 1920 г. составил всего 5%)³³⁶. В художественных рассказах, опубликованных в журналах 1920-х гг., при затрагивании вопросов образования женщин, описывалась характерная реакция семьи на эту проблему. Так, например, в рассказе «В путь – дорогу» повествуется о молодой вдове Марине, которая собралась в город получать образование. На подобное пожелание дочери старик-отец заявил: «Голову сорвешь, вот увидишь. Разве можно нашему брату за такие пустяки приниматься? До барыни не дорастешь, а от нашего брата оторвешься. Куда будешь годиться?» Мать героини рассказа также считала, что важнее Марине было бы выйти замуж «пока не устарела, мужика подыскать, чтобы люди пальцем не показывали...» В то же время в рассказе задавался алгоритм поведения в случае подобных реакций со стороны деревенского сообщества. В рассказе дочь ответила обличением крестьянского отношения к женщине и традиционных семейных отношений в целом: «Пожила уже с одним мужем, нагляделась на бабью долю – сласти немного. Хорошая баба, по-вашему, к дому радельная. В книжку глядеть начнешь – нехорошая баба, бездомовница. Про бабу и говорить нечего. Не человек она, не то и на самом деле кобыла какая. Муж едет, шею грызет, свекровь шею грызет. Вся наша беда в темноте, неграмотности. Теперь в город собираюсь, учиться хочу»³³⁷. Безусловно, что такой рассказ носил пропагандистский характер, в нем была заложена новая женская поведенческая программа: «вырывайся из беспросветного старого быта, получай образование и работай на благо советской власти».

³³⁴ Фурсова Е.Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья. // Русские Сибиряки: культура, обычаи и обряды. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. С.108.

³³⁵ Зацепин К. Пятьдесят лет была неграмотна. Быль. // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 24-25.

³³⁶ Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 3. – Новосибирск. – 1930. – С. 36.

³³⁷ Неверов А. В путь-дорогу // Крестьянка. - № 7. – С. 4 – 6.

Несмотря на широкую пропаганду получения образования, многие крестьянки в 1920-х гг. считали, что деревенским детям не нужны книги, а главным является их подготовка к трудовой деятельности на земле («чтобы они умели работать»). По мнению родителей-крестьян, если отдавать детей в сады, ясли и школы, то они выйдут оттуда белоручками и лентяями («некому будет работать»). В большинстве случаев детей отправляли в школу получить только самые элементарные навыки письма, чтения и счета. Из возможных 4-х лет обучения, чаще всего учились только один, на вторую ступень обучения оставалось 60 % учеников, на третью – 59 %, а последнюю, четвертую заканчивали 15 % сельских детей³³⁸.

Автор статьи о проблемах сибирской сельской школы педагог Сильвич в 1923 г. на страницах «Сибирского педагогического журнала» отмечал, что меньше половины сельских учеников доучиваются до 3 класса (по Иркутской губернии всего 11,3% всех учащихся). Основная масса довольствуется 1 и 2 годами обучения. Немаловажной проблемой он считал, что длина учебного года в деревенских школах в среднем была короче городских на 2 месяца. Занятия чаще всего начинались в ноябре и завершались уже в мае. Примерно 100-150 дней в году были учебными, однако количество пропусков деревенскими ребятами занятий было огромным. Автор с сожалением констатировал, что натуральная форма крестьянского хозяйства требовала от сибирского крестьянина большого напряжения рабочих сил в семье и вовлечения детей в раннем возрасте в производственный процесс. Причины пропуска занятий среди крестьянских детей чаще всего звучали как: «стайку чистил, разгон гонял, по сено, по дрова, на мельницу ездил, отца на ухажье провожал, помогал веревку вить, кожу мять, чирки чинить, шерсть бить, цевки навивать, прясть, с братишкой нянчиться»³³⁹ и т.д. Автор отмечал, что по этой причине сельские дети часто остаются в классе на второй год, примерно 28% всех учащихся 1-ой группы³⁴⁰.

³³⁸ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 27, л. 75-79.

³³⁹ Сильвич «Школа для деревни или деревня для школы» (К вопросу о типе сибирской сельской школы) // Сибирский педагогический журнал. 1923, № 3. С. 133.

³⁴⁰ Сильвич «Школа для деревни или деревня для школы» (К вопросу о типа сибирской сельской школы) // Сибирский педагогический журнал. 1923, № 3. С. 119-134.

Немаловажной проблемой среди всё большего количества сибирских крестьян стала невозможность посылать детей в школу из-за отсутствия у них одежды и обуви в силу общего обнищания населения. Нищающее крестьянство в 1920-х гг. часто не могло себе позволить содержать школу и учителя в деревне. Так, например, на IV пленуме Бийского окрисполкома тов. Вертенниковым давалась следующая характеристика школьному обучению: «Ребятишки, окончив школу, плохо читают, пишут и не знают арифметики. Учителя халатно относятся к своей работе, ищут побочного заработка»³⁴¹. В 1928 г. в отчете по Славгородскому округу Сибкрая говорилось о том, что большинство школьных зданий пришли в полную ветхость, а некоторые сельские школы размещались в избах и даже банях³⁴².

Сибирский педагог Сильвич отмечал, что «кризис сельской школы в Сибири выражался в “рецидиве безграмотности” у большинства выпускников, в ее не популярности в массах сельского населения»³⁴³. Под «рецидивом безграмотности» автор понимал частые случаи, когда выпускник младшей школы по истечении некоторого времени забывал механизм письма, чтения и счета, то есть вновь, по сути, становился безграмотным. Автор отмечал, что нередким явлением в Сибири бывало, когда выпускники, особенно погруженные в домашние дела женщины, через какое-то время «утрачивали интерес к своему духовному развитию, к дальнейшему накоплению знаний, к осмысливанию окружающего <...> уровень снижается еще до низшей стадии развития». Столь массовый рецидив безграмотности автор частично объяснял низким уровнем общего развития и низкой квалификацией сельского учительства. Схожие проблемы «возвращения в первозданное состояние» отмечали и работники пунктов по ликвидации неграмотности: «Кампания 1920-1921 гг. показала нам те ошибки, которые мы не должны допускать теперь. <...> погоня за количеством в ущерб качеству: десятки тысяч ликпунктов пропускали сотни тысяч грамотеев, которые через несколько месяцев возвращались в первобытное состояние и сводили всю работу и

³⁴¹ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 27, л. 83.

³⁴² Жиленков. Культурная революция в Славгородском округе // Жизнь Сибири. 1928. № 9-10. С. 113.

колоссальные расходы на нет»³⁴⁴. Педагоги отмечали и «перегибы» кампании 1920-1921 гг., «когда принуждение принимало настолько уродливые формы, что некоторые «ликвидаторы» в качестве мер воздействия доходили до “каталажки”»³⁴⁵. Воспоминания учащихся тех лет вырисовывают такую картину, что многих мальчиков родители насильно заставляли ходить учиться в школу («ходили после порки»), а девочки, которые все-таки попадали за школьную парту, учились с гораздо большей охотой и старательностью, хотя их родители больше предпочитали, чтобы девочки оставались дома прясть³⁴⁶.

Сибирское крестьянство сопротивлялось общественному воспитанию собственных детей, и не желало, чтобы учителя оказывали эмоциональное, психологические, мировоззренческое воздействие на них. Автор статьи о состоянии сибирской школы Сильвич³⁴⁷ приводил слова родителей-крестьян: «Мы не для баловства детей в школу посылаем, а для ученья!». Таким образом, под давлением родительских требований сельский учитель был вынужден «следить не за целостным и естественным ростом детской личности <...> а за механически воспринимаемыми знаниями». Критерий, по которому оценивает результаты обучения крестьянин – отец школьника: «...учили-учили, а ничему путному не научили... - бумагу написать, на счетах сосчитать не умеет». Действительно, крестьяне, на плечи которых нередко ложилась обязанность финансирования образовательного учреждения, подходили к обучению с практической точки зрения. Родители хотели видеть в своем ребенке не «развитую личность», а помощника и грамотного продолжателя своего дела.

Многие факты говорят о том, что советское руководство, переложив на местные бюджеты, а часто непосредственно на плечи своих граждан, ответственность за содержание школ и учителей, тем не менее, хотела держать под

³⁴³ Сильвич «Школа для деревни или деревня для школы» (К вопросу о типе сибирской сельской школы) // Сибирский педагогический журнал. 1923, № 3. С. 119-134.

³⁴⁴ Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 1923, № 2. С. 121.

³⁴⁵ Там же. С. 122.

³⁴⁶ Ческидова Анна Денисовна, 1915 г.р., дер. Малышево Барнаульского уезда. По линии отца приехали из Смоленской губернии, по линии матери – из Курской.

³⁴⁷ Сильвич «Школа для деревни или деревня для школы» (К вопросу о типе сибирской сельской школы) // Сибирский педагогический журнал. 1923, № 3. С. 133.

полным контролем как содержание школьных программ, так и идеологическое воздействие на умы молодого поколения (поэтому крестьяне предпочитали нанимать в школу «полуграмотных попов», а не специально подготовленные молодые «красные» кадры). И это было не без причин, как показывают материалы интервьюирования, основная масса крестьян еще ходили в храмы, отмечали церковные праздники, соблюдали старинную обрядность³⁴⁸.

В сибирской прессе в противовес вышеперечисленным негативным явлениям сельской школы противопоставлялись коммунары - активные борцы за «новую школу» в сибирской деревне. Так, например, коммуна «Красный Октябрь» считалась образцовой, жизнь коммунаров освещалась в печати как ориентир для всего населения Сибирского края. Коммуна состояла в основном из матерей-одиночек и солдаток, которым было сложно самостоятельно воспитывать детей, но, объединившись в коммуну, они создали учреждения для общественного воспитания детей: ясли для самых маленьких, детскую площадку и школу 4-х ступеней. По словам корреспондента, приехавшего с обследованием состояния дел, коммуна представляла собой социалистическую идиллию, где все хозяйственные функции были распределены между членами коммуны, а дети жили отдельно от родителей в специальных домах, где было «чисто и светло»³⁴⁹. Эта информация была дана в противовес, как это представлялось средствам информации, «антисанитарным» крестьянским избам, «однобокому» крестьянскому представлению об образовании.

Во второй половине 1920-х гг. начался новый этап в развитии народного образования, связанный с изменением отношения правительства к школьному образованию. Сеть начальных сельских школ росла ускоренными темпами, шла подготовка к введению всеобщего начального обучения. В августе 1925 г. был издан декрет по проведению в жизнь всеобщего начального обучения. С этого времени крестьянская инициатива и самодеятельность стали мощным фактором

³⁴⁸ Фурсова Е.Ф. Разрушение православных храмов и состояние народной праздничной культуры в Приобье. 1920-1950-е гг. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 41 – 70.

³⁴⁹ Дети коммуны // Сибирская деревня. – 1924. - № 5/6. – С. 19 – 22.

развития школьной сети в сибирской деревне³⁵⁰. Во второй половине 1920-х гг. советское государство, принимая во внимание всю серьезность положения в сфере народного образования, начинает усиливать работу по этому вопросу. В этот период было увеличено число преподавателей, а школы приобретали все более сельскохозяйственный уклон.

Сибирский статистик тов. Жиленков сокрушался по поводу того, как обстоят дела с политпросветительской работой среди взрослого населения в округе из-за отсутствия средств³⁵¹. Тем не менее, несмотря на все трудности, связанные с работой со взрослыми селянами, отмечались определенные достижения в этом вопросе, что можно увидеть в приведенной ниже таблице.

Количество жителей сельской местности на 1 избу-читальню в 1925-1928 гг. в Сибири

Составлено по данным Ежемесячного журнала политики, экономики и краеведения «Жизнь Сибири», 1928, № 9-10. С. 116.

Годы	В среднем по Сибири	Славгородский округ	Каменский округ	Барабинский округ
1925-1926 гг.	8038	10163	6003	10661
1927-1928 гг.	6676	7573	7202	7832

Эти статистические данные отражают очевидную положительную динамику процесса сельского политпросвещения. Автор отмечал, что год от года растет потребность населения в учреждениях политпросвета: клубах, избах-читальнях, библиотеках и т.д. Однако «при качественно высоком состоянии этой сети, количество учреждений остается ничтожным». На тот момент имелось всего 7 клубов, открытых за счет различных учреждений, в основном профсоюзных организаций³⁵². В силу слабой постановки работы в Сибири в области культ- и политпросвета, пожилые информанты, молодость которых пришлась на 1920-е годы, в основном вспоминали о молодежных собраниях в виде «игрищ», «вечерок», «посиделок» и пр., но никак не о клубах и избах-читальнях³⁵³.

³⁵⁰ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.) – Новосибирск: Наука. – 1985. – С. 231.

³⁵¹ Жиленков Культурная революция в Славгородском округе. // Жизнь Сибири. 1928. № 9-10. С. 115.

³⁵² Жиленков Культурная революция в Славгородском округе. // Жизнь Сибири. 1928. № 9-10. С. 120.

³⁵³ Например, Присекин Степан Корнеевич, 1900 г.р., с. Крутиха Каменского района Алтайского края. Потомок курских переселенцев.

В 1929 г. в Сибкрае было объявлено, что «осталось всего» 1,5 млн. неграмотных взрослых в возрасте от 15 до 35 лет. Руководство Сибкрая считало, что годом полной ликвидации безграмотности в регионе станет 1934-1935 гг. Таким образом, рассчитывали в руководстве, «среднюю годовую цифру ликвидации, с учетом переростков и рецидивистов нужно установить в размере 250 тыс. взрослых неграмотных в год»³⁵⁴.

Для женщин, уже вовлеченных в общественную жизнь, например, ставших делегатками, и хорошо зарекомендовавших себя на делегатских собраниях, предполагалось получение дальнейшего образования. Это могли быть профтехнические, кооперативные, сельскохозяйственные, юридические курсы, курсы советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаки. Однако вовлечение делегатов в дальнейшую активную политическую деятельность в значительной мере затрудняла их неграмотность. Так, в 1927 г. в Томском округе из 5032 делегатов 1560 были совсем неграмотными³⁵⁵. К тому же женщины были перегружены домашними обязанностями, поэтому женотделами поднимался вопрос о необходимо обеспечить доступ к яслям в первую очередь именно вовлеченным в общественную жизнь детным женщинам.

При всей сложности и неоднозначности вопроса, связанного с народным просвещением, во второй половине 1920-х гг. происходили существенные изменения. Только за 1927 г. численность сельских учителей Сибири увеличилась по сравнению с предыдущим годом почти в два раза и составила 12162 человека. При этом преобладали учителя «советской формации», даже, если их приходилось присылать из весьма отдаленных районов Прибалтики³⁵⁶. Несмотря на престижность профессии учителя, такие молодые специалисты, приезжавшие в села, не всегда находили общий язык с местным населением³⁵⁷. В основе взаимного неприятия могли лежать личностные причины, особенности характера приезжавших, неудовлетворительный профессиональный уровень. Именно к таким

³⁵⁴ Контрольные цифры . социально-культурное строительство // Жизнь Сибири. 1929. № 7-8. С. 99-100.

³⁵⁵ Контрольные цифры . социально-культурное строительство // Жизнь Сибири. 1929. № 7-8. С. 99-100.

³⁵⁶ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917 – 1937 гг. Новосибирск: Наука. 1983. С. 180.

выводам можно прийти, прочитав дневник 17-ти летней учительницы села Копкуль Купинского района Мильды Гиртовны Ритмейстер, присланной обучать сибирских детей из Латвии в 1925 г. Работа молодой советской учительницы в Сибири началась совсем не гладко: «Вот я и в Копкуле. Учительница, даже завшколой. <...> у моей квартиры толпятся парнишки и довольно громко говорят: “Комсомолка, видели у нее значок... Меня к такой в школу не пустят” <...> Школа перестроена из большого амбара. Коридор и одна большая комната, перегороденная занавеской. Классная доска, столик, табуретка, шкафчик, часы-ходики, большая висячая лампа под потолком, 13 длинных и неуклюжих парт...». Учительница отмечала низкий уровень образованности сибиряков: «В Копкуле только один крестьянин имеет 4-х классное образование и только один молодой копкулец где-то учится в пятом классе. Остальные – неграмотные. Секретарь сельсовета так малограмотен, что без помощи старого попа-пьянчужки не может справиться со своими канцелярскими делами...»³⁵⁸. Через неделю совсем еще молодая учительница М.Г. Ритмейстер пришла на крестьянское собрание, о чем сделана запись: «Ни одной женщины. Им не положено решать дела общества. Старики усмехнулись: “Зачем приехала? Нам така девчонка не надобна. Учитель нужен! Строгий, сурьезный”. Я ответила, что уезжать не собираюсь, а пришла объявить, что завтра начну запись учеников в школу. Старики почти хором: “Не признаем таку учительшу!” <...> в школу на запись ни один ученик не пришел, мои объявления о начале школьных занятий кто-то посрывал. Тогда я пошла по всем дворам и записала в школу 80 человек, среди них только 26 девочек...»³⁵⁹ В глазах сибирских крестьян приехавшая учительница была «чужой», пропагандисткой такой же чужой идеологии, ситуацию усугубил и тот факт, что она являлась одинокой женщиной.

Непонимание со стороны местных жителей было не единственной помехой на пути у молодых специалистов. Из средств массовой информации следует, что

³⁵⁷ Об этом же упоминает Белова Н.А. Учительская интеллигенция в 1920-30-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства // Интеллигенция и мир. 2010. №4. С. 80-90.

³⁵⁸ Судьба учителя // Судьба человеческая. – Новосибирск: Новосибирский государственный областной дом народного творчества. – 2001. – С. 39.

³⁵⁹ Там же. – С. 41.

многие чиновники не отличались нравственной чистоплотностью даже на заре формирования советского государства. Так, на страницах газеты «Барабинская деревня» появилось сообщение о докладе председателя окрпроса, где приводились примеры «возмутительного отношения РИКов к учительству». Обсуждались случаи, когда работники РИКов «понуждали учительниц к половому сожителству и увольняли их в случае отказа»³⁶⁰. Однако, не смотря на все трудности, в период с 1922-1923 по 1927-1928 учебные годы число сельских школ в Сибкрае увеличилось более чем в два раза (с 3259 до 7113), а количество обучавшихся в них детей – в три раза (с 170,7 тыс. до 527,5 тыс. чел.). Таким образом, охват детей в возрасте от 8 до 14 лет школой в сельской местности края составлял в 1924-1925 учебном году 21,6 %, а в 1927-1928 - 59,4 %³⁶¹.

Создание советской системы общественного воспитания предполагало «отрыв от семьи детей и приближение их к детскому движению» («Юного Спартака», а с 1924 года – пионерские организации имени В.И. Ленина)³⁶². В партийных дискуссиях высказывалась мысль о том, что «нервозность, туберкулез, сварливость передается вместе с молоком матери»³⁶³. Желание изолировать ребенка от влияния семьи было связано с тем, что именно женщины придерживались в воспитании детей старых семейных традиций и не разрешали им вступать в пионеры, носить галстуки и пр.

Молодое поколение - «пиванеры», по задумке советских идеологов, должны были «выполнять заветы Ильича», «организовывать вокруг себя тысячи ребят», «проникать во все поры деревенской жизни», «помогать укреплять новый быт»³⁶⁴ и т.д. Очевидно, что через пионеров в «темные» сельские семьи должно было проникать просвещение и плоды советской культурной революции. Так, например, на страницах «Красной сибирячки» пионерка Лида из Кузнецка Томской губернии сообщает, что сын сторожихи Хорьковой – пионер 2-го отряда, учит мать грамоте:

³⁶⁰ Советская Сибирь. – 1929. – 23 февраля.

³⁶¹ К вопросу о введении всеобщего начального обучения в Сибирском крае. Вып. 2. – Новосибирск. – 1929. – С. 10.

³⁶² Герто Н., Катанская Г. Вопросы воспитания на страницах местных газет после XV партсъезда // Народное просвещение. – 1928. - № 6. – С. 111.

³⁶³ Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. / Под редакцией А.А. Гусейнова и др. – М.: Политиздат, 1989. С. 313.

«Как придет из школы и пристанет – читать, да и только. А то законы давай учить: того мама делать нельзя, да другого. Учиться, говорит, надо, Ленин велел»³⁶⁵.

Активно публиковались не только пропагандистские рассказы для детей, но и стихи. Например, яркие характеристики обязанностей пионера можно было прочитать в стихах:

Дома Ванька тятю с мамкой
Слушать чтение приучил.
Каждый день домой с газетой
Вести новые носил.

Завсегда наш Ванька в смычке
С деревенским мужиком,
Первым он в избе-читальне
Копошится с молотком.

Женская пресса в изобилии публиковала рассказы и «истории из жизни», где молодежь была умнее старших, «знала науку» и «учила жить» своих родителей. Например, в рассказе «Грунины каникулы»³⁶⁶ повествовалось, как 19-летняя Груня вернулась в деревню после окончания техникума. Она «с порога» заявила семье: «Не на отдых я приехала, мама. Я теперь ведь ученая, буду помогать вам в хозяйстве». Если учесть, что деревенским детям традиционно вменялось в обязанность помогать родителям, то ничего удивительного в этих словах не было. Новым было то, что образованная Груня взяла инициативу по выхаживанию скота в свои руки, отвергая полностью неэффективный родительский опыт, а используя ветеринарные знания. Хорошие результаты работы заставили отца признать авторитет дочери. В итоге отец Груни произнес сакральные для советской власти слова: «Другие времена пришли. Мы век прожили, ничему не научились, ничего не знали и умрем нищими. Ты, Груня, свет мне показала <...>. Вы теперь хозяева, ведите хозяйство, а мы со старухой будем вашими подначальниками. Езжай, Груня, доучивайся, а приедешь, нас стариков учить будешь».

Ставка советской власти была сделана на молодое поколение, в том числе молодых девушек, которым в будущем предстояло воспитывать собственных

³⁶⁴ Пионеры – по стопам Ильича // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 27.

³⁶⁵ «Учиться надо, - Ленин велел», - этим наполняют пионеры жизнь семьи // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 27.

детей. Именно они должны были принести в село новые ценности, создавать «новый быт» и распространять плоды собственного просвещения, обучать жить по-новому стариков. Вовлеченные в общественное воспитание дети, по задумке советских идеологов, должны были не только стать примером для своих родителей, но и помогать матерям «раскрепощаться».

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации безграмотности в 1920-е гг., можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе, как среди взрослых крестьянок, так и сельских девочек школьного возраста. Причина неудач в образовании женщин была комплексной: от нехватки средств и профессиональных кадров до «патриархальных» установок семьи и нежелании самих женщин учиться (часто связанном с домашней загруженностью). Новыми возможностями пользовались лишь единицы крестьянок-сибирячек, часто молодых девушек, продолживших дальнейшее обучение, в том числе «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910- начала 1920-х гг. рождения остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь.

2.2. Охрана материнства и младенчества в Западной Сибири

*«Женщина – мать нации. Из женской кабалы
вырастают предрассудки и суеверия <...>
Освободить мать, значит перерезать последнюю
пуповину, связывающую народ с темным
и суеверным прошлым»³⁶⁷
Лев Троцкий*

В 1918 году при Наркомате государственного призрения РСФСР был создан отдел по охране материнства и младенчества для разработки вопросов и проведения неотложных мероприятий по охране и обеспечению материнства как социальной функции женщины, и по охране младенчества как прямой обязанности государства³⁶⁸. Советское руководство представляло это направление работы как «первый в мире опыт социалистического государства по охране материнства и

³⁶⁶ Земальник П. Грунины каникулы. // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 20-22.

³⁶⁷ Троцкий Л. Строить социализм – значит освобождать женщину и охранять мать // Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. С. 32.

³⁶⁸ Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. – М, 1956.

детства»³⁶⁹. Именно направление охраны материнства должно было дать «полное раскрепощение женщины, помочь ей совмещать труд и материнство»³⁷⁰. Соответственно развитие данного направления проходило в рамках решения «женского вопроса», а также должно было помочь с разрешением проблемы детской беспризорности, получившей широчайший размах в 1920-е гг.

В программных трудах советских идеологов работа по охране материнства ставилась во главу угла всех советских преобразований: «Изменить в корне положение женщины можно, лишь изменяя все условия общественного и семейно-бытового существования. В том и выражается глубина вопроса о матери, что в этой живой точке пересекаются, в сущности, все решительно нити хозяйственной и культурной работы», - писал Лев Троцкий в программной статье «Строить социализм – значит освобождать женщину и охранять мать»³⁷¹ в 1925 г. «Материнство – есть узел всех вопросов. Оттого каждую новую меру, каждый закон, каждый практический шаг хозяйственного и общественного строительства надо проверят также и на вопросе о том, как все это отразится на семье, затруднит или облегчит судьбу матери, улучшит ли положение ребенка»³⁷², - отмечал далее идеолог реформ.

В Кодексе законов о труде, принятом в первые годы советской власти, были оформлены права и обязанности женщины в советском обществе. Вводились такие меры, как установление равной с мужчинами оплаты труда, запрещение ночного труда женщин, предоставление 16-недельного отпуска в связи с рождением ребенка (8 недель до родов и 8 недель после) и пособия кормящим матерям. Эти меры, по мнению советского руководства, закладывали основы политики по охране и улучшению труда женщин. Очевидно, что государство признавало материнство важной социальной функцией женщины и ее непосредственной обязанностью. Это представление о женской материнской обязанности, в том числе, нашло отражение во время голода в Поволжье. В печати можно было встретить объявления-призывы к

³⁶⁹ Литвинова Г.И. Охрана материнства и детства в СССР. // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 33.

³⁷⁰ Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на западе и в СССР. Исторический очерк. М., 1929. С. 202.

³⁷¹ Троцкий Л. Строить социализм – значит освобождать женщину и охранять мать // Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. С.28-29.

крестьянкам-матерям приютить, то есть, по сути, усыновить детей Поволжья, оставшихся без родителей (сиротство объяснялось тем, что матери, «потеряв голову от голода», бросали детей и уезжали на поиски хлеба). Примечательно, что призывы формулировались в обязывающей форме: «На обязанности каждой матери лежит великий долг перед Советской Россией: приютить кого-нибудь из детей Поволжья»³⁷³.

В реализации социальных программ по охране материнства и детства в Сибирском крае участвовали сразу несколько организаций: Отдел здравоохранения Сибкрая, Отдел по охране материнства, младенчества и детства, ОблОНО, Комитет по улучшению труда и быта женщин, женотделы и т.д. Сиббюро ЦК РКП(б) от 19 января 1920 г. приняло специальное постановление «Об усилении работы по охране материнства и младенчества, об оказании помощи в открытии Домов матери и ребенка при врачебных пунктах»³⁷⁴ и активизации создания детских учреждений.

Работа по охрматмладу («охрана материнства и младенчества») в Сибири за первые десять лет советской власти претерпела несколько этапов преобразований. История развития этой работы в Сибири описана Е.П. Елкиной, заведующей соответствующим учреждением в Сибкрае, в «Сибирском медицинском журнале», в статье, посвященной 10-летию революции. Так, период 1920 – 1922 гг. она характеризовала «безудержным, стихийным ростом “закрытых” детских учреждений для детей из районов Поволжья. К маю 1922 г. было открыто 187 детских закрытых учреждений, вмещавших 8315 детей. Практически все учреждения находились в городах и были созданы на волне помощи беженцам из голодающих территорий. Никакой плановой политики по строительству и содержанию этих учреждений в Сибири не проводилось»³⁷⁵.

Следующий период начался в мае 1922 г., когда из Москвы пришло сообщение о том, что госбюджет берет на себя содержание лишь 800 детей, все остальные переходили на содержание местного бюджета. Поскольку местный

³⁷² Там же. С. 29.

³⁷³ Крестьянки-матери! // Деревенский коммунист. Г. Орел. 1922. №3-6. С. 80.

³⁷⁴ ГАНО, фонд П-1, оп. 3, д. 5, л. 91.

³⁷⁵ Елкина Е.П. Охрана материнства и младенчества // Сибирский медицинский журнал (СМЖ), 1927, № 10/11, с. 33-35.

бюджет был весьма скуден, были закрыты все учебные учреждения. Попытка передать их на содержание хозорганов не увенчалась успехом. К 1923 г. осталось 88 детских учреждений по всей Сибири, и работа по охрматмладу «свелась на нет».

1924 г. был новым, поворотным годом в работе охрматмлада. Стала создаваться новая система, заново открывались учреждения материнства и младенчества: расширилась сеть яслей, для женщин и детей открыли консультации. Однако общего плана работы и финансирования по-прежнему не было. «Случайные ассигнования» были единовременны, поэтому часть из открытых в это время учреждений быстро закрылась.

Главными причинами столь недостаточного развития работы охрматмлада были не только отсутствие планового финансирования, но и нехватка квалифицированного персонала. Решающую роль в развитии этой социальной программы в Сибири сыграл открывшийся в Москве в 1924 г. Центральный институт охраны материнства и младенчества НКЗ (Наркомздрав). Из этого института в Сибирь приезжали квалифицированные работники охрматмлада, и врачи, кроме того, сибиряков посылали в Москву на обучающие курсы. Уже с 1925 г. работы по охране материнства и младенчества стали развиваться более активно.

Под охраной материнства и младенчества в это время в первую очередь понималось создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания, которые в деревнях были представлены сезонными полевыми яслями и детскими площадками. Сюда же относилась родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребенку, борьба с беспризорностью детей ранних возрастов, организация трудовой помощи матерям-одиночкам, подготовка работ охраны материнства и детства³⁷⁶.

В программной статье «Положение работницы к пятилетней годовщине октябрьской революции», опубликованной в 1922 г. на страницах журнала «Красная Сибирячка» говорилось о том, что переход на новую экономическую политику, отрицательно сказался на самом незащищенном советском классе – работницах и

³⁷⁶ ГАНО, фонд 1353, оп. 1, д. 46, л. 25.

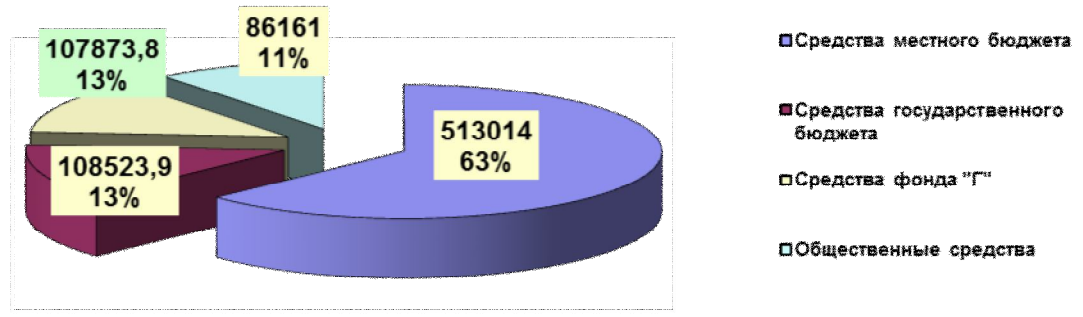
крестьянках³⁷⁷. «Вынужденные временные условия НЭПа» повлекли за собой сокращения штатов (в основном женщин), как следствие начался массовый рост женской безработицы, проституции, беспризорности и нищенства среди детей, увеличение числа аборт и случаев подкидывания младенцев. Существенно сократились государственные программы, в том числе направленные на «раскрепощение» женщин: прекратилось общественное питание, сократилось социальное воспитание, программы охраны материнства и младенчества и т.д. Несмотря на это, отмечал автор, и в таком положении необходимо искать пути для выхода из создавшейся ситуации. Женщин призывали брать инициативу в свои руки, например, крестьянкам организовывать комитеты взаимопомощи, самим организовывать ясли и детские сады и т.д. В годы НЭПа все основные мероприятия, решавшие «женский вопрос» перекладывались на плечи самих женщин, государство оставляло за собой методическое руководство и пропагандистскую составляющую. Довольно редкими, но широко популяризируемыми в печати 1920-х гг. среди общественности, были примеры, когда «ассигнование» учреждений охрматмлада брали на себя шефские хозяйства (коммуны, совхозы, фабрики и т.д.). Финансирование акушерских пунктов, детских площадок, яслей во многом лежало на плечах местных властей, которые также не имели средств на подобные мероприятия. Подтверждением явно недостаточного финансирования может служить бюджет по охране материнства и младенчества в относительно стабильный период развития этого направления за 1926 – 1927 финансовый год.

Бюджет на развитие программы по охране материнства и младенчества в Сибкрае в 1926 – 1927 бюджетном году (в рублях):

Составлено по данным: Отчет о состоянии работы Отдела охрматмлада // «Сибирский медицинский журнал». – 1927. - № 6/7. - С. 104 – 106.

³⁷⁷ Вошук С. Положение работницы к пятилетней годовщине октябрьской революции // Красная сибирячка. 1922. № 2-3. С. 41-42.

источники финансирования:

Таким образом, в 1926 – 1927 гг. 63 % финансирования направления охрматмлада осуществлялось из местного бюджета, примерно поровну (по 13 %) поделили «ассигнование» в Сибкрае государственный бюджет и фонд «Г», общественные средства составили около 11 % всех средств, затрачиваемый на охрану материнства и младенчества. Таким образом, всего на финансирование программы было выделено 878 572 р. 64 коп³⁷⁸. По масштабам поставленных задач сумма была несущественной. Открытие любого учреждения охрматмлада становилось в это время большим событием.

В годы НЭПа в Сибири обострился кризис в области здравоохранения, и без того весьма слабо развитого в сельской местности. Переход здравоохранения с государственного финансирования на местные средства привел к почти полному его развалу. Только за 1922-1923 гг. число врачей сократилось с 843 до 504, больниц с 558 до 252, а больничных коек с 21275 до 8820 штук³⁷⁹. Таким образом, медицинская помощь являлась фактически недоступной, на 1 койко-место в больнице приходилось 1727 человек³⁸⁰.

Признавая положение дел и количество мероприятий в области охраны материнства и младенчества недостаточным, на съезде плановых органов Сибкрая в 1928 г. этому вопросу было уделено специальное внимание при планировании следующей пятилетки. Так, было запланировано строительство 86 сельских участковых больниц на 16-25 коек каждая, 92 сельские амбулатории на 60-100

³⁷⁸ Отчет о состоянии работы Отдела охрматмлада // «Сибирский медицинский журнал». – 1927. - № 6/7. - С. 104 – 106.

³⁷⁹ Сибирский революционный комитет: Сб. докладов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 508, 513.

³⁸⁰ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 661. Л. 1.

посещений. В Сибкрае в 1928 г. на 264 районных центра только в 223 имелись больницы, по планам же, к концу пятилетки их должно было стать 259. Однако, как отмечалось в докладе, при сибирских расстояниях, когда район обслуживает территорию в радиусе от 30 до 200 верст, планируемое расширение больничной сети выглядит не очень убедительным.

Особенно разработчиков плана пятилетки смущало состояние младенческой смертности в Сибкрае, которая доходила до 220-350 смертей на каждую тысячу новорожденных сибиряков. Для сравнения у москвичей эта цифра составляла 130 смертей, а в Ленинграде – 149³⁸¹.

Число жителей сельской местности на 1 больничную койку в Сибири в 1925-1928 гг.

Составлено по данным Ежемесячного журнала политики, экономики и краеведения «Жизнь Сибири», 1928, № 9-10. С. 116.

Годы	В среднем по Сибири	Славгородский округ	Каменский округ	Барабинский округ
1925-26 гг.	2423	3595	3345	4717
1927-28 гг.	1792	2300	1113	2317

Автор статьи в журнале «Жизнь Сибири» за 1928 г. сокрушался по поводу состояния больничного дела в Сибири. По описываемому им Славгородскому округу он отмечал, что если с эпидемией тифа, оспы удалось более-менее справиться, то такие заболевания как скарлатина, дифтерия, малярия, трахома, туберкулез возрастали с угрожающей скоростью. Особенно плачевно обстояли дела с сифилисом. Если в 1922-1923 гг. было зарегистрировано 750 сифилитиков, то в 1927 г. – уже 1604. Автор живописал о целых деревнях, зараженных сифилисом.

Недостаточно средств было выделено на подготовку и содержание персонала. Отсутствие достаточного количества квалифицированных специалистов в области акушерства было одним из главных проблем этого направления. Это ярко характеризуют данные о количестве акушеров, родильных и гинекологических коек по губерниям Сибири в 1923-1924 гг. в приведенных ниже таблице 1 и таблице 2.

Таблица 1. Количество акушерок по губерниям Сибири в 1923-1924 гг.
Составлено по данным Сибирского медицинского журнала, 1925, № 3, с. 104-105.

Название губернии	1923	1924
Алтайская	23	31
Новониколаевская	11	13
Омская	9	14
Томская	15	19
Иркутская	29	16
Енисейская	29	37
Ойротская	0	7

Таблица 2. Обеспеченность родильными и гинекологическими койками в Сибири на 1 октября 1923 г.

Составлено по данным: Грацианов А. Здравоохранение Сибири (по территориям, входящим в Сибревком (Омская, Алтайская, Новониколаевская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии). // Жизнь Сибири. 1924. № 2. С.77.

Наименование губернии	Число родильных коек	Число гинекологических коек
Иркутская	38	18
Енисейская	82	
Томская	25	15
Омская	69	
Новониколаевская	48	
Алтайская	35	
Кузбасс	31	
Кемерово	5	

Как видно из таблицы 1, количество акушерок в Сибири, хотя и увеличилось в 1924 г., для обслуживания населения региона было явно недостаточным. Даже в 1929 г. при норме Наркомздрава 1 акушерка на 2000 человек населения, в Сибкрае на 1 акушерку приходилось 20480 человек, на 1932/33 гг. крайздравом было запланировано увеличение числа акушерок, с тем, чтобы нагрузка на 1 акушерку уменьшилась до 14893 человек. Однако и этот показатель был крайне далек от более-менее приемлемой нормы³⁸². В Славгородском округе с общим числом населения 429 тыс. человек, число женских консультаций увеличилось с двух в 1926 г. до шести на 1928 г., а акушерских пунктов за тот же период с 1 до 4.³⁸³ Количество

³⁸¹ Хронин В. Первая наметка пятилетнего плана развития Сибирского края // Жизнь Сибири. 1928. № 5. С. 37.

³⁸² Тракман М. Перспективы развития здравоохранения в Сибири (1928/29 – 1932/33 гг.) – Новосибирск. – 1929. – С.3.

³⁸³ Жиленков Культурная революция в Славгородском округе. // Жизнь Сибири. 1928. № 9-10. С. 116.

гинекологических и родильных коек также, мягко говоря, желали лучшего. Учитывая высокие показатели рождаемости в Сибири 1920-х годов, существовавшее число мест профессионального родовспоможения и гинекологической помощи было ничтожно малым. Действительно, полевые материалы показывают, как велика была роль «бабушек», повитух, которых, по рассказам очевидцев, приглашали во вновь открытые акушерские пункты помогать врачам в случаях тяжелых родов. Так, своими способностями повитухи на всю Легостаевскую округу Барнаульского округа славилась Дарья Дмитриевна Шабурникова, 1909 г.р.³⁸⁴, которая унаследовала лекарские способности от своих предков по женской линии. Когда местный сельский врач попросил ее поделиться с ним секретами ее мастерства, она, видимо не видя в нем преемника, отказала: «Ой, милый, много делов мой опыт перенимать будет!»³⁸⁵.

Во всех сибирских отчетах часто говорится о том, что родильная помощь в деревне находится в ужасном состоянии, как количественно, так и качественно. Охват родильной помощью в деревне в начале 1930-х гг. составлял 6,3 % в стационаре, а на дому 9,1 % от всех родов. При всей ограниченности родильной помощи в Сибкрае, в отчетах рапортовалось: «Родильные койки в стационарах используются в два раза меньше возможного, акушерки практически, не загружены»³⁸⁶. Таким образом, внедрение профессиональных акушеров в частную жизнь сибирских крестьянских семей было затруднено не только недостатком материальных средств и квалифицированных кадров, но и нежеланием самого населения воспользоваться специализированной помощью.

Состояние институтов охраны здоровья детей и младенцев вряд ли можно было назвать реально работающими. Сибирские врачи указывали, что из-за скудности материальных средств, в программу охраны детства попадали в основном только городские «организованные» дети, то есть посещавшие школы, сады и ясли. Однако даже в крупных городах состояние этого направления было в ужасном состоянии: на 1925 г. детские врачи были только в Новониколаевске (9 врачей),

³⁸⁴ Шабурникова Дарья Дмитриевна, 1909 г.р., родилась в «Челябе», привезена в четырехлетнем возрасте. Проживала в дер. Усть-Чем Искитимского района Новосибирской области. Старообрядка-«двоеданка».

³⁸⁵ ПМА, Д. №20, л. 1

Барнауле (3 врача), Омске (11 врачей), Томске (14 врачей), Красноярске (4 врача) и Иркутске (10 врачей). Больше педиатров на территории Сибирского края не было³⁸⁷.

Практически отсутствие детской медицинской помощи в Сибкрае выражалось в том, что детская смертность до 5 лет здесь была выше, чем в Европейской части РСФСР почти на 10 % в сельской местности и около 8% в сибирских городах. В 1927 г. на каждую 1000 рожденных детей умерло 94,94 ребенка³⁸⁸. Особенно высока была младенческая смертность (до 1 года) в сельской местности Сибкрая, пик смертности младенцев приходился на месяцы крестьянской страды – август и сентябрь – 17,75% и 12,53% смертей соответственно в 1926 г. Наиболее частые причины гибели детей в этот год были «диарея и энтерит» (9586 случаев), «коклюш» (4693 случая) и «дизентерия» (4281 случай)³⁸⁹.

Помимо непосредственной заботы о здоровье женщин и детей, советская политика охраны материнства и младенчества предполагала проведение профилактической работы по санитарно-гигиеническому просвещению населения. В этом направлении предполагалась массовая пропагандистская работа, такая как проведение популярных лекций и бесед в деревнях, показы пропагандистских фильмов, организация выставок по охране матмлада (например, организация стенда, посвященная новым методам вскармливания искусственным путем – детскими смесями и т.д.), проведение конкурсов грудных детей³⁹⁰ и недель ребенка. Выдвигалась идея выдавать матерям пособия по уходу за новорожденным, а в органах загса выдавать всем брачующимся литературу по гигиене детства и материнства³⁹¹.

На практике же все выглядело несколько иначе. В отчете о здравоохранении в Сибири за 1923 г. по поводу санитарного просвещения автор – сибирский врач А. Грацианов отмечал: «В городах читается время от времени ряд лекций, правда часто

³⁸⁶ ГАНО. Фонд 1353, оп. 1, д. 151, л. 10 об.

³⁸⁷ Отдел информации // СМЖ, 1925, № 3, с. 44.

³⁸⁸ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925-27 гг. Сибирский краевой статистический отдел. Новосибирск: Сибполитграфтрест, 1930. С. 17-18.

³⁸⁹ Там же. С. 24-25.

³⁹⁰ Имелись ввиду конкурсы, где выявлялись младенцы, за которыми ухаживают в соответствии с методическими рекомендациями охрматмлада. Соответственно такие дети «правильно» прибавляли в весе, соответствовали нормам физического и психоэмоционального развития.

довольно бездушно и мало интересных для народа, которые он слабо посещает. В деревнях же, к сожалению, в этом отношении ровно ничего не делается. <...> дело санитарного просвещения народа не может быть поставлено за отсутствием на местах библиотек, стационарных и подвижных выставок, домов санитарного просвещения <...> и т.д.»³⁹². Более того, врач отмечал ухудшение эпидемиологического состояния в губерниях Сибиряка, что при недостатке врачебной помощи («сельское население Сибири в 75% совершенно свободно от всякой медицинской помощи»), «население бросилось в объятия самого разнузданного знахарства, принявшего в последнее время самые уродливые формы»³⁹³.

В женской прессе 1920-х годов появились рубрики, посвященные вопросам охраны материнства и младенчества. Так, например, в «Красной сибирячке» в рубрике «Что нужно знать матери» освещались вопросы, связанные с личной половой гигиеной, протеканию беременности, воспитанию и кормлению младенцев и детей, профилактике различных детских заболеваний и т.д. Важно отметить, что этот сибирский журнал выгодно отличался от похожей литературы доступным языком. Информация часто была облечена в форму жизненной истории, которая случилась с простой сибирской женщиной, возможно, вашей соседкой, так похожей на вас³⁹⁴. В рубрике «Что нужно знать матери» помимо тем, связанных с материнством, часто затрагивались насущные темы, касающиеся женского здоровья. Так, например, рассказывалось о причинах выпадения матки и возможностях лечения этого заболевания. Причину этого, к сожалению распространенного женского недуга, автор статьи объяснял тяжелым крестьянским трудом: «В страдную пору на счету каждая рука. Тут уже некогда разбираться, больна ли женщина или нет – становись на работу. Иногда женщина не успеет родить, а уже ей приходится и жать, и убирать. <...> Зимой и в холод ходит она на речку, иногда за целую версту, полоскать белье. Стоит на коленках, руки стынут, встает – еле разогнется, с речки тащит на себе мокрое белье, а у самой уже как два месяца в

³⁹¹ Рецензия на брошюру А.Н. Антонова «Санитарно-просветительская работа по охране матмлада». // СМЖ. – 1926. - № 4. – С. 89.

³⁹² Грацианов А. Здравоохранение Сибири (по территориям, входящим в Сибревком (Омская, Алтайская, Новониколаевская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии). // Жизнь Сибири. 1924. № 2. С. 52 – 81.

³⁹³ Там же. С. 63.

животе ребенок шевелиться стал <...> как следствие болеет деревенская женщина частенько. Мужчина в 45 лет еще молодой, а баба выглядит совсем старухой»³⁹⁵.

Среди общей массы периодической литературы также выделяется специализированный «Сибирский медицинский журнал», являвшимся печатным органом Комитета сибирского краевого здравоохранения. В журнале одной из обязательных стала рубрика «Охрана материнства, младенчества и детства», где освящались различные аспекты работы в этой области в Сибкрае. Сюда относились плановые обследования здоровья детей в разных городах Сибирского края, отчеты об организации детских летних оздоровительных компаний, освещение последних работ с рекомендациями по санитарно-просветительской работе и охране матмлада, планы политики развития матмлада в области здравоохранения, сведения о состоянии вопроса в разных районах Сибкрая и т.д. На страницах журнала часто обсуждались конкретные меры по реализации политики охраны материнства и младенчества в Сибири. Помимо специализированных статей публиковались популярные лекции санитарно-гигиенического содержания, которые можно было использовать для чтения в сельской местности. Были и статьи и заметки на санитарные темы, в которых рассказывалось о том, как избежать заражения кишечными заболеваниями, ухаживать за новорожденными и грудными детьми. Там же публиковали основные симптомы заболеваний у детей и методы оказания первой помощи, однако, главным средством борьбы с детской смертностью авторы статей называли содержание ребенка в яслях.

В 1926 г. в материалах обследования крестьянок в Сибири, опубликованных в журнале «Коммунистка», отмечалось, что популяризации идей охраны материнства и младенчества в Сибкрае уделяется недостаточное внимание. Лишь во время трехдневника, проведенного охрматмладом, состоялась кампания по популяризации этих идей среди широких крестьянских масс. Для чтения лекций были привлечены врачи, например в Косихинском районе Алтайской губернии

³⁹⁴ Например: О беременности // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 23.

³⁹⁵ Что за болезнь – выпадение матки // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 29.

«были прочитаны 3 лекции с присутствием 380 человек. В дни трехдневника было заложено начало организации 110 летних яслей и детских площадок»³⁹⁶.

Одним из основных направлений в советском решении «вопроса женщин» стала принудительная социализация детей, поскольку они создавали помехи матерям активно включаться в процесс советского строительства, активно участвовать в производственном труде. Довольно частым заключением при обследовании крестьянских семей был вывод о том, что женщину-крестьянку больше всего обременяют дети, которые «весь день болтаются у нее под ногами и мешают ей работать»³⁹⁷.

Советские идеологи замыслили создание общественного воспитания для решения сразу комплекса проблем. Во-первых «облегчить» труд и жизнь крестьянки для ее более полного вовлечения в общественную жизнь, а во-вторых создать лучшие условия быта детей по сравнению с домашним воспитанием. Н.К. Крупская в работе «Деревня и дошкольное воспитание» писала: «При организации детских садов первое, что необходимо – это позаботиться о здоровье ребят, о привитии им всех гигиенических привычек, об их питании, одежде»³⁹⁸. И.В. Сталин в 1923 г. открыто говорил о подчинении внутрисемейного воспитания государственным интересам: «Работницы могут искалечить душу, либо дать нам здоровую духом молодежь <...> в зависимости от того, сочувствует ли женщина-мать советскому строю или она плетется в хвосте за попом, за кулаком, за буржуазией»³⁹⁹.

В таком важнейшем направлении политики охрматмлада как работа по созданию коллективных мест воспитания советских детей - яслей, детских садов и площадок, а также детских домов и коммун, дела в Сибкрае стояли далеко от желаемого. Новости об открытии новых яслей, женских консультаций были не часты, поэтому любое из этих событий освещалось с особой помпой и налетом идеализма в местной прессе. Так, об открытии яслей им. Клары Цеткин в г.

³⁹⁶ Пукит. Работа среди крестьянок в Сибири. Из материалов обследования. // Коммунистка. 1926. № 9. С. 49.

³⁹⁷ Например: Коммунистка. 1920. №6. С. 29.

³⁹⁸ Крупская Н.К. Деревня и дошкольное воспитание. Т. 2. С. 984.

³⁹⁹ Сталин И.В. К пятой годовщине первого съезда работниц и крестьянок. // Коммунистка. 1923. №1. С. 4.

Новониколаевске было написано: «Сюда собираются дети из низких душных комнат, от матери, которая по целым дням стоит у корыта, станка <...> С утра тащит своего малыша в светлый уголок, как называют эти ясли матери, а сами спокойно отдаются труду. <...> Малыши в светлых, чистых комнатах, где много уюта, так хорошо кормят <...> Здесь ребятишки поют, играют. Катаются на салазках. Быстро розовеют щечки, да ярче блестят глаза». Резюмируется заметка: «Так идут дни за днями, так растет наша смена под любящей заботой советской власти»⁴⁰⁰.

На страницах сибирской прессы условия содержания в селеньях грудных детей в летний период описывались самым негативным образом: «в этот горячий период работы крестьянки либо берут грудничков с собой в поле, либо оставляют на старшую сестренку или братика – «нянек». Такие «няньки» часто забывают о своих обязанностях, поэтому так распространены случаи, когда младенцев съедали свиньи, они калечились или тонули в грязных корытах и т.д. К тому же несовершеннолетние «няньки» неправильно кормят детей – сунут в рот грязную соску с кислым молоком и убегут гулять, после чего у детей открывается понос»⁴⁰¹.

Обосновывалась острая необходимость открытия в сельской местности летних яслей. В газетах и журналах для женщин был посвящен хотя бы один материал проблеме устройства яслей в деревне, конкретным мерам по их организации. Однако, как отмечали некоторые современники, пропаганда санитарно-гигиенических норм среди женщин зачастую наталкивалась на глухую стену непонимания. Так, например, в дневнике учительницы из села Копкуль Купинский района Барабинского округа Мильды Гиртовны Ритмейстер написано: «Из Купина приехала врач и давала консультацию по многим вопросам. Особенно о рахите у малышей. Женщины уважительно слушали поучения врача. А когда она уехала, дружно заговорили: “Прямо смехота! Что выдуманно: детишек какими-то хрутками кормить и морковью!”»⁴⁰².

Автор располагает документами, которые ярко характеризуют состояние этой социальной программы в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Это сохранившаяся

⁴⁰⁰ Ясли в гор. Новониколаевске имени Клары Цеткин // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 22.

⁴⁰¹ Как устроить ясли в деревне // Красная сибирячка. 1923. № 9/10. С. 78.

переписка московского Центрального Комитета по улучшению труда и быта женщин (ЦК УТБ) с местным отделением при Сибкрайисполкоме⁴⁰³. Переписка ЦК УТБ и Комитетов на местах велась в стиле «товарищеских писем», не было четкой отчетности, а лишь описания хода дел в регионах. Так, состояние дел в Западной Сибири описывается, что «движется работа слабовато, но у женщин пробуждается тяга к общественным мероприятиям и учебе». Председатель сибирского отделения ЦК УТБ тов. Трусевич попросила в одном из писем перечислить обещанные средства на развитие программы материнства и детства в Сибири и по возможности увеличить бюджет, на что из Москвы пришел однозначный отказ. Председатели ЦК УТБ тов. Попова и Баранова объяснили, что из центра первоначальная сумма денег поступает «для затравки», а «остальные средства ищите сами на местах, это и есть основная ваша задача»⁴⁰⁴.

Нередко финансирование строительства социальной инфраструктуры ложилось на плечи самого населения, что весьма поощрялось властями. Так, из письма Томского Комитета в московский ЦК УТБ узнаем, что в селе Варюхино Варюхинского сельсовета Комитет улучшения труда и быта открыл акушерский пункт, ясли и детсад на средства, собранные с местных жителей в размере 25%-го побора от доходов⁴⁰⁵. Как отметили организаторы, на открытии этих учреждений «все аплодировали». Работники Комитета расценивали такую реакцию населения как большой прогресс в сознании крестьян, потому что «в отличие от городских женщин, быстро оценивших удобство яслей и детсадов, деревенские нередко сопротивлялись этим новшествам в воспитании». В целом, в 1929 г. на территории Сибири общий охват детей детскими площадками был мизерным, их посещали в основном работающие подростки и пионеры, что наглядно демонстрируют статистические данные.

Количество детских площадок и их вместимость в Сибкрае (1929 г.)

Посчитано по данным отчета председателя Комитета по УТБ тов.

Трусевич. ГАРФ, ф. 6983, оп. 1, д. 198, л. 17.

⁴⁰² Судьба учителя // Судьба человеческая. – Новосибирск: Новосибирский государственный областной дом народного творчества. – 2001. – С. 43.

⁴⁰³ ГАРФ, ф. 6983, д. 198, оп. 1, л. 4–12.

⁴⁰⁴ ГАРФ, ф. 6983, оп. 1, д. 198, л. 11.

⁴⁰⁵ ГАРФ, ф. 6983, оп. 1, д. 189, л. 2.

Округ	Кол-во площадок	Кол-во детей, охваченных площадками
Барабинский	20	800
Барнаульский	80	4000
Бийский	30	1500
Новосибирский	80	5000
Омский	70	5000
Славгородский	15	750
Томский	90	7000

Более того, обозначенные нормы продуктов, отпускавшихся на питание в месяц на одного ребенка в местах общественного воспитания, сегодня не вызывают ничего, кроме недоумения: 500 гр. сахара, 400 гр. манки и риса, 400 гр. компота и 100 гр. крахмала. Даже не обращаясь к современным нормам детского питания, очевидно, что содержать детей на подобных дотациях было крайне сложно.

Количество яслей в Сибкрае

Посчитано по данным: Заботы о новом поколении // Красная сибирячка. – 1929. - № 4. – С. 6.

Учреждение	1924	1925	1927	1928
Городские ясли	...	...	26	84
Сельские ясли	16	36	198	600
Постоянные ясли при колхозах	0	0	0	12

Несмотря на то, что в конце 1920-х годов наблюдался рост числа учреждений охрматмлада, сами чиновники отмечали, что этого количества явно не достаточно для нормального функционирования этой программы. По расчетам в Сибирском Крае для охвата всех детей крестьянок и работниц требовалось 19 490 яслей с 779 600 койками. В Сибкрае же на начало 1929 г. было открыто лишь 600 яслей на 12 600 коек. Таким образом, потребность в яслях была удовлетворена всего на 3 %. Родильными койками Сибкрай также был оснащен недостаточно, всего на 21 % (968 коек) от желаемого числа 4500 коек. Недостаточно было консультационных пунктов: из рассчитанных 600 к 1929 году было открыто лишь 84, то есть всего 12 %. В очередной раз руководство Сибкрая подчеркивало, что для развития сети

охраны молодежи, необходимо активное участие самих крестьянок и работниц в этом деле⁴⁰⁶.

Санитарно-профилактические мероприятия в системе охрматмлада в Сибкрае за 1926-1930 гг.

Составлено по данным: Контрольные цифры. //

Жизнь Сибири. 1929. № 7-8. С. 103.

Показатели		1926-27 гг.	1927-28 гг.	1928-29 гг.	1929-30 гг.
Санврачи	<i>В городах</i>	45	56	70	80
	<i>В сельск.</i>	9	19	24	40
Детские консультации	<i>В городах</i>	26	39	42	54
	<i>В сельск.</i>	0	27	38	57
Женские консультации		18	27	28	34
Постоянные ясли		25	44	57	59
<i>Мест в них</i>		711	1130	1317	1682
Летние ясли		366	589	695	653
Первичные пункты охраны здоровья детей и подростков		0	12	10	15
Врачи оздоровления		52	73	79	102
Учреждения по санпросвету	<i>Дома санпросвета</i>	1	1	2	4
	<i>Постоянные выставки</i>	0	5	5	7

Приведенные статистические материалы свидетельствуют о некотором росте числа учреждений охрматмлада, однако состояние сети санитарно-профилактических учреждений, несмотря на ее рост, приводит к выводу о ее крайней недостаточности. Количество санитарных врачей даже в крупных городах доходило только до 40% нормы НКЗ (норм краевого здравоохранения), сельская сеть санитарных врачей – в зачаточном состоянии – их было 19 на весь край. В большинстве округов сельских врачей не было вообще⁴⁰⁷. Тем не менее, несмотря на невысокие показатели в области здравоохранения, в 1928-1929 гг. в общем бюджете Сибкрая эта статья расходов составляла достойные 13,3%, сибирские власти планировали потратить на все мероприятия по охране здоровья населения 12018,1 тыс. рублей⁴⁰⁸. То есть финансирование велось не по остаточному признаку, ему уделялось достаточно большое внимание среди массы других сложных вопросов, стоявших перед руководством Сибкрая.

⁴⁰⁶ Заботы о новом поколении // Красная сибирячка. – 1929. - № 4. – С. 6.

⁴⁰⁷ Контрольные цифры. // Жизнь Сибири. 1929. № 7-8. С. 103-104.

⁴⁰⁸ Краснов Г. Бюджет Сибирского края на 1928-29 гг. // Жизнь Сибири. 1929. № 1. С. 55.

Если помощь работающим матерям осуществлялась в городе через образующиеся профсоюзы, то на селе ее необходимость обсуждалась на собраниях, в женотделах, осуществлялась при вступлении в кооперацию и в Комитетах крестьянской взаимопомощи. Особо подчеркивалось, что во время беременности женщина должна всячески оберегать свой плод, в том числе использовать положенный по закону отдых перед родами: «материнство начинается не с момента рождения ребенка, а с момента зачатия»⁴⁰⁹. Для того, чтобы правильно родить и вырастить ребенка в первые месяцы его жизни, как убеждали авторы на страницах «Красной сибирячки», необходимо находиться под наблюдением специалиста – это служило главным обоснованием посещения женщинами учреждений сети охрматмлада. На страницах печатных изданий часто говорилось о том, что роды и воспитание детей в первые месяцы жизни без наблюдения врача из-за отсутствия знаний у многих молодых матерей были неправильными, почему ребенок часто калечился⁴¹⁰. Приводились данные, согласно которым за февраль 1923 г. в Омске на волне ликвидаторских настроений по отношению к охране материнства и младенчества погибло более 75 % новорожденных. Поэтому популярно разъяснялись задачи и цели охраны материнства и младенчества, польза его учреждений и необходимость обращаться женщинам в эти учреждения.

Ряд статей в прессе 1920-х гг. был посвящен роли женщины в современном обществе. Например, обсуждался вопрос: «Нужно ли забывать, что работница – мать?»⁴¹¹. Материнство представлялось советскими идеологами своего рода работой, которая является высокой обязанностью женщины перед обществом. В.П. Лебедева, зав. отделом Охрматмлада Наркомздрава РСФСР, подводя промежуточные итоги работы в 1928 г., писала: «Женщина, природой предназначенная к продолжению рода, должна совмещать свой общественно-полезный труд с материнством. Вся организация производства должна быть приспособлена к тому, чтобы, не выталкивая женщину из производства, по

⁴⁰⁹ Что такое Охрматмлад // Красная сибирячка. – 1923. - № 11/12. – С. 81-82.

⁴¹⁰ Там же. – С. 82.

⁴¹¹ Нужно ли забывать, что работница – мать? // Красная сибирячка. – 1923. – № 9/10. – С. 57.

возможности не вредить ее материнской функции»⁴¹². Таким образом, социальные роли женщины «работницы» и «матери» в советском обществе работали в тандеме, женщина должна была работать полный рабочий день (существовал ряд привилегий для женщин-матерей, которые были выражены в Кодексе законов о труде) и успевать выполнять обязанности по воспроизводству детей. Именно 1920-е годы дали начало оформлению советского «гендерного контракта работающей матери»⁴¹³ или попросту официальной двойной загруженности женщины. Советское руководство, провозглашая раскрепощение женщины в семье и ее освобождение от «рабского домашнего труда», по сути дела в 1920-х годах возложило на женщину двойную нагрузку: полный рабочий день, воспитание детей и организацию домашнего быта. Исследовательница гендерных отношений О.М. Здравомыслова называет этот гендерный контракт особой формой советского гендерного соглашения, лежащего между «контрактом домашней хозяйки» (база традиционной патриархальной семьи) и «контрактом равных статусов» (одним из типов современной модернизированной семьи)⁴¹⁴.

«Дети – наше будущее» - провозглашалось в печати, - «на смену работникам должен прийти здоровый и крепкий ребенок»⁴¹⁵. Таким образом, конечной целью заботы и охраны материнства и младенчества со стороны государства в 1920-х гг. выступала не женщина-мать, и не здоровье ребенка, а работник будущего, которому было положено строить страну и продолжать дело коммунизма.

Несмотря на высокий статус, программа охраны материнства и детства, при мизерном, по масштабам поставленных задач, финансировании (несмотря на существенную долю в небогатом бюджете Сибкрая), эта социальная сфера даже на рубеже 1920 - начале 1930-х гг. была слабо развита. Таким образом, в Сибкрае 1920-х годов эта программа носила в большей степени декларативный характер и

⁴¹² Лебедева В.П. Некоторые итоги. М., 1928. С. 10.

⁴¹³ Термин «гендерный контракт» был введен в 1990 году и представляет собой, по определению О.М. Здравомысловой «концепцию доминантных типов отношений между полами». Контракт описывается как «правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сфере производства и воспроизводства и взаимно ответственные отношения между мужчиной и женщиной, в том числе принадлежащим разным поколениям». Таким образом, контракт определяет соотношение мужской и женской стратегий поведения в семье и обществе.

⁴¹⁴ Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М.: Едиториал УРСС. - 2003. – С. 15.

практически не решала поставленных социальных задач. Тем не менее, несмотря на все сложности политики в области охраны материнства и младенчества, центральное советское руководство отмечало в целом по стране определенные успехи по различным показателям. Так, например, Лев Троцкий в своей речи «Охрана материнства и борьба за культуру», произнесенной 7 декабря 1925 г. на III-м Всесоюзном Совещании по охране материнства и младенчества, отметил положительную динамику в статистике младенческой смертности по сравнению с 1913 г.⁴¹⁶.

В начале 1930-х гг. состояние дел охрматмлада в Сибири было признано не отвечающим «нужным темпам» по многим показателям. На объединенном заседании президиума Западносибирского крайкома ВКП(б) и коллегии КрайРКИ в июне 1931 года решили, что органы здравоохранения не использовали в своей работе всех возможностей для выполнения директивы ЦК ВКП(б), не смогли повсеместно привлечь широкую общественность к вопросам охраны материнства и младенчества. Недостаточная степень вовлеченности женщин в производство, по мнению участников заседания, также было следствием слабо поставленной работы по линии охрматмлада. Таким образом, работу в области охраны материнства и младенчества за 1920-е гг. подытожили как недостаточную, слабо организованную и медленную⁴¹⁷. В 1930-е гг. работа по охране материнства и младенчества вышла на новый, более интенсивный виток своего развития, а характер работы стал прессинговым и общеобязательным.

2.3. Новые практики «планирования семьи» в сибирской деревне

Молодая советская власть впервые в мировой практике 18 ноября 1920 г. легализовала медицинский аборт, но с учетом медицинских и социальных показателей. Постановление Наркома здравоохранения «Об охране здоровья женщин»⁴¹⁸ подкрепляло политический проект по «раскрепощению женщины», целью которого было выведение ее за пределы семейных обязанностей (жены, матери, хранительницы семейного очага) и добавление функционала общественной

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. С. 7.

⁴¹⁷ ГАНО, фонд 1353, оп. 1, д. 32, л. 19.

работницы и политически активной гражданки⁴¹⁹. В дореволюционной России женщине, сделавшей аборт и лицам, способствовавшим этому, полагалась ссылка на каторгу. Советская власть прокомментировала введение этой меры как сближение законодательства с самой жизнью, в которой уже давно совершались аборты. Всячески подчеркивалось, что это мера является временной, поскольку главной ее задачей было вырвать женщину из лап нелегального аборта. Медицинский аборт, по словам советских медработников, являлся неотъемлемой особенностью культурного развития человечества, а законы, регулирующие аборты – большим прогрессом советского законодательства⁴²⁰.

Один из «первых застрельщиков» в борьбе за легализацию абортов после революции судебно-медицинский эксперт НКЗдрава д-р Лейбович указывал, что «аборт есть отражение и взаимодействие болезненных явлений различных эпох, до настоящего времени»⁴²¹. Судя по всему, врач предполагал, что переходный политический период, упадок в экономике и другие факторы нестабильности породят увеличение числа активно развивающихся подпольных абортов. «...От начала империалистической войны <...> абортная проблема обострялась. Мобилизация, вырвавшая из сельского населения наиболее производительные возрасты, нарушившие установленные семейные отношения, впервые вызвали и деревне большое число абортов (у вдов, у солдаток)»⁴²². В связи с этими своими прогнозами Лейбович ходатайствовал перед Наркомздравом о ненаказуемости аборта как для женщин, так и для врачей, занимающихся этим в больницах. Важно отметить, что советские идеологи все же рассматривали аборт как временную необходимую меру на конкретном этапе развития государства для «рационализации» половой жизни и появления «сознательного» материнства⁴²³.

⁴¹⁸ Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин» [Консультант Плюс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26749>

⁴¹⁹ Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. №4. – Том 2, 2013. – С. 43-46.

⁴²⁰ Благодаров А.А. Современный аборт // СМЖ. – 1927. – № 5. – С. 39-42.

⁴²¹ Генс А.Б. К проблеме легализации и статистики абортов в РСФСР. // Аборты в 1925 г. М., 1927. С. 21.

⁴²² Там же. С. 21.

⁴²³ Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на западе и в СССР. Исторический очерк. М., 1929. С. 201-202.

При этом материнство оставалось репродуктивной обязанностью женщины перед советским обществом. Эксперимент с внедрением медицинского аборта в сохранявшееся тогда традиционное репродуктивное поведение должен был помочь женщине распоряжаться собственным телом и принимать решения о перспективах собственной жизни, а, по словам В.И. Ленина, аборт являлся охраной «азбучных демократических прав гражданина и гражданки»⁴²⁴. Направление женских медицинских аборт было передано в Охрматмлад при самом активном участии работников здравоохранения.

Немаловажно отметить, что практикующие врачи не столь однозначно смотрели на вопрос легализации и распространения абортивных практик. Так, например, томский доктор Г.С. Беленький в брошюре «Женщина работница и социальная политика (санитарно-социологически этюд)»⁴²⁵ отнес плодоизгнание к «социальным болезням». Однако автор отметил, что «вне общественной, больничной и клинической помощи оказываются эти массы замужних и незамужних женщин <...> в наибольшей опасности». В качестве иллюстрации своих слов врач привел случай из собственной практики 1912 г. еще в м. Фундуклеевке Киевской губернии, когда к нему на прием по поводу совершения аборта пришла 23-летняя крестьянка Катерина Кучеренко, служившая в работницах у зажиточного крестьянина. Ее соблазнил и обманул старший сын хозяина, а потом женился на девушке из богатой семьи. Врач, несмотря на подсудность ситуации, «помог» Катерине, но когда она вскоре опять пришла к нему с той же проблемой, отказал. «На второй день ее выгнали из скверного крестьянского колодца мертвую, искалеченную». Врач с сожалением констатирует, что «наряду с нищетой, проституцией, подкидышами родился и вырос за последние десятилетия, как массовое общественное явление и аборт». Автор подчеркивал, что особенно практики плодоизгнания актуальны среди маргинализированных слоев общества «в результате разложения старых патриархальных ремесленно-крестьянских форм жизни».

⁴²⁴ Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Полное собрание сочинений. - Т. 23. - М.: Политиздат, 1973. - 595 с. С. 257.

Основным средством борьбы врач видел в создании социалистического общества, в котором «женщина (девушка) будет иметь свободную возможность быть гордой матерью, не боясь позора внебрачного материнства, оно детству обеспечит государственную охрану и воспитание, сняв за него материальную заботу с матери». Сибирский врач также считал важным вести широкую просветительскую работу и дать доступ народу ко всем предупредительным приспособлениям и обеспечить близость врачебной помощи, чтобы «тем или иным путем предупредить частую беременность во имя ее здоровья и труда, а также во имя большей жизнеспособности ребенка».⁴²⁶ Таким образом, уже в 1920-е гг. медицинский аборт рассматривали как одно из средств планирования семьи, что стало впоследствии регулярной практикой в советской и постсоветской России. Тем не менее, основными причинами легализации аборта назывались растущее количество «криминальных» абортов и рост беспризорности. Это было, в свою очередь, следствием внедряемой сверху «свободы нравов».

В 1920-х гг. на собраниях работников Крайздрава и Отдела охраны материнства и младенчества вопрос подкидывания младенцев и криминальные детоубийства стоял особняком. Сотрудники указанных органов мерами борьбы с этими явлениями считали обеспечение консультаций ассигнованием на социальную помощь безработным матерям и одиночкам (так как считалось, что именно эта категория женщин более всех склонна избавляться от детей), а также широкое ознакомление населения с методами искусственного прерывания беременности и методами контрацепции⁴²⁷. В 1920-е годы было известно несколько методов предохранения. К химическим или лекарственным средствам относились, например, таблетки «Контрацептин», шарики «Контрацептин», паста «Преконсоль». Эти препараты выпускались аптекой Отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава и выдавались по рецепту врача. Были известны и механические средства – колпачки и презервативы. Одновременно с вышеперечисленными контрацептивами, средством предохранения считались естественные меры, такие

⁴²⁵ Бельский Г.С. Женщина работница и социальная политика (Санитарно-социологический этюд). – Томск: Изд. Томского Губ. Отдел. – 1921. С. 23.

⁴²⁶ Там же. С. 26.

как прерванный половой акт и длительное кормление грудью детей до 2 – 3-х лет. Однако, как отмечала врач П.Б. Болтянская на страницах журнала «Красная сибирячка», последнее средство предохранения являлось неэффективным: из 100 женщин 60 вновь становились беременными⁴²⁸.

В этой же статье автор говорила о несомненном зле аборт, представляющих большой вред для здоровья женщины. Автор писала, что возникновение предохранительных мер против беременности связано с начавшейся борьбой с абортами. Однако, видимо, подобная просветительская работа проводилась недостаточно. Кроме этой статьи, автору диссертации не встречалось других документов пропаганды средств планирования семьи, альтернативных аборту.

Идея планирования семьи посредством противозачаточных средств не стала популярной среди населения Сибири, как и всей страны. Между тем на протяжении 1920-х гг. прослеживалась неуклонная тенденция роста числа абортов как в городах Сибири, так и в сельской местности⁴²⁹. Второй законодательной мерой стал циркуляр от 1922 года, где разъяснялась и подчеркивалась необходимость производства аборта исключительно в медицинских учреждениях и не с целью промысла. Данный циркуляр был вызван тем, что появилось очень много частных кабинетов, акушерок, «специалистов-абортистов», а в сельской местности просто «бабушек», не имевших никакого отношения к медицине.

Как писал в своей статье «Аборт в деревне» доктор В.Е. Смирнов из Змеиногорской участковой больницы, в деревне знали три вида различных способов вытравления плода. Во-первых, это абортативные вещества: свинцовые белила, селитра, настойка багульника, можжевельник, ртуть, сулема, чистотел, «мужской папоротник», порох, синька, «сорокапотужная травка» и т.д. Случалось крестьянки употребляли эти ядовитые вещества в смертельных дозах, что приводило к летальному исходу. Во-вторых, автор также писал о распространенности на селе «случайных» причин, таких как падение, поднятие тяжестей, битье по животу бутылками и кулаками, растирание и разминание его, энергичные надавливания

⁴²⁷ ГАНО, фонд 1353, оп. 1, д. 46, л. 11.

⁴²⁸ Болтянская П.Б. Предохранительные средства от беременности // Красная сибирячка – 1929. - № 11. – С.

вальком на область матки и «накидывание горшков». Как отмечал В.Е. Смирнов, оба эти метода широко использовались «бабушками» в деревне с давних времен. Женщины после подобной «помощи» становились инвалидами на всю жизнь. В третьих, как писал врач, не так давно из города, от невежественных «специалистов-абортистов», перенявших хирургические методы врачей-гинекологов, в деревенскую глушь пришли новые способы изведения плода. «Абортных дел мастера» в деревне по-своему восприняли методы бужирования матки и катеторы, за неимением инструментов «бабушки» использовали «подручные» инструменты. Сам врач сталкивался в своей практике со следующими: березовый прутик из веника или метлы, набивалка гильз Катък, ржавые гвозди, спица от зонтика и т.д. Эти предметы извлекались из полости матки у женщин, которые приходили в больницу уже с очень сильными болями и кровотечениями. По словам больных, «бабушки» делали укол в матку и обещали, что предмет «выйдет сам вместе с кровями».

Автор отмечал, что сельские жительницы были более несознательными, чем городские, и от своей темноты чаще обращались со своей проблемой не в больницу, а по-старинке к знахарям. В большинстве случаев, писал Смирнов, с начавшимся абортom в больницы обращаются разведенные женщины и солдатки, пытавшиеся скрыть свой «позор»⁴³⁰.

Как таковой специальной статистики о производстве абортom в Сибири не велось, у нас имеются лишь данные о количестве прошений в абортную комиссию и карточки пациенток, прошедших операцию в больнице. Таким образом, о размахе планирования семьи этим способом вне специализированных учреждений, мы можем только предполагать.

Врачи-энтузиасты в некоторых городах Сибкрая пытались составить общую картину, характеризующую это явление, опираясь на имеющиеся у них официальные данные. Так, например, в статье «Социальные основы абортom в Анжеро-Судженском районе Томского округа» врачом П.Т. Приходько⁴³¹ дается

⁴²⁹ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925-27 гг. Сибирский краевой статистический отдел. Новосибирск: Сибполитграфтрест, 1930. С. 3.

⁴³⁰ Смирнов В.Е. Аборт в деревне // СМЖ. – 1926. – № 2. – С. 43 – 47.

⁴³¹ Приходько П.Т. Социальные основы абортom в Анжеро-Судженском районе Томского округа // СМЖ. – 1927. - № 1. – С. 19 – 24.

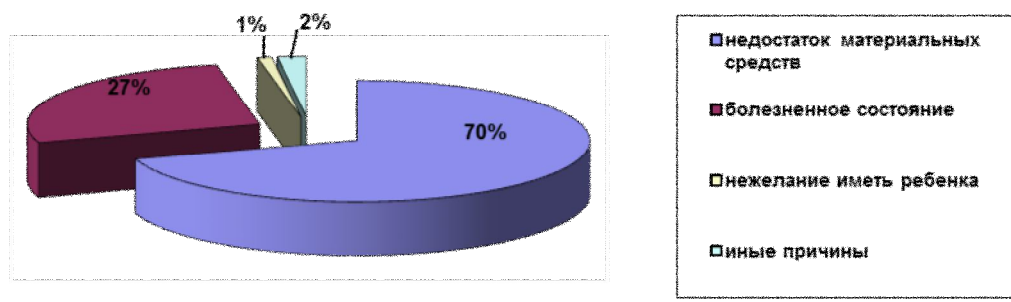
характеристика возрастного, социального, семейного состояния женщин, прошедших медицинский аборт в Томской и Судженской больницах в 1925 – 1926 годах. Несмотря на узость территориальных рамок Анжеро-Судженского района, такие характеристики как возрастной состав и семейное положение женщин, обратившихся за операцией по прерыванию беременности, мы можем в принципе распространить на всю территорию Сибкрая. Так, в больницу обращались женщины от 16 до 46 лет, около 40 % из них были с осложнениями после нелегального аборта. Средний возраст обратившихся за легальным абортом (через абортные комиссии) был 32,1 года, у поступивших с нелегальным – 24,3 года. Это говорит о том, что большинство молодых женщин самого подходящего для рождения детей возраста обращались за помощью не к врачам, а к подпольным специалистам. Из всех женщин, прошедших медаборт в Томской больнице большую часть составила возрастная группа 20 – 30 лет - около 60 %, женщин старше 30 лет – примерно 53 %, моложе 20 лет – 5 %, 2 % - возраст был неизвестен. По семейному состоянию большинство женщин были замужними - 87,5 %, 12,5 % не имели законных мужей (одиночки, вдовы, девицы), однако сюда включены и женщины, жившие в незарегистрированном браке. Автор считал, что нестабильное положение женщины в незарегистрированном браке в большей степени провоцирует ее на избавление от ребенка, чем в зарегистрированном⁴³². С последствиями нелегальной операции в больницы обращалось около 40 % женщин, о масштабах общей картины аборт у нелегальных специалистов мы можем только догадываться.

Врач Приходько в статье приводил причины, по которым женщины шли на операцию (пациентки указывали их сами). Источником стали анкеты пациентов за 1925 – 1926 гг., в которых была заполнена соответствующая графа, всего таких анкет было 345.

**Причины, толкнувшие женщин на аборт в 1925 – 1926 гг. по анкетам
пациентов Судженской и Томской больниц (причины называли сами
женщины):**

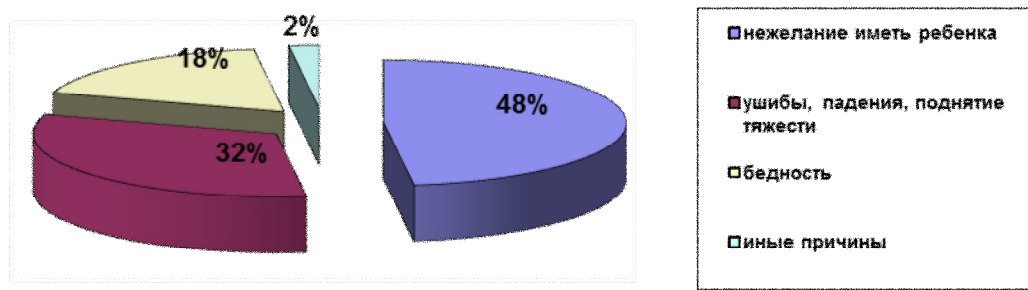
⁴³² Там же. – С. 24.

Обратившиеся за медабортом через абортную комиссию

Составлено по данным: Приходько П.Т. Социальные основы абортов в Анжеро-Судженском районе Томского округа // СМЖ. – 1927. - № 1. – С. 19 – 24.

После нелегального аборта с осложнениями

Составлено по данным: Приходько П.Т. Социальные основы абортов в Анжеро-Судженском районе Томского округа // СМЖ. – 1927. - № 1. – С. 19 – 24.

Причинами, заставлявшими женщин прибегать к таким мерам планирования семьи как аборт, по мнению автора-врача, по большей части являлось нежелание иметь ребенка (как это хорошо видно в ответах женщин после нелегального аборта). В ответах женщин, прошедших через абортные комиссии, эта причина практически не звучала. Однако, как считал Приходько, пациентки приводили такие существенные доводы, как болезненное состояние и недостаток средств, потому что эти причины позволяли получить 100 % разрешение от комиссии в отличие от эгоистического желания женщины избавиться от своего ребенка⁴³³.

В медицинских журналах 1920-х годов отмечалось: «Стали делать аборт наспех, не утруждая больную снять галоши, а больные, в свою очередь, стали

⁴³³ Приходько П.Т. Социальные основы абортов в Анжеро-Судженском районе Томского округа // СМЖ. – 1927. - № 1. – С. 19 – 24.

проделывать аборт между делом, мимоходом»⁴³⁴. Женщины, как городские, так и деревенские в 1920-е годы продолжали обращаться к непрофессиональным частникам, поскольку для того, чтобы получить разрешение на легальный аборт, было необходимо пройти абортную комиссию. Абортная комиссия состояла из врача-гинеколога и представителя женотдела, они-то и решали, существуют ли социальные или медицинские показания для искусственного прерывания беременности. Отказы женщинам поступали только в редких случаях, в основном по причине нехватки мест в стационаре.

**Количество аборт по Сибкраю за 1925 год и 6 месяцев 1926 года
(легальных, прошедших через комиссии по разрешению абортов)**

Составлено по данным: Отчет о движении абортов в Сибкрае (по данным абортных комиссий) // «Сибирском медицинском журнале». – 1927. - № 6/7. - С. 108.

По Иркутскому округу сведения отсутствуют, известно только общее число операций за первую половину 1926 г. – 2123.

Округ	1925 г.				6 месяцев 1926 г.			
	всего	полных	не полн	отказов	всего	полных	не полн	Отказано
Новосибирский	691	535	156	-	1094	583	54	63
Томский	639	280	359	-	557	295	262	65
Омский	768	388	380	-	...	...	...	...
Ачинский	56	23	33	-	24	10	14	4
Тарский	71	59	15	-	46	31	15	2
Барабинский	205	151	54	-	257	70	187	0
Барнаульский	229	156	73	-	502	354	118	65
Бийский	467	467	0	-	282	282	0	0
Каменский	97	58	39	-	136	82	54	52
Рубцовский	188	100	88	-	137	112	25	44
Кузнецкий	98	45	53	-	70	35	35	21
Красноярский	778	633	145	-	779	678	101	21
Минусинский	158	90	68	-	144	97	47	40
Канский	166	120	46	-	74	46	28	20
Тулуновский	137	90	47	-	70	44	26	0
Славгородский	59	59	0	-	24	12	12	12

⁴³⁴ Благодаров А.А. Современный аборт // СМЖ. – 1927. - № 5. - С. 41.

Ойротский	87	64	23	-	123	77	46	5
Хакасский	13	13	0	-	48	35	13	6
Киренский	54	37	17	-	...	...	...	...
Итого	4964	3368	1596	-	4367	2843	1524	420

Статистика показала, что почти во всех округах Сибкрая возросло число аборт, в некоторых из них число операций за полгода в 1926 году превысило общее количество операций, сделанных за весь 1925 год. В 1925 году женщины с начавшимися абортами составляли 32 % от числа всех операций, в первой половине 1926 года их было уже 35 %. Этот факт говорит о том, что количество женщин, пошедших на аборт выросло не только в специальных медицинских учреждениях, но и у «специалистов – абортистов». Если в 1925 году отказов со стороны абортной комиссии не было, то в 1926 году они уже появились, что во многом было связано с низкой пропускной способностью абортных коек в больницах и абортариях. В Сибкрае за 6 месяцев 1926 года специалистами комиссий был дан отказ на операцию почти 13 % женщин из обратившихся к ним. Эти женщины, по мнению врачей, стали потенциальными клиентками подпольных специалистов. Женщины, которым было отказано в операции по тем или иным причинам, как проследили в красноярской окружной больнице, обычно не останавливались и обращались к повитухам⁴³⁵. Что касается полевых материалов на эту тему, то, как правило, повитухи не испытывали желания рассказывать о такой стороне своей деятельности, предпочитая делиться воспоминаниями о практике приемки родов.

Унизительное соби́рание справок для абортной комиссии, придание публичности столь интимному мероприятию, в особенности в узком деревенском мирке, а также возможный отказ в производстве аборта толкали большинство женщин к «народным умельцам». Только по официальной статистике в 1928 г. в Омском округе женщин с начавшимися выкидышами, доставленных в больницы, было 115 на каждые 100 легальных медицинских абортов⁴³⁶. Аборты не были

⁴³⁵ Приходько П.Т. Социальные основы абортов в Анжеро-Судженском районе Томского округа // СМЖ. – 1927. - № 1. – С. 19 – 24.

⁴³⁶ Еще раз о вреде аборта и мерах борьбы с ним // Красная сибирячка. – 1929. - № 20. - С. 19.

редкостью в деревне, хотя по официальной статистике крестьянок, прошедших эту операцию, было в несколько раз меньше, чем горожанок. В медицинских журналах 1920-х годов часто встречаются заметки врачей, имеющих дело с начавшимися выкидышами у селянок, которые в силу меньшей осведомленности и сложившихся традиций, обращались к «бабушкам».

Примерно с 1924 года врачи и работники охрматмлада начинают говорить о вреде аборт для женского здоровья и называют это явление «социальным злом». Выход из сложившейся ситуации специалистам виделся в поднятии санитарной грамотности населения, расширении сети женских консультаций, где будет рассказываться о вреде аборта и проводиться широкая пропаганда противозачаточных средств. Врачи также говорили о необходимости устранения абортных комиссий, которые отказом «толкают женщин в лапы повитухам» и т.д.⁴³⁷. Приняв во внимание сложившуюся ситуацию, в 1929 г. Отдел Здравоохранения при ИК Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся принял новую инструкцию о производстве аборт. В инструкции значилось: отказаться от работы абортных комиссий, а обязанности распределения бесплатных аборт возложить на врачей. Врачи должны были действовать по инструкции: все женщины, не лишенные избирательного права, имеющие не менее троих детей, имели право на бесплатный аборт. Однако очередность, согласно инструкции, распределялась в зависимости от принадлежности к социальной группе: на селе преимущество имели батрачки, потом колхозницы, жены батраков и красноармейцев, далее – беднячки-единоличницы, а за ними середнячки. Внутри социальных групп очередность устанавливалась в зависимости от количества детей и размера заработка на едока. Женщины, не попадавшие ни в одну из категорий, должны были платить за операцию в зависимости от заработка на члена семьи, ножницы цен составляли от 5 до 30 рублей. Подчеркивалось, что деньги берутся исключительно для расширения сети абортных коек.

⁴³⁷ Приходько П.Т. Социальные основы аборт в Анжеро-Судженском районе Томского округа // СМЖ. – 1927. - № 1. – С. 19 – 24.

На состояние 1929 года количество коек было очень мало (одна, реже две на участок). В связи с этим, советское руководство считало принципиальным делом увеличение их количества, поскольку «задачи вовлечения женского труда во все отрасли промышленности и сельского хозяйства наталкивались на вопрос “женской заболеваемости” (т.е. время беременности и послеродовой период – *М.В.*). «Женские болезни» давали большой процент прогулов работниц и колхозниц, особенно растущих по Западно-Сибирскому краю благодаря крайне ничтожной сети родильных коек и почти полному отсутствию абортных»⁴³⁸. В этих словах сосредоточено все лицемерие политики советской власти по отношению к населению страны. Декларируя свободу женщины в распоряжении собственным телом, в том числе и в принятии решения по планированию семьи, государство пыталось решить вопросы, казавшиеся в то время первоочередными – восстановление народного хозяйства и перехода к курсу индустриализации за счет женского ресурса. Вот почему среди городских женщин-работниц поощрялись отказы от права на отпуск по беременности, не говоря уже о сельских, привыкших на следующий день после родов приниматься вновь за хозяйство⁴³⁹. Более того, легализация этой медицинской операции во многом популяризировало этот метод «контрацепции» среди населения страны, что нашло отражение в лавинообразном росте абортных на территории России. Однако система советского здравоохранения не справлялась с потребностями женщин в производстве этой операции, вынуждая их прибегать к «криминальным» абортам, и, самое главное, введение этой меры никак не способствовало решению социальных причин, побуждающих женщин пойти на этот шаг.

К сожалению, практика профилактики беременности посредством противозачаточных средств вместо операции так и не вошла ни в советскую, ни в российскую сексуальную повседневность. Найти объяснение этому факту сложно, но можно предположить, что разработка, производство и распространение этих средств не нашла широкой поддержки у советского правительства с самого начала.

⁴³⁸ ГАНО, фонд 1353, оп. 1, д. 46, л. 33-39.

⁴³⁹ Дулов А. Брак, семья, материнство в государственной политике БССР 1920 – первой половины 1930-х гг. // Женщины в истории: возможность быть увиденными. – Минск: БГПУ. – 2004. – С. 230.

Причиной лавинообразного роста числа аборт среди горожанок и селянок советские врачи и работники охрматмлада видели в плохом материальном обеспечении населения, желании «скрыть беременность» под давлением «патриархальных» стереотипов и даже «жилищный кризис». Они наивно считали, что преодоление негативных моментов экономического плана «является одним из главных путей в деле борьбы с абортами»⁴⁴⁰. При всей логичности рассуждений, ситуация в XX в. и в начале XXI в. показала, что аборт был и остается среди российских женщин основным способом планирования семьи вне зависимости от материального достатка и стереотипов в обществе. Возможно, в этом сказываются заложенные в 1920-е годы паттерны поведения при планировании семьи и личной жизненной стратегии.

Иллюзорная свобода прокреативного выбора, практически без альтернативных вариантов, сформировала указанную выше тактику планирования семьи в Сибири и России в целом на протяжении XX в. На фоне общей дезорганизации семейной жизни, падения морально-нравственных установок все же довольно незначительная часть сибирских крестьянок обращались к новому для них способу регулирования рождаемости, при этом предпочитая «бабушек». Сельское население в 1920-х гг. не было готово активно пользоваться новыми законодательными возможностями, все еще придерживаясь традиционных взглядов на этот вопрос. Полевые материалы свидетельствуют об отрицательном отношении к практикам искусственного прерывания беременности, а женщины, осуществлявшие такие мероприятия, резко осуждались сельским обществом

2.4. Антирелигиозная работа среди сибирячек

*Коммуниста полюбила
Сразу изменилась,
Все иконы порубила
Ни разу не молилась⁴⁴¹.*

*Не гони, мамаша, в церковь,
Я не богомолочка,*

⁴⁴⁰ Генс А. К проблеме легализации и статистики аборт в РСФСР. //Аборт в 1925 г. М., 1927. С. 28.

⁴⁴¹ Цитата по Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). М., 2009. С. 122.

В 1918 г. в Основном положении Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики советское руководство утверждает положение о свободе совести и отделении государства и школы от церкви. В этом же пункте Конституции признавалась и свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды⁴⁴³. На VIII съезде партии в марте 1919 г. было заявлено, что «по отношению к религии РКП (б) не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви <...> РКП (б) руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков»⁴⁴⁴.

Молодые адепты новой власти активно взялись за осуществление политики «отмирания религиозных предрассудков». Например, томский губком⁴⁴⁵ РКСМ активно и «с огоньком» включился в антирелигиозную борьбу. Сообщалось, что томичи использовали такие новые формы работы как диспут, постановка антирелигиозных пьес и выставка антирелигиозной литературы. На зимних праздниках – в Рождество, Новый год и Крещение комсомольские ячейки Томской губернии провели общественный суд над религией, вынесли ей обвинительный приговор и осуществили символическое сожжение ее чучела. Повсеместно практиковалось и сожжение «чучела попов». Активно воспроизводились довольно девиантные формы антирелигиозной пропаганды как «комсомольские богослужения», например, когда ряженные устроили на балконе одного из клубов «пляску попов»⁴⁴⁶.

⁴⁴² Из методички: Волжский А. Рождественская вечеринка. Сборник материалов для проведения красной комсомольской вечеринки. М.-Л., 1926. С. 60.

⁴⁴³ П. 13. Конституции (основного закона) Российской Социалистической Федеративной Республики, принятой V Всероссийским съездом в заседании от 10 июля 1918 г. // Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. 3-е изд. М., 2010. С. 291.

⁴⁴⁴ Из программы РКП (б), принятой на VIII съезде РКП (б) // Сталь Л. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.-Л., 1926. С. 33.

⁴⁴⁵ Губернский комитет РКСМ

⁴⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1, оп. 23, д. 38, л. 142-144.

Однако, уже в 1923 г. советское руководство признало, что «издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков». Выдвигался тезис о том, что борьба с религией более эффективна при организации только научно-просветительской антирелигиозной пропаганды. «При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»⁴⁴⁷. Количество разнузданных, хулиганских, носящих криминальный характер антирелигиозных мероприятий несколько поубавилось. Стали появляться научно-просветительские лекции и чтение атеистической литературы, однако образованных лекторов было недостаточно. Определенная часть молодежи больше предпочитала акты хулиганства и неповиновения старшим, типа участия в комсомольских антирелигиозных карнавалах. Тем не менее, госорганы из центра теперь присылали распоряжения, требовавшие заменить молодежные вакханалии, выдаваемые под антирелигиозным соусом, на работы по землеустройству, агрономические лекции, беседы врачей, направленные против знахарства⁴⁴⁸. Упор делался на просветительские лекции по истории мировых религий, анализ семантики религиозных обрядов и т. д. Однако уже в 1925 г. главный редактор журнала «Безбожник» М. Костеловская признавала неэффективность разъяснительной атеистической работы с массами: «Полуграмотная аудитория не в состоянии даже вообразить, где находятся все эти страны с мудреными названиями... да еще 4-5 тысяч лет назад»⁴⁴⁹.

Таким образом, в 1927 г. состояние антирелигиозной работы вновь было признано неудовлетворительным. «Умеренный» стиль работы с религией подвергся критике и на авансцену вновь вышел тезис об «организации праздничного досуга» с целью «предотвращения массовых пьянок и хулиганства, связанных с Рождеством». Грубо сработанные, но гораздо более востребованные у

⁴⁴⁷ Из программы РКП (б), принятой на VIII съезде РКП (б) // Сталь Л. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.-Л., 1926. С. 33.

⁴⁴⁸ Комсомол в деревне. Сборник по основным вопросам работы в деревне (Наш опыт). М.-Л., 1925. С. 79-80.

⁴⁴⁹ Костеловская М. Об ошибках антирелигиозной пропаганды // Правда. 1925. 25 января.

молодежи, чем образовательные формы, антирелигиозные карнавалы, Антипасхи и Антирождество вновь стали основой пропаганды⁴⁵⁰. В газете «Коммуна» от 8 января 1929 г. описывался комсомольский карнавал, прошедший в форме «похорон религии». Участники – ряженая молодежь в костюмах «чертей», «богов», «монахов» - сожгли «тело Христа во гробу» и Рождественскую елку⁴⁵¹. Видимо, подобные молодежные вакханалии были все же более характерны для крупных поселков или городов, так как в деревнях, как говорили сибирские информанты, чья молодость пришлась на 1920-е гг., «такими глупостями не занимались». Возможно это было связано с тем, что в сибирскую глубинку приезжало значительно меньше разного рода пропагандистов.

Радикализацию «безбожной» пропаганды, примитивизацию антирелигиозной работы в конце 1920-х годов исследователь государственной политики в отношении религии А.А. Слезин объяснял окончательным формированием образа «врага» в лице «кулацко-нэпмановско-поповского блока». Этап ранней антирелигиозной работы, по мнению исследователя, подготовил общественное правосознание к массовому участию советских граждан к борьбе с «врагами народа»⁴⁵².

В общественном сознании советские антирелигиозные деятели пытались создать «логическую» цепочку «водка - церковь». Так, в одной из своих программных статей «Водка, церковь и кинематограф», посвященных строительству «нового быта», Лев Троцкий писал: «...довести до конца антиалкогольный режим <...> - такова наша задача»⁴⁵³, «...сейчас же составная часть жизни баня, пивная, церковь...». Он увязывал употребление алкоголя русским народом с церковными праздниками. Троцкий, как и большинство советских идеологов, считал, что «религиозности в русском рабочем классе нет совершенно. По мнению автора, православная церковь была бытовым обрядом: «...связать свои догматы и каноны с внутренними переживаниями народных масс не удалось». В отношении религиозной жизни русского крестьянства Троцкий

⁴⁵⁰Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 89.

⁴⁵¹ Коммуна. 08.01.1929.

⁴⁵²Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 89 – 90.

также был не высокого мнения: «Для крестьянина это труднее (освободиться от церковной обрядности, - *прим. автора*), но не потому что он глубже, интимнее проникся церковным учением <...> его косный и однообразный быт тесно связан с косной и однообразной церковной обрядностью». Таким образом, Троцкий категорически отказывал русскому народу в глубинном проникновении в религию. Более того, советский идеолог считал, что до сих пор связь с церковью держится «преимущественно на женской привычке», так как именно женщины держатся за иконы, светят куличи и красят яйца на Пасху. «И в церковь ходят вовсе не по причине религиозности: светло в церкви, нарядно, людно, хорошо поют – целый ряд общественно-эстетических приманок...»⁴⁵⁴. Из этого следовал отвлекающий маневр, рассчитанный на женскую психологию. Главным оружием борьбы с народной религиозностью Троцкий считал улучшение условий нового быта, доступности культурных развлечений, особенно большие надежды возлагались отцом русской революции на кинематограф.

Не удивительно, что советская антирелигиозная пропаганда была в первую очередь направлена на работу с молодежью и женщинами. Советская власть в принципе делала ставку на молодое поколение, не имевшего жизненного опыта, и в любую эпоху «ждущего перемен», чье мировоззрение можно было конструировать в зависимости от партийных задач и установок. Женщин же советские идеологи представляли, с одной стороны, своими союзниками в вопросах борьбы с «патриархальными притеснениями», а с другой, воспринимали как противоборствующих им внутренних агентов влияния на внутрисемейном фронте. Именно поэтому основной упор госполитики был сконцентрирован на «вопросе женщин», которые стали основными проводниками изменений демографического, социально-психологического, гендерного порядков. Так, Е. Ярославский, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, писал: «Нужно иметь ввиду, что в борьбе против коллективизации, против социалистического переустройства деревни наши классовые враги и церковь также опираются на женщин. Нужно

⁴⁵³ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. С. 41.

⁴⁵⁴ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. С. 44-45.

усилить антирелигиозную работу среди женщин; нужно вооружиться большим терпением, большей настойчивостью»⁴⁵⁵.

В трудах советских антирелигиозных пропагандистов практически все тезисы о работе с женской религиозностью начинались примерно следующими словами: «Если зайти в церковь, если посмотреть, кто является главным посетителем церковных служб, крестных ходов и всевозможных религиозных церемоний, мы увидим, что женщины составляют огромное большинство посетителей. Так было прежде, и та же картина наблюдается теперь»⁴⁵⁶. Советские идеологи отмечали, что женщины в целом более консервативны во взглядах, «крепко держатся за обрядность», «случается, и коммунистки иконы у себя держат»⁴⁵⁷. Надежда Константиновна Крупская приводила свое видение ситуации: «Если вы зайдете в церковь, то увидите, что там женщин куда больше, чем мужчин. Из мужчин больше старики, а женщин много и молодых, и пожилых. Крестный ход идет, опять-таки толпа состоит почти из одних женщин»⁴⁵⁸. Автор этих строк объясняла причины женской религиозности меньшей образованностью женщин по сравнению с мужчинами, их загруженностью домашними делами и отсутствием «культурного досуга». В подтверждение своих слов Крупская приводила случай из личной практики, свидетельствующий о том, что женщины ходят в храм исключительно из-за однообразия жизни. Здесь, кстати, привлекает внимание многозначительный и глубокий ответ сельской девушки на признание жены и соратницы вождя революции:

«Спрашивает меня одна молоденькая сиделка, деревенская девушка: «Неужто Вы в бога не верите?» - «Не верю», - говорю. — «Совсем?»... - «Совсем». — «И в святых не верите?» - «Ну, уж в бога не верю, - неужто в святых буду верить». Она помолчала. Потом говорит: «Думаю, скучно вам». Я потом часто думала над ее словами. Однообразная работа изо дня в день, одно и то же <...> никакой красоты, ничего духоподъемного... заест серая жизнь. А на женщину, которая крепко

⁴⁵⁵ Абрамов Ф. Как вести антирелигиозную работу среди крестьянок. М.-Л., 1930. С. 3.

⁴⁵⁶ Кандидов Б. Религиозная работа среди женщин в последние годы царизма. // Антирелигиозник. 1926. № 8. С. 8.

⁴⁵⁷ Крупская Н. Работница и религия // Коммунистка. 1922. № 3-5.

⁴⁵⁸ Там же.

привязана к дому, церковное благолепие, церковное пение <...> производят сильное впечатление <...> домашние дела держат, как тесто к рукам липнут, от них не отвязаться, ну а уж в церковь божию надо идти, это для бога, никто не осудит. Вот почему держатся так женщины за религиозную обрядность»⁴⁵⁹. При чтении этих строк создается ощущение, что автор статьи не понимала или не хотела понять мировоззрение народа, над реструктуризацией мировоззрения которого вела свою работу.

Крупская также указывала на психологические особенности женского пола. Во-первых, «у женщин всех классов эмоциональная сторона сильнее развита, чем у мужчины того же класса; они более впечатлительны, более легко поддаются настроениям. Их легче убедить, воздействуя на чувства, чем на их разум». Во-вторых, писала она, «церковные богослужения удовлетворяют потребность в общении, дают ряд коллективных переживаний. И у женщин эта потребность опять-таки сильнее». Ну и последний, самый главный аргумент Крупской звучал как «религия – опиум для народа». Она приводила слова Вольтера о том, что «если бы и не было бога, его следовало бы выдумать». Тяжелая семейная и трудовая жизнь женщины вынуждает ее искать помощи «у бога, и чем тяжелее – тем жарче молятся».

Н. К. Крупская предлагала ряд мероприятий, которые бы способствовали освобождению женщин «из лап религии»: чтение книг, посещение комсомольских собраний, большее вовлечение в общественную жизнь, доступность искусства. Однако самым главным фактором она считала хорошо организованную жизнь с налаженными социальными благами и справедливостью. Таким образом, все кто работал над вопросами организации производства, устройством детских яслей и садов, общественных прачечных и пр. Надежда Константиновна считала борцами с женской религиозностью.

По поводу постановки антирелигиозной пропагандистской работы среди женщин были серьезные нарекания со стороны добровольной организации Союза Безбожников. Так, в 1926 г. в рубрике «Письма с мест» журнала

⁴⁵⁹ Крупская Н. Работница и религия // Коммунистка. 1922. № 3-5.

«Антирелигиозник» упоминалось, что «существующие женкомиссии при клубах почти не старались улучшить эту работу, а между тем лекции, семейные вечера, вечера самодеятельности и прочие виды клубной работы могли бы дать значительные результаты. Необходимо только женкомиссиям внимательно отнестись к этой работе, теснее увязать антирелигиозную пропаганду с общей клубной работой»⁴⁶⁰. Автор «письма» особенно настаивал на проведении бесед с женщинами по вопросам быта с антирелигиозным уклоном. Ему казалось вполне уместным вести антирелигиозную работу в яслях и детских садах.

Проблема вовлечения женщин в комсомол, иногда называемое «одевичиванием» была среди самых актуальных проблем⁴⁶¹. Из всех вступивших в ВЛКСМ в 1925 г. только 16% были девушки. В 1922 г. в Томской губернии насчитывалось около 500 коммунисток, но, как отмечалось в отчете, «они пока мало еще помогали отделу (женотделу, - *прим. автора*) вести работу»⁴⁶². На весь Бийский уезд Алтайской губернии в этом же году приходилось 40 коммунисток⁴⁶³. К тому же в отчетах часто с сожалением отмечалось, что даже эти комсомолки-коммунистки чаще всего продолжали соблюдать религиозные традиции⁴⁶⁴. Столь низкую вовлеченность девушек сибирской глубинки в комсомол можно объяснить большей приверженностью женщин патриархальным традициям и крайней радикальностью ранних советских идей для девичьего менталитета. К тому же, к поведению девушек, вступивших в комсомол, не было сформулировано единых требований. С одной стороны они уже автоматически становились объектами реформирования интимной сферы (с идеалами свободной любви), с другой стороны их поведение попадало под обсуждение борцов с половой распущенностью. Так, если комсомолка «вела себя скромно, то говорили, что она пропитана буржуазными предрассудками, и что у нее индивидуалистическое настроение, если начинала свободно вести себя, то ее приравнивали к

⁴⁶⁰ Клубы и антирелигиозная пропаганда. // Антирелигиозник. 1926. № 10. С. 42-43.

⁴⁶¹ Слезин А.А. Сельский комсомол в 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 80-85.

⁴⁶² Работа Томского Губотдела // Красная сибирячка. 1922, № 2-3. С. 111.

⁴⁶³ По Бийскому уезду // Красная сибирячка. 1922, № 2-3. С. 112-113.

проститутке»⁴⁶⁵, - замечал в своей статье «Переход к наступлению» Емельян Ярославский.

Помимо выпуска профильных всесоюзных антирелигиозных журналов «Безбожник» и «Антирелигиозник», в женских СМИ всегда размещался материал, посвященный борьбе с религией среди женщин. Самыми популярными темами был незамысловатый микс из «обмана попов» и научно-просветительских материалов об эволюции человека и истории атеизма. Так, в информационном сообщении «Не одурачили» рассказывалось о нищей крестьянке, «ютившейся с шестью ребятами около стенок да лавчонок на Центральном базаре Омска». Женщина обратилась за помощью в отдел работниц 1-го района Омска с просьбой помочь получить свидетельство о смерти мужа, которого она не отпевала (то есть «не лигестрировала») по причине алчности «попа», который запросил сумму, которой у нее не было. Муж, будто бы чувствуя скорую кончину, сделал завешание: «Перед смертью сказал, что в какую-то коммунию записался и чтобы я не отпевала его – все это чепуха. И не пошла больше к попу, а на четвертые сутки его сосед похоронил»⁴⁶⁶. Сообщение отражает тот факт, что советские ментальные «инновации» поддерживались в основном люмпенизированными маргинальными группами населения, утратившие свои ценностные установки и легко воспринимавшие любые новые.

В сибирской женской прессе, представленной журналом «Красная сибирячка» антирелигиозная пропаганда была «зашита» в форму рассказов, повестей и «былей». Например, рассказ «Делегатка и новый быт» живописал историю делегатки в женотделе Домны Ивановой, которая отказалась крестить новорожденного ребенка, аргументируя свое решение следующими соображениями: «Умрем, так все одинаково сгнием, и крещеные, и некрещеные <...> от этого ему ничего не прибудет и здоровее не будет», «приходите к нам на собрания, так и в церковь перестанете ходить», «узнаете, как земля произошла, как

⁴⁶⁴Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). М., 2009. С. 101-102.

⁴⁶⁵ Ярославский Е. Переход к наступлению // Антирелигиозник. 1929. № 10. С. 6.

⁴⁶⁶ Не одурачили // Красная сибирячка. 1923. № 13-15. С. 60.

человек и все живое на земле появилось. Узнаете, что попы вас обманывают. Я была такая же темная, как вы, а теперь свет увидела»⁴⁶⁷.

В другом рассказе повествовалась история, произошедшая в селе Сенивцы Брисадировской волости Кременчугского уезда. После сбора средств на ремонт сельской церкви, одна из женщин предложила неожиданное решение: «А знаете бабоньки, что я задумала? <...> Не завести ли нам в приют, дети там не очень хорошо живут. Нам на женском собрании говорили». Остальные женщины безоговорочно поддержали «здравую мысль», «забыв гнев батюшки». Рассказ заканчивался моралью: «В этот вечер в детском доме был неожиданный праздник. Весело вернулись бабы домой. Не даром день прошел»⁴⁶⁸. В данном случае «выстреливал» тезис здравого смысла и перенаправления сил и средств на «реальные проблемы» содержания детей по сравнению с обветшалым зданием церкви. Не зря в рассказе альтернативным «добрым делом» стала поддержка именно детей-сирот, поскольку для женщин забота о детях всегда стояла в порядке приоритетных ценностей. Советская антирелигиозная пропаганда помимо ярких эмоциональных доводов, опиралась и на «научные» «медицинские» данные. Так, например, в рубрике Охраны материнства и младенчества журнала «Красная сибирячка» дали ответ на запрос крестьянок села Пospelиха «Не опасно ли в смысле заражения причащать ребенка – не передается ли зараза через ложечку?»⁴⁶⁹.

Еще одной «горячей» крестьянской темой, используемой антирелигиозными идеологами, стала тема беспомощности религиозных обрядов при болезнях и падеже скота. Так, делегатка Свердловского собрания Иркутской области тов. Голикова рассказала о мировоззренческих метаморфозах набожной женщины после того, как она не смогла «отмолить коровушку в церкви и отпоить святой водой», не помог и «сорокоуст Святому Иннокентию». «Хочешь-не хочешь, пришлось обратиться к ветеринару. Тот пришел, посмотрел, прописал лекарство и корова поправилась». После этого события женщина совершила акт религиозного вандализма. «Разсердилась баба на своих богов, что не помогли ей в ее беде,

⁴⁶⁷ Делегатка и новый быт // Красная сибирячка. 1924. № 1. С. 78.

⁴⁶⁸ У крестьянок проходит религиозный дурман // Красная сибирячка. 1924. № 1. С. 68.

⁴⁶⁹ Красная сибирячка. 1925. № 11. С. 24.

поснимала все свои деревянные иконы, маленькие целиком, а большие поколола пополам и стала покрывать кринки с молоком, чтобы сор не попадал». Автор «были» резюмировала: «Так корова отучила бабу от веры в бога»⁴⁷⁰. Презентация этого рассказа была облечена в форму «были», однако, безусловно, это пропагандистское произведение, внушающее читателям примат научных знаний над религиозной обрядностью.

В рассказе «Старое и новое», написанном по случаю события передачи челябинскими рабочими двух железнодорожных церквей под клуб и школу, рассказывалась история, как Катерина потеряла веру после болезни сына. Катерина пошла помолиться в церковь за здоровье своего младенца, но была изгнана оттуда городовым за то, что «наступила в церкви на подол барыни». После этого она «оглянулась, выпрямилась, сжала кулаки и плюнула». Вместо церковной общины Катерина нашла свое место среди делегатов, и выступила на собрании с рассказом о том, как потеряла веру. После этого одну церковь передали под школу, другую – под клуб. «Вот здесь алтарь был, а теперь учительская, на будущий год расширим и классы сделаем», «портреты Ленина повесили, плакаты, картины». Отношение общественности в рассказе к этой передаче характеризовалось как «Ребята своей школой гордятся. Необыкновенная она у нас – из церкви. Мы в бога не верим и в церковь нам не надо. А школу надо!»⁴⁷¹. Опять активно продвигалась идея преобладания «рационального» подхода – в данном случае организации школы над «иррациональным» - молиться Богу.

Антирелигиозная пропаганда апеллировала и к тезису о будто бы приниженном и зависимом положении женщины в рамках православной картины мира. В сообщениях «с мест» от женских волорганов отражались умонастроения женщин того времени. В обращении волорганов тов. Жарихиной из с. Юдино Татарского уезда говорилось: «Всю жизнь нас, темных, обманывали да запугивали. Не будем больше, бабоньки, в церковь ходить. Теперь

⁴⁷⁰ Не годится богу молиться, будем горшки покрывать. // Красная сибирячка. 1925. №м 2-3. С. 20.

⁴⁷¹ Старое и новое. // Красная сибирячка. 1925. № 2-3. С 20-21.

мы тоже сумеем не хуже мужиков сладить хозяйство, все работаем, что мужик, что баба!»⁴⁷²

Религиозные праздники, православные обряды в средствах массовой информации описывались как «устаревшие», не имеющие никакого смысла, манипулирующие массами, чаще именно женскими. В «Безбожнике» так описывался праздник Параскевы-пятницы, особо почитаемой женщинами святой: «Добровольные помощники попов безжалостным кулачным боем выколачивали из женщин-истеричек («кликуш») нечистую силу, доводя свои несчастные жертвы до обморока. Безобразная картина дополнялась беспробудным пьянством, шло дикое веселье»⁴⁷³. Полевые материалы, однако, рисуют иную картину. Например, в Вознесенской волости Каинского уезда крестные ходы к святому источнику и одноименной часовне Св. Параскевы-Пятницы происходили в 1920-е гг. и в более позднее время⁴⁷⁴. Популярность иконы Св. Параскевы доставляла много неприятностей советским чиновникам, «портила» картины годовых отчетов. Хотя источник был ликвидирован (распахан трактором), молитвенные собрания на этом месте посещали непрерывно в день памяти святой. Причину столь «противозаконной деятельности» местных жителей Уполномоченный по делам религии видел в проживании здесь значительного количества пенсионеров.

В антирелигиозной работе с женщинами предлагалось использовать «несправедливый» тезис христианства о женщине и ее положении по сравнению с мужчиной. Тезис, что «религия веками закабаляла женщину» был одним из первых в антирелигиозных беседах с женщинами. В методичке «Труженица Урала на борьбу за новую жизнь»⁴⁷⁵ предлагалось обсудить отношение к женщине в христианстве. В качестве примера автор приводил слова апостола Павла: «Женщина – сосуд скудельный». Для Святого Антония «женщина - начало всякого преступления и орудие дьявола». Приведены такие вырванные из контекста слова святого: «Когда вы увидите женщину, то считайте, что перед вами

⁴⁷² Информационные сообщения // Красная сибирячка. – 1923. - № 11/12. – С. 66.

⁴⁷³ Праздник Параскевы-Пятницы в Ленинграде. // Безбожник. 1928, № 23. С. 15.

⁴⁷⁴ Фурсова Е.Ф. Поклонение святому источнику во имя Св. Параскевы в Барабе в прошлом и настоящем // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Ч. II. С. 151-154.

не человеческое существо, а сам дьявол». Особенно подчеркивалось «оскорбительное» изречение апостола Павла «Не муж создан для жены, а жена для мужа. И жена да убьется своего мужа». Логика атеистических бесед должна была выйти на аналогию с современными «рабским» поговорками: «Люби жену, как душу, тряси ее как грушу» и «Бей бабу молотом, она будет золотом». Не зря в народных русских песнях так много поется о тяжелой женской доле «Распроклятое ты наше житье женское, Распроклятое бабье житье» - писал автор в работе о методах борьбы с религией среди женщин.

В художественном рассказе «Прошлое в настоящем» сибирский писатель Т. Ширман описывает «просветление» селянки Марии, которая стала регулярно посещать делегатские собрания. На очередном собрании рассказывали о происхождении земли и показывали картинки, после чего она самой себе будто бы сказала: «Слушала и словно завеса с глаз спала. Так вот как это было, оказывается и бог ни при чем?». За посещение собраний и смену взглядов муж постоянно бил Марию, однако, она продолжала посещать делегатские мероприятия⁴⁷⁶.

Несмотря на антирелигиозную работу с населением, официальная статистика показывала неутешительные цифры религиозной активности сибиряков. Анкетирование по вопросам религиозности среди сибирских школьников, проведенное в 1929 г., показало, что религиозность крестьянских детей достигала 90-100%⁴⁷⁷. Самая «сложная» ситуация с высокой религиозностью наблюдалась в Сибири в «старожильческих кулацких семьях», а также среди людей старшего поколения и женщин⁴⁷⁸. Если в 1924 г. в Сибири было зарегистрировано 3005 религиозных организаций, из которых 72,4% - православные, 10,2% - баптистские, 4,5% - старообрядческие и 3,9% мусульманские, то через два года количество религиозных организаций только в сельской местности насчитывалось порядка 2774. А вместо «ликвидированных» 56 групп верующих вновь подали на регистрацию 120⁴⁷⁹. Подобный религиозный подъем советские чиновники

⁴⁷⁵ Коробейников Н.А. Труженица Урала на борьбу за новую жизнь. М., 1930. С. 3-4.

⁴⁷⁶ Ширман Т. Прошлое в настоящем // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 16.

⁴⁷⁷ ПАНО. Ф. 2, оп. 1, д. 1623. Л. 201.

⁴⁷⁸ ГАНО. Ф. 217. Оп. 1, д. 177. Л. 99.

⁴⁷⁹ ГАНО Ф. 19. Оп. 1, д. 25. Л 35 об.; Ф. 20. Оп. 2, д. 134. Л. 88.

объясняли общей нестабильностью в обществе, ростом эсхатологических настроений и, возможно, слишком грубо ведшейся антирелигиозной политикой.

Частью антирелигиозной политики стала работа по конструированию и внедрению «новых советских» праздников «антирелигиозного» содержания. По существу же старые праздники календарного и семейного цикла подменялись «красными» мероприятиями: «комсомольское рождество», «комсомольская пасха», «октябрины» (вместо крестин), «красная свадьба», «красные похороны» и т.д.

Конструированием новой обрядности, написанием «красных» сценариев мероприятий, заготовкой торжественных речей, текстов «новых» песен и частушек, игр, танцев и других развлечений занимались в стране специальные творческие коллективы. Печатным информационным органом для проведения в жизнь новой обрядности и праздников на селе стал журнал «Деревенский театр» и его методическое приложение «Красная рубашка». Активную методическую работу с активом сел и деревень вел Центральный дом «Искусства в деревне» им. В.Д. Поленова. Был налажен выпуск масса разнообразных методических пособий по организации и внедрению на селе новой обрядности. «Новый быт», «комсомольский», свободный от религиозных предрассудков противопоставлялся старому религиозному быту. В 1920-е гг. религиозно-духовная сфера жизни общества все больше переходила под государственно-политический контроль, а «борьба с пережитками» была одним из основных направлений комсомольской деятельности, особенно в сельской местности.

Полевые экспедиционные материалы показывают более реальную обстановку 1920-х гг., никак не свидетельствующую о повальном увлечении образцами «нового быта». Не получив должного результата, идеологи впоследствии развернули террор против церкви, церковнослужителей, разрушали здания храмов, монастырей и пр. Именно на женщинах, рожденных в начале XX века - тех самых «церковных бабушках», которые не боялись осуждения на работе, и держались те немногие незакрытые в советский период приходы в 1950-1980-х гг. В 1920-е годы был заложен механизм своеобразного советского двойственного поведения, когда в общественных местах человек представлялся атеистом, но в то

же время внутри семьи сохранялась религиозность, отмечались церковные праздники. Этот механизм идеологического лицемерия работал вплоть до «перестройки» и распада Советского Союза.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИИ И СОВЕТСКИЕ НОВАЦИИ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОБЫЧАЯХ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В 1920 – Е ГОДЫ.

В первое десятилетие после установления советской власти в Сибири появились тенденции, которые можно охарактеризовать в демографическом поведении как «негативные». Резко усилились уже имевшие ранее место проявления дезорганизации, дезинтергации в поведении сельчан досоветского периода⁴⁸⁰. Это выразилось в увеличении числа разводов, росте числа искусственных прерываний беременности, венерических заболеваний в сибирских селах, усилении гендерной асимметрии в сторону упрочения «двойной нагрузки» женщины и пр. Все эти явления были отмечены прессой того времени и подтверждались данными статистики. Так, например, в газете «Жизнь Алтая» от 18 ноября 1917 г. некто под псевдонимом «отпускной солдат» описывает изменившуюся буквально на глазах моральную обстановку д. Лосиха (Верх-Убинское) Змеиногорского уезда Алтайской губернии. Вспоминая, что до ухода на войну его деревня славилась «благочестивым образом жизни и религиозностью ее жителей старообрядцев-поморцев», «отпускной солдат» в 1917 году нашел своих односельчан совершенно иными: «...производится в большом количестве самогонка, царит пьянство, мужья обмениваются женами, солдатки выходят замуж за холостых, отпускные солдаты, бросая жен, женятся на девушках»⁴⁸¹.

Если в дореволюционный период новые тенденции в сфере брачного и прокреативного поведения проникали в сибирские селения из крупных городов и более развитых в экономическом и культурном отношении местностей Европейской России⁴⁸², то в 1920-х гг. процесс демографической модернизации во многом стимулировался законодательской деятельностью властей и был направлен на разрушение «патриархальных устоев» (это подробно рассмотрено в 1 и 2 главах данной работы).

⁴⁸⁰Зверев В.А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения // Сибирская деревня: проблемы истории. – Новосибирск, 2004. – С. 81-82.

⁴⁸¹Отпускной солдат. Деревня Лосиха (Верх-Убинское) // Жизнь Алтая. 18 ноября 1917, № 250. Л. 3.

⁴⁸²Зверев В.А. Образ жизни сельского населения... - С. 82.

В то же время, ядро исследуемого нами периода – 1923-1929 гг. – ряд демографов считает единственными благоприятными годами бескризисного демографического развития населения страны⁴⁸³. Годы НЭПа, по мнению историка Н.Я. Гущина, были единственным «окном» в продолжительном периоде экстремального развития населения страны с 1897 до переписи 1959 гг., состоящего из цепи демографических катастроф⁴⁸⁴. Окончание гражданской войны, некоторая стабилизация политической обстановки, новая экономическая политика – все это способствовало благоприятному демографическому развитию. В этот период наблюдался небывалый рост рождаемости, увеличение числа брачных союзов, но в то же время шел подрыв традиционных демографических отношений. В некоторой мере это соответствовало общеевропейской модернизационной тенденции перехода к «современному типу воспроизводства» и установлению новых семейно-брачных отношений⁴⁸⁵. Одновременно, советское правительство внедряло идеологию «нового быта» и «нового человека», что, на наш взгляд, предполагало более ощутимую трансформацию именно женской аксиологической сферы, поведенческих моделей и повседневных практик. Модернизационные изменения в обществе поддерживались как на уровне законотворческой деятельности властей, так и в широкомасштабной пропаганде – «советской культурной революции». Последствия «модернизации сверху», так или иначе, отразились в различных сферах матримониального поведения.

В «ментальной» революции, происходившей в первые постреволюционные десятилетия в умах населения страны, важнейшую роль сыграли так называемые «революционные празднества»⁴⁸⁶. «Культурно доступные символы, которые задействуют многочисленные репрезентации»⁴⁸⁷ являются неотъемлемой частью социального конструирования, в том числе и гендерного. Значение культурных

⁴⁸³ См. например: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. – Новосибирск: «Сибирский хронограф». – 2000. – С. 71; Гущин Н.Я. Численность и размещение населения в 1914 – 1939 гг. // Население Сибири в XX веке. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 1997. – С. 23.

⁴⁸⁴ Гущин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. – Новосибирск, 1995. – С. 10.

⁴⁸⁵ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 418

⁴⁸⁶ Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917 – 1920 годов. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10. М., 2003. С. 231-254.

символов многократно возрастает во время революционных перемен, когда идет процесс творения нового «символического универсума», который, в свою очередь, помогает адаптации членов общества к новой эпохе⁴⁸⁸.

3.1. Конструирование новой «красной обрядности» в рамках политики строительства «нового быта»

Как любая, еще не уверенная в собственных силах власть, Советы начали создавать конструкторы новых советских традиций, праздников, новую мифологию, легитимизирующую и объясняющую сущность политики этой власти. Новые общественные отношения предполагали появление новых праздников, обрядов, церемониалов, в целом создание «нового образа жизни». Преобразования, прежде всего, коснулись праздников семейно-брачного цикла, без которых крестьянство не мыслило свою жизнь: крестины, свадьбы, похороны. Таким образом, борьба с «традицией» шла во всех ее проявлениях, стала одной из первостепенных задач советского аппарата. Некоторые идеологи признавали, что невозможно сразу отказаться от обрядов, поскольку «у большинства людей очень глубока вполне законная потребность уярчать и украшать жизнь, особенно значительные ее моменты, величественными и торжественными обрядами»⁴⁸⁹.

Поскольку как календарная, так и семейная обрядность в традиционной русской культуре имели в своей основе религиозную составляющую, борьба с ними приобрела черты и борьбы с народной религиозностью. Антирелигиозная пропаганда, борьба за «новый быт» против «пережитков и суеверий, сопровождавших всю старую семейную обрядность» проходила в русле советской культурной революции⁴⁹⁰. Л. Троцкий в работе «О задачах деревенской молодежи и о новом быте» четко определил, что «прежде всего работа в вопросах быта

⁴⁸⁷ Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа. // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Харьков, Спб., 2001. Ч. 2. С. 422.

⁴⁸⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 160.

⁴⁸⁹ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М., 1926. С. 19.

⁴⁹⁰ Гульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985.

развернулась в борьбе со старой церковной обрядностью <...> пытаться перестроить человеческие мозги, мысль»⁴⁹¹.

Высмеивалось, принижалось, а по сути, преследовалось все, что хоть как-то соединялось «мостиком» с «темным прошлым»: как наполненные религиозным содержанием, так и не связанные с христианским вероучением народные традиции. Борьба со старым укладом жизни, отношениями патриархально-религиозной зависимости шли в русле антирелигиозного движения 1920-х годов, которое одновременно мыслилось и как классовая борьба. В Сибири, как и повсюду в стране, весь арсенал новой обрядности был рассчитан на вовлечение молодежи, в силу своих возрастных особенностей более восприимчивой к протестным новшествам⁴⁹². Видный специалист в области новой советской обрядности Л.А. Тульцева также отмечала, что «традицию уличных карнавалов, насыщенных политической сатирой, злободневным содержанием, осмеивающих «буржуинов», нэпманов, спекулянтов, клерикалов, всех саботажников, прежде всего, горячо поддерживала молодежь»⁴⁹³.

Культурные активисты первого десятилетия советского периода не отличались размахом креатива, поэтому старые праздники они наполняли «новым» содержанием – так появились комсомольские «пасха», «троица», «рождество», «октябрины» вместо крестин и т.д. Один из идеологов-популистов советского антирелигиозного движения И.И. Скворцов-Степанов писал: «Газетные сообщения оставили такое впечатление, как будто «комсомольские святки» 1922 г. и «комсомольская пасха» 1923 г. прошли с наибольшим подъемом и вовлекли наибольшие массы в областях, которые в свое время видали правительства Деникина, Петлюры, Скоропадского, Врангеля и многих других палатинов буржуазии и помещиков...». По мнению автора, население областей, где противостояние в гражданкой войне было наиболее ожесточенным, лучше восприняли антирелигиозную пропаганду и «новую обрядность» в целом⁴⁹⁴. В

⁴⁹¹ Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. С. 10.

⁴⁹² Васеха М.В. "Меня милой разлюбил": становление новых отношений в среде молодежи (по материалам Сибири 1920-х гг.) // "Женщины и мужчины в контексте исторических перемен", Тверь, 2012. С. 160-164.

⁴⁹³ Тульцева Л. Комсомольские, антирелигиозные // Наука и религия. 1978, № 10. С. 44-46.

⁴⁹⁴ Скворцов-Степанов И.И. Основные течения в антирелигиозной пропаганде. М.: Безбожник, 1925.

проведении первых обрядов «советского цикла» принимали активное участие далеко не последние политические фигуры: среди первых «красных восприемников» на «октябринах» стал М.И. Калинин, а на украинских «звездинах» герой гражданской войны Г.И. Котовский.

В популярном для 1920-х гг. жанре «дискуссии» обсуждалась необходимость обрядов «нового содержания», по форме схожая с церковными обрядами перехода человека из одного состояния в другое, из «профанного» в «посвященное». Так, например, на страницах газеты «Правда» было опубликовано мнение коммуниста П. Егорова, который в отношении октябрин замечал, что «разница только во внешности, а существо остается то же...»⁴⁹⁵. Автор этого мнения считал, что «по-честному» коммунисты должны отказаться от какой-либо театральности.

Сами советские идеологи рассматривали «красную» обрядность как временную вынужденную меру. Сохранение обрядов, но вложение в них нового коммунистического содержания, было сделано потому что «потребность в обряде у человека огромна»⁴⁹⁶. В подтверждение этого тезиса автор трактата «Об обрядах старых и новых» В.В. Вересаев приводил случай, произошедший в московской семье коммунистов. Ячейка отказалась провести обряд октябрин для новорожденного ребенка этой семьи, поскольку «октябрины устраиваются для беспартийных, для пропаганды». После этого вполне «сознательная» женщина-коммунистка заявила: или октябрите, или тетка, которая смотрит за ребенком, отвезет его в деревню и покрестит: «Что же это? Ни крещеный, ни октябреньный. Так какой-то – неприпечатанный!». Вересаев объяснял этот случай тем, что «здесь в самом наглядном виде обнаружилась великая потребность человека «припечатывать» обрядом самые торжественные моменты своей жизни. Тот или иной обряд – все равно. Но дайте обряд!»⁴⁹⁷.

В.В. Вересаев не поддерживал тезис о том, что «обряды создаются постепенно, вырастают из глубины народной жизни». Он ратовал за проведение

⁴⁹⁵ Правда. № 11 от 13 января. С. 6.

⁴⁹⁶ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М., 1926. С. 25.

⁴⁹⁷ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М., 1926. С. 25-26.

специальной работы советскими креативщиками, в которых видел «новых Пушкиных, Скрябиных, Станиславских, загорающихся желанием создать новые, грандиозные обряды»⁴⁹⁸. Лев Троцкий называл «левым крылом» всех тех, кто выступал за идею отказа от любой обрядности, и выступал за ее сохранение, но уже как «установленный торжественный порядок»⁴⁹⁹ с новым содержанием.

Именно для этой цели при ЦК РЛКСМ и редакции «Крестьянской газеты» были созданы специализированные журналы «Деревенский театр» и «Красная рубашка». Они же должны были оказывать помощь советским идеологическим работникам на селе для борьбы со старыми семейными и календарными традициями и обрядами. Советские издательства (например, «Молодая Гвардия») массово выпускали специализированные методические пособия и рекомендации, более глубоко объяснявшие суть изменений традиционных праздников и обрядности, детализирующие материал и предлагающие готовые механизмы внедрения. В Москве был открыт «Дом Крестьянского Искусства им. Поленова», отвечавший запросу партии о «смычке рабочего класса с крестьянством по линии искусства» и ведении усиленной работы по всем видам крестьянского искусства, «помогающего Партии и Соввласти проводить свое влияние на широкие крестьянские массы, агитировать просвещать и звать к новой советской жизни...»⁵⁰⁰. Этот крестьянский агитцентр выпускал соответствующие методические брошюры, инструктажи и рекомендации. Некоторые из них: «Красная свадьба в деревне»⁵⁰¹ (методическое пособие по проведению новой советской свадьбы), «Устройство театра в деревне»⁵⁰² (указания по вопросам театральной техники), «Крестьянский чтец-декламатор»⁵⁰³ (стихи крестьянских поэтов), «Комсомольский театр в деревне» (серия сборников рекомендованных к постановке пьес), «Живые доклады»⁵⁰⁴ (сценические постановки полит-просветительской информации) и др.

⁴⁹⁸ Там же. С. 27-28.

⁴⁹⁹ Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. С. 12.

⁵⁰⁰ Попов Д. Дом Крестьянского Искусства им. Поленова // Деревенский театр. 1925. С. 26.

⁵⁰¹ Марков В.Д. Красная свадьба в деревне. М.: «Долой неграмотность», 1927.

⁵⁰² Толбузин Д. Устройство театра в деревне. М., 1925.

⁵⁰³ Рабинович И.С. Крестьянский чтец-декламатор. М.-Л.: Библиотека деревенской молодежи. 1925.

⁵⁰⁴ Марков В.Д. Живые доклады. М.: «Долой неграмотность», 1927.

Ежемесячный журнал «Деревенский театр» был адресован, прежде всего, руководителям сельских художественных кружков, избачам⁵⁰⁵ и школьным учителям в помощь для их культурной работы с населением. «Красная рубаша» - ежемесячное издание, выпускавшееся как «Библиотека журнала "Деревенский театр"». Журнал «Красная рубаша» определял свою целевую аудиторию как «затейнические и живогоазетные группы» на селе, и в целом представлял более молодежное и экспериментальное издание по сравнению с «Деревенским театром». Общий стиль «Красной рубахи» - псевдоарморочный язык Петрушки, тексты «в народном стиле» выполнены на удивление не талантливо и стилистически грубо для ранней советской пропаганды.

«Деревенский театр» большую часть материалов посвящал организации советской культурной работы на селе, чтобы «помочь исключить большие промахи, отражающиеся на всей культработе, проводимой в деревне». Больше внимания уделялось письмам читателей, которые представляют собой отдельный интерес для исследователя. В обоих журналах аккумулировались методические материалы для продвижения новых советских идей на селе, облеченные исключительно в художественные формы: готовые сценарии для театральных постановок, песни «о новом» в «старом формате», частушки, юмористические куплеты, фельетоны для коллективного чтения и т.д.

Таким образом, средства массовой информации сообщали об острой борьбе в деревне за «новый быт», что свидетельствовало о том, что население воспринимало нововведения без энтузиазма. О новых «красных» обрядах писали в духе революционного романтизма. Советские идеологи старались освободить от религиозного содержания праздники семейного цикла, наполнить старые формы новым социалистическим содержанием.

Важным моментом внедрения нового быта на селе было проведение гражданских или «красных»/ «комсомольских» крестин, свадеб, похорон и т.д. Церковные таинства крещения заменялись торжественной регистрацией новорожденного, венчание в церкви – гражданской свадьбой, отпевание –

⁵⁰⁵ Руководители сельских изб-читален

«красными» похоронами, традиционные молодежные посиделки – «красными избушками». Новая советская обрядность постепенно должна была стать частью нового быта, элементы которого разрабатывались в многотиражных массовых методических пособиях, рассчитанных как на агентов советских преобразований, так и на обывателей.

3.2. Выбор брачного партнера и массовые встречи молодежи:

«вечорки» vs «красные избушки»

Полевые этнографические материалы дают возможность сравнивать направленность векторов официальной политики и действенность ее реализации в отдаленных от центров советской страны сельских местностях юга Западной Сибири. Данные глубинных интервью, воспоминания очевидцев раскрывают картину жизни сельской молодежи и роли женщины, начиная от момента ее взросления, предбрачного периода, и заканчивая браком и созданием семьи. Согласно полевым этнографическим материалам, общим мнением о путях будущего устройства жизни были все еще традиционные представления о предначертанной судьбе: «Судьба человека – не обойдешь, не объедешь!»⁵⁰⁶. Эти представления, конечно, шли вразрез с партийными установками на приоритет целенаправленной преобразовательной деятельности, которая объявляла человека – «творцом своего счастья».

К предбрачным обычаям относился выбор невест и формы отлучения девушки от отеческой семьи, которые в плане трансформаций, на наш взгляд, были показательны, так как в значительной степени вынесли на себе груз революционных преобразований. Часть молодежи с энтузиазмом восприняла идеи свободы выбора брачного партнера. Без согласия родителей стали заключаться браки, которые в предшествовавшее время не имели бы перспективы.

⁵⁰⁶ Бояринцева (Заволюева) Мария Васильевна, родилась в с. Рогозиха Павловского района Алтайского края. По материнской линии – курские, по отцовской – тамбовские переселенцы.

«Венчались в церкви, без венца жить грешно», - говорили пожилые женщины, вышедшие замуж в 1920 г.⁵⁰⁷ Однако, по мнению некоторых информантов, были и более веские основания обряда венчания, чем дань традиции: «Если в семье шесть колен невенчанных, то у седьмой пары родится сатана»⁵⁰⁸. Старообрядцы рассматривали время, когда девки будут «самокрутками» (жить в браке без венца), как знаки последних времен перед Концом Света.

Полевой материал дает несколько примеров – критериев, которыми руководствовались при выборе невесты. Практически, все без исключения информанты, заключавшие брак в это время, считали, что основополагающим для сватанья была репутация девушки и ее семьи, что никак не вяжется с описаниями разнузданного поведения молодежи в советской прессе. У коренных сибиряков, в их числе называвших себя чалдонами, выбор невесты осуществлялся родителями, другими приглашенными по такому случаю родственниками, которые, при желании, могли привлекать девушку или жениха к участию в решении собственной судьбы. Люди ориентировались «по слухам», расспрашивая не только про возможную избранницу, но и о ее родителях, дедах и пр.

«Невест выбирали по родителям. Выбирали и в своей, и в соседних деревнях. Через людей слышали о невесте – запрягают коней и едут засватывать», - рассказывала Елена Петровна Таловская, 1913 г.р., из Искитимского района Новосибирской области⁵⁰⁹. «Нахвалят парню девушку. Отец, мать, сын едут сватать. Невесту выбирали по уму, не балованную»⁵¹⁰. «Женихи смотрели невест по красоте. Нахвалят, поглянется – сватают. И по породе брали, «на славе». Редко богатый с бедным роднился»⁵¹¹.

Как отмечалось, важна была репутация («народная молва») не только родителей, но и братьев, сестер и даже более отдаленных родственников. В д.

⁵⁰⁷ Шмакова Р.Л., 1902 г.р., родилась в Новошмаково Черепановского района Новосибирской области. Кержаки австрийского согласия. Проживала в дер. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области.

⁵⁰⁸ Толмачева (дев.) Татьяна Ивановна, 1910 г.р., с. Шубинка Шубинской волости Бийского округа. Деда переселились в 1880-х гг. из Рязанской губернии.

⁵⁰⁹ Таловская Елена Петровна, 1913 г.р., с. Старый Искитим Искитимского района Новосибирской области. Старожилы. Считала, что прадеды были сосланы «из Польши».

⁵¹⁰ Архипова Таисья Степановна, 1911 г.р., дер. Новососедово (Старый Искитим) Искитимского района Новосибирской области. Чалдоны. Картотека.

Ельцовка Алтайского края записан рассказ о семи сестрах одной семьи, одна из которых запятнала свою честь внебрачной связью. Когда сваты из соседних деревень приезжали с сыновьями сюда сватать девушек, то им сообщали об этой семье и они сразу «разворачивали сани в сторону». Согласно полевым материалам, значение семейной чести еще в 1925 г. было столь высоко, что остальным шести сестрам этой семьи грозило оставаться до конца своих дней «в старых девах». Однако с пропагандой «свободного» образа жизни вне «бабкиных предрассудков», свободы выбора брачных партнеров, ослаблением родительского авторитета к началу 1930-х гг. стало некому регулировать эти вопросы. Часть молодежи освободилась от «условностей», стали жить сообразно новому времени и, таким образом, все семь сестер благополучно вышли замуж⁵¹².

Родно подбирали с учетом домовитости, хозяйственности, экономического состояния («по домам, полям, хозяйству»). «По ровне сватали и выбирали по природе. По природе-то, значит, родители – хорошие штоб люди, умные, хозяйственны и штоб приплод пошёл такой. Хозяйственность ценилась очень даже. Вот ещё щас поговорка-то от родителей, а много от родителей: «Не хозяйственна, ах, да они не хозяйственны, нехозяйственно делают». Это была плохая характеристика, да», - вспоминала о годах своей юности Ф.П. Лямзина⁵¹³.

Ломка заведенных традиций трудно происходила в случаях неравного статуса и имущественного положения. Это наблюдалось в тех случаях, когда брак по любви старались заключить девушка из богатой старожильческой среды и бедный переселенец, работавший батраком. О подобных историях не раз удавалось слышать в ходе экспедиционных выездов, особенно, среди украинских переселенцев юга Западной Сибири. В д. Петропавловка Спасской волости Каинского уезда⁵¹⁴ до сих пор живы воспоминания о насильственной выдаче замуж девушки в 1920 г. «Парень жил в работниках и дружил с девушкой, которая напротив жила. Крепко дружил. И все ее сватал, а ее не допускали и не допускали.

⁵¹¹ Шмакова Р.Л., 1902 г.р., см. выше.

⁵¹² Архив ИАЭТ СО РАН, Д. 12, л. 15.

⁵¹³ Лямзина (дев. Здобникова) Федосья Прокопьевна, 1908 г.р., родилась в Камышенке Петропавловского района Алтайского края. Родителей привезли в трехнедельном возрасте. Мама – воронежская, российская. Папа – изс. Быстрый Исток, сибиряк, не чалдон. Проживала в с. Солонешное Алтайского края.

Отец был и сестра неродная – не допускали до яво. Ну, он и приехал, ему дал лошадь дядя, у кого он жил в работниках. И она пообматывала свои лучшие тряпки кругом себя. И сели и поехали. А эти твари догнали далеко их, отец и неродная сестра, и ее за волосы вытащили из короба. А тада она вышла замуж туда же в Егорьевку только за другого, и он взял другую и жили нелюбя. И вот косили хлеб на конях (здесь: видимо уже в колхозах – прим. автора). Сядет отдыхать и она подойдет к нему, или он к ей. И говорил: «Вера, Вера, погубила ты мою жизнь на веки вешные». А она: «А ты Иван мою погубил». И она жила нелюбя и ён»⁵¹⁵.

В случаях, когда девушка из переселенческой семьи выходила замуж в семью сибиряков, ей приходилось не только приспосабливаться к новому семейно-бытовому укладу, но и, нередко, подвергаться дискриминации. В деревне Ольгино Спасского района Барабинского округа Сибкрая⁵¹⁶ Ульяне Ивановне Пышкиной, 1910 г.р., проживавшей в большой бедной семье с отрочества пришлось работать у разных хозяев. Она вышла замуж за сибиряка в 1926-1927 гг. «из батрачек», где в новой семье из двенадцати человек ее звали «хахлушка». В знак протеста, как поясняла Ульяна Ивановна, «сгоряча» она разорвала все свое приданое – вышитые полотенца.

По данным интервью вырисовываются и другие причины нежелания родниться с представителями иных этнокультурных групп, а именно, культурные различия. В с. Чемское Тогучинского района Новосибирской области нами записан рассказ о незадачливом «женихе» - российском переселенце, который пришел свататься в семью к чалдонам. Родители девушки пригласили его попить чаю с сахаром, вареньем, конфетами. Ничего не подозревающий молодец пил и ел ни в чем себе не отказывая. Он был не в курсе, что попить у чалдонов чай следовало бы из соображений приличия так: взять сахар, выпить чашечку и положить сахар обратно. На семейном совете родители высказали свое мнение: «Нам такого зятя не прокормить». Поэтому он был очень удивлен, что приняв его столь радушно, эти люди отказали ему в руке дочери.

⁵¹⁴ Сейчас это Венгеровский район Новосибирской области.

⁵¹⁵ Щербакова Анна Ивановна, д. Петропавловка Венгеровского р-на НСО.

⁵¹⁶ Ранее Каинский уезд, сейчас Венгеровский район НСО, где проживали старожилы и переселенцы.

На протяжении 1920-х гг. вплоть до 1930-х гг. сибиряки-старожилы и российские переселенцы стремились заключать браки внутри своей этнокультурной группы, даже если для этой цели надо было ездить в достаточно отдаленные населенные пункты. Истории подобного рода были преобладающими в полевой практике. Например, Т.И. Толмачева⁵¹⁷ из Рязанской губернии вышла замуж в 1927 г. за рязанского же переселенца. О.С. Попилина⁵¹⁸ из Рязанской губернии вышла замуж в 1921 – 1922 гг. за самарского переселенца. Д.А. Сапегина, родители которой прибыли из Мещерского уезда Калужской губернии, приняла предложение рязанского парня. Родители Т.А. Ковалевой⁵¹⁹ поженились будучи один из Волынской губернии, другая из Черниговской и т.д. Судя по отзывам очевидцев, такие браки считались равными.

В то же время в семьях старообрядцев поморского согласия («безбрачники») в 1920-х гг. вообще придерживались дедовских традиций в той степени, как если бы в окружающем мире не происходило никаких событий. Старообрядцы выбирали невесту строго своего согласия и одну на всю жизнь. Ведь дважды женатый или дважды выходившая замуж (даже в случае вдовства) лишались права читать Евангелие во время служб, быть наставниками, принимать на исповедь. Выходец из Курской губернии Т.И. Плющов рассказывал: «Кержаки не брали курских, сторонились. Это вот сейчас стало другое дело, раньше не было так. Кержаки брали только своих. Там где-то другую деревню найдут, кержачкую и там брали невест, там кержачку берут. Значит, такая история. Когда стали приезжать россияне оттуда, кержаки все потеснялись»⁵²⁰.

Однако и в среде старообрядчества тоже намечались послабления. Будущий наставник новосибирской старообрядческой общины Родион Иванович Опарин так описывал в «Дневнике» свою женитьбу в 1922 г. в отдаленной от центров д.

⁵¹⁷ Толмачева Татьяна Ивановна, 1900 г.р., родилась в дер. Шубинка Алтайского края. Деды приехали в Сибирь в 1880-х гг.

⁵¹⁸ Попилина Ольга Семеновна, 1903 г.р., родилась в Данковском уезде Рязанской губернии. В Сибирь привезли в пятилетнем возрасте. Проживала в дер. НовошмаковоЧерепановского района Новосибирской области.

⁵¹⁹ Ковалева Татьяна Андреевна, 1924 г.р., дер. ПрямскоеЧерепановского района Новосибирской области. Деды по отцу приехали из Волынской губернии, по матери – из Черниговской губернии.

⁵²⁰ Плющов Тимофей Иванович, 1917 г.р., родился в д. Загайново Тальменского района Алтайского края. Потомок курских переселенцев.

Георгиевке Кемеровской области (на р. Терсь)⁵²¹. Желание жениться созрело у юноши само по себе, с современной точки зрения без каких-либо видимых причин: «В 1922 г. в феврале месяце я спросил разрешения у папы (когда мы возвращались с рыбалки на лыжах ночью домой) жениться, он мне ответил - посоветуем». По старой русской традиции сын высказывал только желание жениться, найти на ком жениться было уже задачей родителей. Невестой оказалась красивая девушка Валентина Ивановна Немчинова, которую подыскивали за 70 км от с. Георгиевки в с. Митино (около г. Кузнецка). Однако выбор родителей был неслучаен и учитывал интересы сына: с семьей Немчиновых Опарины познакомились в 1905-1910-х гг. «Немчиновы жили на заимке по р. Терсь, за ней в десяти километрах была пасека Опариных. Вместе рыбачили, охотились. Гостили у них. Они были очень гостеприимные. В детстве, лет с пяти, с Валею вместе играли на реке, звали женихом и невестой. Ближе познакомились в 1922 г., когда обоим стало по семнадцать лет»⁵²². Ввиду того, что невеста была из семьи «никониан», т.е. сторонников Русской православной церкви, обычай требовал ее перекрещивания. Для этих целей девушку привезли в дом жениха заранее. «Привезли невесту к нам в дом. Невеста стала готовиться к крещению. Марья Ивановна (сватья) помогала во всем. С моей стороны моя мама молилась, бабушка и другие. За две недели епитимью выполнили с невестой: сорок тысяч поклонов положили. Крестили на реке Томи в проруби, лед был шестьдесят сантиметров, мороз 33 градуса. Глубина воды примерно один метр двадцать сантиметров. Когда крестилась, по ее словам, даже холода не почувствовала. В феврале справили свадьбу. Гуляли неделю все село». Интерес представляет тот факт, что крестили девушку во льдах, не дожидаясь лета, т.е. не видели в этой ситуации особых препятствий. Но никому в голову не приходило начать совместную жизнь без согласия родителей, без обращения невесты в веру родственников будущего мужа. Надо сказать, что случаи, подобные изложенному в Дневниках и Воспоминаниях Р.И. Опарина,

⁵²¹ Фурсова Е.Ф. История жизни духовного наставника Р.И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев. М.: Наука, 2002. С. 100.

⁵²² Там же, с. 100.

встречались не единожды во время полевой работы в Новосибирской области и на юге Западной Сибири.

По традиции старшее поколение строго следило за исключением близкородственных браков. «Даже закону не было за сводного брата. Он считался как родной, да. Нет, и на двоюродных не женились. Даже там далёка, може далёка родня и то если женится, дак знаешь, сколь разговоров. Да, это было позорно», - убежденно говорила жительница с. Солонешное Алтайского края Ф.П. Лямзина. На вопрос, до какого поколения считались родственникам, она отвечала так: «А это я не знаю, только говорили, что там третье поколение или четвёрто, пято поколение, што нельзя. Соблюдали, всё был порядок»⁵²³.

Иная ситуация наблюдалась в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда в Сибирь гнали эшелонами репрессированных крестьян из Европейской России. Рассказы очевидцев тех событий, как правило, сбивчивы, так как передаются очевидцами, по воспоминаниям их детства или со слов старших родственников. В Маслянинском районе Новосибирской области пригнали пешком группу орловских крестьянок с малыми детьми («матери на плечах несли»). Репрессированных поселили отдельно и власти (здесь, видимо, охранники) не подпускали к ним сибирскую молодежь из соседних деревень. «Девки-то подросли, им замуж надо», - вспоминала жительница д. Кирза Ордынского района Новосибирской области. «Сибирякам говорили, смотрите, бродяжкам не открывайте. Нас бродяжками называли». По прошествии некоторого времени, конечно, связи наладились и девушек из «лишенцев» выдали замуж за местных. «Все вместе приданое им собирали»⁵²⁴.

Повальным репрессиям подверглись старообрядческие семьи. Про это время пожилые женщины рассказывали нам как о периоде, когда «все нарушили». Из-за того, что целыми семьями людей ссылали к р. Нарым Томской области, браки не регистрировали и, нередко, сирот некому было благословить. «Был наставник Черепанов Егор Прокопьевич. В 1930 г. всех ссылали в Нарым Колпашевского

⁵²³ Лямзина (дев. Здобникова) Федосья Прокопьевна, см. выше.

⁵²⁴ Мордакина (Муравьева) Александра Федотовна, 1917 г.р., родилась в Орловской губернии. Проживает в деревне Кирза Ордынского района Новосибирской области. Репрессированные. ПМА, № 23, л. 4 об.-5.

района... Там родители и наставник померли», - вспоминала Прасковья Северьяновна Огнёва⁵²⁵.

Для проведения в жизнь идеологических установок советского государства, уже в первые годы после революции начали внедрять новые формы досуга молодежи и организовывать новые места знакомств. В деревнях открывали избы-читальни, клубы, куда приглашали молодежь. Зачастую традиционные посиделки и вечерки с гармошкой сосуществовали с новыми формами организации социалистического досуга, который пропагандировался как наиболее «правильный» и «продвинутый»⁵²⁶. Однако крестьянская молодежь предпочитала традиционно знакомиться на вечерках, игрищах, где появлялись взаимные симпатии, которые могли привести к браку.

С точки зрения советских идеологов, старые «игрища» (сиб.), «вечорки» (рос.), словом, традиционные зимние сборища молодежи для совместного гуляния, часто сопровождались пьянством, хулиганством и драками, вольным обращением с девушками. «Прежде это носило невинный характер и ни одна девушка не было опозорена, - писали на страницах журнала «Деревенский театр», - это соблюдалось и поддерживалось всем бытовым укладом деревни. Теперь же все, кто описывает «избушки» отмечают, что хулиганство, распущенность, драки в «избушке» растут год от года»⁵²⁷.

Описание «старых вечорок», которые советские культработники наблюдали в 1920-х годах, создает мнение о молодых селянках, чьи жизненные ожидания сводились к «поджиданию миленка»: «Трудовые собрания девушек зимними вечерами, чтобы больше напярсть, сегодня превратились, по сути, в собрания молодежи вообще. Теперь там не только пересуды и гадания о женихах, но и место свиданий, а потому девушки стали нанимать особые «избы», «квартиры», где бы можно было гулять, где бы можно было нагулять жениха, мужа.<...> крестьянская

⁵²⁵ Огнёва Прасковья Северьяновна, 1918 г.р., село Солонешное Алтайского края. Родители и деды местные «коренные сибиряки».

⁵²⁶ Власова И.В. Русские: Сельская семья // Семейный быт народов СССР. – М. – 1990; Паршенков В.Г. Деятельность партийной организации Сибири по формированию социалистического быта крестьянства в доколхозной деревне // Большевики и сибирская деревня в период построения социализма (1917-1937). – Красноярск, 1982. – С. 37-51.

⁵²⁷ Вечеринка, избушка, квартера // Деревенский театр. 1925. №1. С. 7.

женщина всю жизнь прожила в унижении. Девушки и посейчас крадут хворост, на последние гроши нанимают «квартиры», моют полы, убирают, «прибираются» в лучшие наряды и ждут. Сидят и ждут с замиранием сердца – идут или нет парни. Сидят и ждут»⁵²⁸. Особенно отмечалось, что организовывали и оплачивали «избушку» только девушки, несмотря на то, что парни принимали в веселье самое непосредственное участие и даже «чувствовали себя хозяевами в большей мере, чем девушки»⁵²⁹. Согласно полевым этнографическим материалам, в сибирской деревне различались посиделки, которые, действительно, организовывали девушки для совместных трудовых занятий прядением, и игрища, куда их приглашали парни для свободного времяпрепровождения. Что же касается стремлений девушек «встретить миленька» и выйти замуж, то в этом односельчане не видели ничего предосудительного, так как для сельского общества в 1920-х гг. это соответствовало естественному назначению женщины.

В представлении советской пропаганды 1920-х годов на деревенских посиделках имели место фривольные действия в отношении девушек: «парни садятся к ним на колени», «начинаются озорные шутки, хулиганства», «девушка сгрубит – будет избита», «девушка не имеет права отказать спать, иначе отвадишь ребят, и не будут ходить». Автор статьи восклицает: «Надо терпеть. А для чего? Для того чтобы заполучить мужа, который будет понукать тобой всю жизнь? Или для того, чтобы кто-нибудь «поймал тебя на мушку, просто потешился, посмеялся над тобой?» Вообще борьбу с молодежными «посиделками» советские идеологи представляли, в первую очередь, как борьбу с возрастающей распущенностью молодежи деревни. Из сибирских отчетов «с мест» можно привести пример ситуации в деревне Чистюнька Алтайского края, где запретили устраивать вечерки без разрешения Волисполкома и поручительства КСМ, поскольку «вечерки обычно заканчиваются пьянством и драками молодежи»⁵³⁰. Справедливости ради можно отметить, что «распущенность» была во многом спровоцирована раннесоветскими дискуссиями о «половой свободе» и, отчасти, новым семейным

⁵²⁸ Вечеринка, избушка, квартира // Деревенский театр. 1925. №1. С. 7-8.

⁵²⁹ Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С.4- 5.

⁵³⁰ ГАНО, фонд 1, оп. 1, д. 1185, л. 113 об.

законодательством, способствовавшим разрушению традиционных семейных ценностей.

Нередки сообщения селькоров о неприемлемом поведении на посиделках: «С ними ребята пьяные (*с девушками, - прим. автора*), хулиганят, ругаются скверными словами, а девушки сидят и слушают скверные слова, которые еще не допускалось бы слушать малолетним девочкам, и кто имеет с кем знакомство, остается ночевать, и спят, как с женами, парами»⁵³¹. Таким образом, предполагалось, что сельские комсомольцы должны были начинать бороться с «половой распущенностью» беспартийной молодежи, защищая, прежде всего, интересы женской половины. В этой связи вспоминается рассказ алтайского информанта Степана Корнеевича Присекина 1900 года рождения, который убежденно говорил, что ребят, которые сквернословили, девушки избегали, не брали в свои компании, вообще сторонились⁵³².

Журналист «Деревенского театра», автор статьи о новом молодежном досуге на селе писал о посиделках, что «вследствие такого развлечения, такой жизни в молодости из девушки складывается тупая, недалекая женщина, плохая мать и даже хозяйка», «так унижая девушку, ломая ее жизнь, они (*парни – прим. автора*) разрушают и свои жизни, и всю деревенскую жизнь и хозяйство».

Популярность молодежных игрищ и посиделок в сельской местности и неоднозначное отношение к ним среди деревенских комсомольских активистов подчеркивались разработчиками советской культурной революции. Автор методички о новом содержании молодежных гуляний В.А. Мурин описывал ситуацию, которую наблюдал лично в избушке села Глазово Московской губернии. «В самый разгар гулянья из комсомольского клуба пришли комсомольцы. Они сели на передние лавочки и начали шумно беседовать по какому-то политическому вопросу». На приглашение принять участие в веселье комсомольцы презрительно отказывались. На вопрос: «Зачем вы, ребята, сюда пришли?», комсомольцы отвечали: «... в клубе скучно, ну вот и потянуло нас сюда». А на вопрос «Почему не

⁵³¹ Френкель М.Г. Половая жизнь крестьянской молодежи. М.-Л., 1927. С. 5-6.

⁵³² Присекин Степан Корнеевич, 1900 г.р., с. Крутиха Каменского района Алтайского края. Потомок курских переселенцев.

танцуете?», все как один ответили, что «комсомольцам не положено». Только один комсомолец проговорился: «И рад бы погулять в избушке, да в ячейке будут ругать. <...> Из-за этого и все девчата из ячейки ушли. Сначала записались, а как узнали, что гулять в избушке нельзя, так и выписались»⁵³³. Автор очень негативно оценивал действия комсомольцев, поскольку те «не пытались к себе приблизить беспартийную молодежь». Им была подмечена ситуация, видимо, достаточно типичная для того времени: «Молодежь делится на два или несколько враждебных лагерей. Вместо того, чтобы всем вместе разумно устроить общее веселье, одна враждующая сторона преследует другую. Иногда это длится целыми годами». Впоследствии это деление обозначилось еще сильнее в процессе реализации политики раскулачивания и раскрестьянивания.

Советские идеологи считали, что «теперь на старой вечеринке скучно, она изжила себя». По их мнению, традиционная «вечеринка, как она шла исстари, тянет молодую деревню назад к угару, к бездумью, к покорной жизни». Таким образом, одним из направлений комсомольской работы на селе объявлялось «внесение на вечерки нового и свежего содержания». «Создай новую красную вечеринку!» - писали в средствах массовой информации того времени. «Пока комсомол вечеринками не завладел», - констатирует факт редакция журнала «Деревенский театр», с сожалением замечая, что «кое-где комсомольские ребята поддаются старой безбашенной, пьяной угарной гульбе». Авторы советуют найти темы, интересующие молодежь, чтобы перетянуть ее внимание в избы-читальни. Редакция журнала «Деревенский театр» предлагала деревенским активистам выход – «один вечер в неделю отдай на работу в «избушке», но иди туда с книгой, с газетой, с новой игрой, с новой политической и научной новостью»⁵³⁴. Таким образом, культработникам ставилась задача использовать места массовых гуляний молодежи для политической пропаганды, т.е. не для сохранения прежней функции – знакомства и приглядывания будущей жены или мужа.

⁵³³ Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С. 10.

⁵³⁴ Вечеринка, избушка, квартера // Деревенский театр. 1925. №1. С. 7-8.

Понимая значимость этого вида досуга для сельской молодежи, идеологи новой обрядности писали о необходимости «мягкого» реформирования этой традиции. В методичке «Красные избушки и посиделки» В.А. Мурин делал упор на то, что «развлечения нисколько не противоречат программе комсомола. Даже больше: комсомолец и в этом деле должен быть организатором»⁵³⁵. Далее разъяснялось, что задачей комсомольца в избушке является организация «полезных развлечений, вместо старых, вредных». Под «вредными» развлечениями понималось: игры с поцелуями, типа любимой в сибирской деревне «Сосед соседку любит?», замысловатые «барские» танцы, бесцеремонность поведения парней с девушками, общие ночлежки и вследствие этого половая распущенность молодежи. Особенно возмущали советских активистов новые танцы и игры, «занесенные из города». В качестве таковых В.А. Мурин упоминал танцы танго и кек-уок, игры «почта амура», «флирт цветов», которые были «переняты у городской буржуазии»⁵³⁶. Следует заметить, что в изучаемое время в сибирской деревне не были приняты подобные формы развлечений, а родители еще обладали правом не разрешать взрослым детям посещать подобные места, если они сомневались в их благопристойности.

В руководстве для комсомольцев Мурин рекомендовал отказаться от командного тона и «не чваниться своим комсомольским билетом». По его мнению, действовать следовало убеждением и личным примером: «Участвуя наравне с беспартийными в общем веселье, нужно постепенно вводить в избушку новое содержание, новые игры, но опять же с согласия всех участников»⁵³⁷. Автор считал, что добиться доверия со стороны беспартийной молодежи, особенно девушек, комсомольцу не сложно: «Достаточно быть трезвым, не хулиганить, не обижать девушек, не лапать их <...> относиться к ним, как к своим равноправным товарищам». Особенно обращалось внимание, что не следует принимать участия в деревенских драках. Более того, Мурин предполагал, что подобное поведение

⁵³⁵ Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С.11.

⁵³⁶ Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л., 1927. С. 8-9.

⁵³⁷ Там же. С. 13

привлечет на сторону комсомольцев девушек – «верных союзников в деле строительства новой избушки».

Соответственно, на «новой избушке» должны были практиковаться исключительно «разумные» развлечения: новые игры, где вместо поцелуев предполагалось «простое товарищеское пожатие руки», музыкальные сценки (например, на мотив «Яблочка» песня о комсомольцах «про Марусю и Сережу»), читаться стихи и рассказы (рекомендовались рассказы с революционным или антирелигиозным содержанием типа «Неудачная присуха», «Упрямый отец», стих «Бурлак»). Более того, средства массовой информации призывали объяснять, что поцелуи в губы опасны как рассадник болезней⁵³⁸. Таким образом, фантазировал методист, молодежное сборище постепенно должно было превратиться в «красную революционную избушку». «Далее, - писал Мурин, - можно перейти от веселья к газете, к серьезной беседе, к чтению интересной книжки, к опытам из естествознания, шашкам, шахматам, загадкам».

В пропагандистских целях можно было, по мнению методиста, использовать и девичьи супрядки, когда девушки собирались с прялками все вместе в натопленной избе, когда «более удобной обстановки подсунуть им интересную книжку не придумаешь. Нигде так охотно крестьянская молодежь не будет заниматься культурной работой, как в посиделки»⁵³⁹. Он также рекомендовал завести на посиделках передвижную библиотечку и «дежурного» комсомольца, который бы читал вслух, а также следил за обновлением книг и журналов и их сохранностью. Особенно важным он считал чтение сельскохозяйственной литературы и организации на основе этих чтот сельхозкружка. Рекомендовалось при средней продолжительности посиделок в 6 часов уделять культурной работе 1,5 – 2 часа. Еще одним новшеством методист предлагал организацию среди девушек чего-то вроде «ученичества», когда более опытная пряха или портниха взялась бы обучать «менее опытных подруг».

⁵³⁸ Найденов. Вечеринки надо завоевать. // Молодняк. Курск, 1928. 6 января.

⁵³⁹ Там же. С. 22.

Именно девушек Мурин считал главными агентами изменений старых посиделок, поэтому их вовлечение считалось первым этапом на пути преобразования молодежного досуга. Также рекомендовалось найти наиболее подходящее для комсомольских задач помещение. Очень важным он также считал убеждение парней в необходимости разделить с девушками тяготы по содержанию и оплате помещения, поскольку новая избушка – это уже не поиски жениха, а «культурный и полезный совместный досуг парней и девушек». Подобные благие намерения имели один недостаток, а именно, никто не спрашивал мнения селян об их желании менять традиционные формы досуга, налаженные связи, духовно-нравственные ориентиры. Представляя в средствах массовой информации русскую деревню только как сосредоточие пьянства, распущенности и разврата, идеологи старались сформировать положительный образ «нового человека», рожденного новым временем, предложить сценарии общих собраний молодежи.

В каждом номере журнала «Красная рубаха» публиковались рекомендации новых игр и танцев для наполнения новыми смыслами традиционных молодежных вечеров. Так, например, в игру «Сообразительные красноармейцы»⁵⁴⁰ предлагалось играть на вечеринке человек в 20-25. Оговаривалось, что для игры необходимы поверхностные знания о военных операциях. Для игры требовался инвентарь: карандаш и разграфлённый лист бумаги, и, соответственно навык чтения и письма. Судя по этим требованиям к участникам игры, редакция журнала была весьма далека от знаний о реальном положении дел в деревне, уровне грамотности и оснащённости сельской молодежи канцелярскими принадлежностями. Ещё одна неосуществимая в деревне 1920-х гг. предлагаемая игра Самсоном Глязером «Нападение на вигвам»⁵⁴¹ (военная игра северо-американский индейцев) предполагала участие двух команд по 60-70 человек, ходящих на лыжах... В целом правила игры напоминали более усложненную версию казаков-разбойников.

Ещё одну идеологическую игру для деревенских посиделок описывает журналист Самсон Глязер - комнатный тир «Бей врагов»⁵⁴². Краснорубашечник

⁵⁴⁰ Красная рубаха. 1929. №4. С. 31.

⁵⁴¹ Там же. С. 33.

⁵⁴² Там же. С. 30.

предлагал игру в помещении, которая «внедряет в сознание играющих необходимость борьбы с отрицательными явлениями нашей внутренней и международной жизни». Правила игры требовали использование «несложного инвентаря», а именно нарисовать на фанере или картоне цветными карандашами советских внешних и внутренних врагов: английского лорда, фашиста, социал-соглашателя, капиталиста, кулака, «пьянство», «хулиганство», «неграмотность» и т.д. Смысл игры заключался в бросании мячом по нарисованным лицам врагов на счет. Кто больше раз попал – тот и выиграл.

Советские креативщики разработали и песенно-игровой контент для встреч молодежи в обновленном формате. Чаще всего это были песни на старый мотив, но с новыми словами.

Советские идеологи в рамках построения «нового быта» пытались повлиять на жизненные стратегии сельской молодежи, которые традиционно были ориентированы на создание семьи, продолжение рода, организации и поддержания крепкого крестьянского хозяйства. Автору диссертации в процессе полевых изысканий практически не удалось найти этнографических сведений об актах новой обрядности на селе: о подобных эпизодах информанты либо не помнят, либо в сибирской глубинке трансформации культурной жизни не были столь выражены в сравнении с Европейской Россией. Поэтому наши представления о «красных праздниках» основываются на сообщениях корреспондентов в прессе 1920-х гг. В противоположность опубликованным источникам, устные сообщения (интервью, жизненные истории информантов-современников 1920-х гг.) не согласуются со многими фактами и выводами средств массовой информации. Данные интервью позволяют говорить о том, что трансформации в выборе брачного партнера под влиянием государственной индоктринации в 1920-е гг. восприняла сравнительно небольшая часть политически ангажированной молодежи, а также сельские батраки и маргиналы. В 1920-х гг. обычаи, предшествовавшие браку, в одних этнографических группах продолжали оставаться патриархальными (старообрядцы, многие сибирские старожилы), в других (южнорусские переселенцы, украинцы, белорусы) – включали новации. Очевидно, что

сохранявшиеся в деревне традиции не отвечали духу времени, государственной идеологии борьбы с «пережитками прошлого».

Таким образом, внедрение «нового содержания» на деревенских игрищах и вечерках имело своей целью изменить гендерные стереотипы поведения, систему знакомств, стандарты ухаживаний в среде сельской молодежи брачного возраста и ценностные жизненные установки молодежи в целом. В рамках проекта «раскрепощенная женщина» предлагалось изменение отношения к девушкам на выданье как к «товару» и развивать партнерский дух (отказ от «поцелуйных» игр и пр.). Именно молодых девушек советские идеологи видели основными агентами изменений в молодежной добрачной среде. Предполагалось разбавить матримониальные установки девушек большей вовлеченностью в общественную жизнь (ликбез, политинформация, агрокружок и т.д.) и одновременно в рабочий процесс (посиделки как мероприятие по повышению квалификации и мастерства прядения, кройки и шитья и т.д.). Особый акцент делался на «разумность» и «пользу» в содержании этого вида сельского молодежного досуга. Однако, как показала реальная жизненная ситуация, в 1920-х годах традиционный молодежный досуг, а также обычаи выбора брачных партнеров оставались приоритетными. Они не потеряли своей популярности, в том числе и в среде молодых деревенских комсомольцев.

3.3. Роль женщины в вопросах заключения брака: традиции vs «красная обрядность»

Согласно экспедиционным материалам в 1920-х гг. большинство браков заключались по договоренности между родителями жениха и невесты, что называлось, выйти замуж «добром». Это означало соблюдение испокон веков заведенный порядок действий, как со стороны рода невесты, так и рода жениха. При подборе пар особенно строгие требования предъявлялись к невесте, и это было не случайно, так как именно она становилась продолжательницей жизни рода. «Раньше за невест боролись», - не раз подчеркивали информанты, рассказывая как не единожды засылали сватов, которые использовали различные ухищрения для

получения согласия семьи невесты. Подобные рассказы, как правило, противопоставлялись современным молодежным нравам.

Молодых об их согласии спрашивали лишь после того, как это будет положительно решено родителями, и это обращение носило формальный характер. Хотя институт насильственного брака в начале 1920-х гг. существовал повсеместно, в некоторых этнографических группах русских сибиряков традиция оставляла некоторую свободу выбора для невесты. У пермских переселенцев с новым сарафаном-дубасом (в позднем варианте со штанами) подходили к стоящей на лавке девушке и просили прыгнуть в сарафан. Та могла кокетничать, говоря: «Хочу скачу, а не хочу так не скачу!» Если она прыгивала в сарафан, то это означало ее согласие на брак⁵⁴³. Однако в процессе полевой практики в большей степени были записаны другие случаи. Как нам рассказывали, на старшую сестру информанта во время прихода сватов «напал страх», так как она вела довольно замкнутый образ жизни в кругу своей семьи. «Увидела жениха, он показался шибко большим. От страха невеста спряталась под кроватью. Но бабушка залезла и вытащила ее за волосы». Понятно, что в такой ситуации не приходится говорить о каком-либо согласовании и учета мнения невесты.

Е. Осадчая из деревни Пурысево Алтайского края из семьи «рязанцев» рассказывала, как она зашла домой, где сидели мать, будущие свекор, свекровь и мать ей говорит: «На, платок подрубливай». На немой вопрос дочери продолжила: «Жених вечером придут». Далее, как следует из воспоминаний информанта, вечером пришел жених с братом и товарищем. «Большие девки» (девушки на выданье – авт.) тоже пришли, посидели, стали водить хороводы, гулять. Платок был подарен жениху как знак согласия на предложение выйти замуж. Записаны и другие рассказы на эту тему, например, в виде диалога между внучкой и бабушкой. «Баб, что песни поют?» «Да тебя просватали». «За кого?» «За Гришку!» «Да на что он мне нужен!»⁵⁴⁴. Девушки, особенно в южнорусских и украинских семьях, были лишены возможности влиять на решение родителей, которые, таким образом,

⁵⁴³ ПМА, № 12, л. 6 об.

⁵⁴⁴ ПМА, Д№ 12, л. 58

полностью брали на себя ответственность за судьбу дочери (редко кто отваживался перечить воле старших).

Момент сватовства старались приурочить ко времени ужина или после него. При этом важное значение имели первые реплики входивших сватов, которые сразу настраивали встречу на определенный лад. У старообрядцев приветствовали: «Здорово живете!». Им отвечали: «Милости просим!». Дождавшись приглашения сесть за стол, что служило знаком согласия выслушать вошедших, приступали к делу: «Мы пришли вот зачем. У вас есть товар, у нас - купец». Если родители выражали согласие выдать дочь, то наступало время спросить желание юноши и девушки. В изучаемое время, несмотря на «товарный» зачин сватовства, ни жених, ни его родственники денег не давали. Взнос жениха заключался в покупке тканей, платья, украшений, обуви для невесты, а также в подношении меда для варки пива.

Старшее поколение семьи несло полную ответственность за судьбу дочери или внуки, в том случае если детей воспитывали деды. В семье старообрядцев-семейских Забайкалья Куприяновых со смертью матери ответственность за устройство младшей внуки взял на себя ее дедушка, который пошел к односельчанину, вырастившему несколько сыновей. Приведем рассказ информанта, которая приводила слова своего деда: «'Я-то уж старенький, доча, теперь стал, пойду-ка тебе выберу жениха, покамест я живой'». Ей было всего 17 годов. Ну и чё, договорились, и отдал её за Егора. Дед сам пришёл, говорит, возьмите»⁵⁴⁵.

Интересный обычай предварительного извещения девушки о предстоящем сватовстве записан в селах Тальменского района Алтайского края. Российские переселенцы (сиб.: из «воронежских хахлов») снимали шапки и бросали в окна дома, где жила девушка. «Один бросил, другой, третий...», - рассказывали информанты про события в 1922-1923 гг. Домочадцы по шапкам догадывалась, кто собирается прийти со сватаньем⁵⁴⁶. Если сваты чрезмерно досаждали родителям просьбами выдать дочь, то семья могла выкатить им за ворота «гарбузы» (тыквы).

⁵⁴⁵ Васильева (дев. Куприянова) Василиса Пантелеймоновна, 1928 г.р., родилась и проживала в с. Малоархангельское Читинской области. Старообрядка поповского согласия (семейская).

⁵⁴⁶ ПМА, № 12, л. 7.

Среди старообрядцев, не приемлющих брак, предсвадебные обычаи были упрощенными. Соглашение - «сговор» на брак со стороны родителей осуществлялось, как говорили информанты, «без прибауток». «Они сговариваются, когда сосватали»⁵⁴⁷.

Второй формой заключения брака было похищение девушек, или «кража», т.е. когда жених или его родственники насильно увозили девушку из родительской семьи. Приведем несколько примеров из полевой практики, раскрывающих ситуацию по поводу кражи невест в сельском обществе старообрядцев поморского согласия. В д. Пушкари Ординской волости Барнаульского уезда дядя А.О. Ереминой украл невесту из другой старообрядческой деревни, которая находилась в 20-ти километрах от них. На игрищах парню «приглянулась девка», а по окончании мероприятия он подозвал ее к своим саням: «Посвяти фонарем». Девушка вышла, а молодец накинул на нее овчинный тулуп и помчался к себе в деревню Средний Алеус. В Алеусах он спрятал ее не у родителей в доме, а у кого-то из родственников. Когда родители девушки узнали «кто такой» этот парень, то помчались в погоню. «Приехали к его родителям, сначала стали шуметь, а потом, когда в избу зашли, видят стол, а на нем самовар». Как вспоминала Еремина, «поубавили пыл и стали договариваться о свадьбе», так как увидели, что семья зажиточная. Экономическое положение семьи жениха, таким образом, играло значительную роль при заключении брачного союза между семьями. Приведем почти анекдотичный рассказ Таисьи Александровны Деревниной (Савченко) о смотре хозяйства жениха (пос. Маслянино Барнаульского уезда): «Приехала бабушка во двор к жениху – а там у них дров-то! А жених-то не понравился дочери. Бабушка ей: «Да ты, что? У них дров-то сколько!»⁵⁴⁸.

Случалось и откровенно разбойные нападения. На станцию Камарчага Манского района Красноярского края приезжали жители из соседней деревни Сосновка и крали девушек у вновь прибывших россиян. «Наши белорусы приехали в Сибирь, отстроились, обзавелись хозяйством, разбогатели. Подросли

⁵⁴⁷ Кириллова Ирина Харлампьевна, 1915 г.р., д. Средний Алеус Ордынского района Новосибирской области. Потомственная двоеданка. ПМА, № 23, л. 19 об.

⁵⁴⁸ ПМА, Д№ 25, л. 30 об.

парни, их надо было женить... В то время как те выгружались из вагонов, сосновцы присматривали себе невест. Хватали зазевавшихся девок и быстро увозили домой». Совершенно очевидно, что на такие поступки местных жителей толкали обстоятельства: недостаток невест на новом месте жительства для своих подросших сыновей. На следующий день молодые ехали в Камарчагу, кидались в ноги родителям, просили прощение. Родители делали вид, что рассердились, но сами были рады, как поясняли информанты, что пристроили дочерей в условиях неустроенного быта. Об этих событиях рассказывали в своих воспоминаниях местные жители на страницах местной газеты «Манская жизнь». Приведем сообщение на эту тему: «Поезд с переселенцами братья (Рязанцевы – Дмитрий и Федор) ожидали в Камарчаге несколько дней. И не одни они. Когда поезд наконец подошел, женихи невест расхватывали прямо с перрона по простому принципу: кому какая достанется, та и женой будет. Так, Дмитрий привел девушку с Орловщины, а Федор – с Ивановщины. А поскольку сами они приехали с Рязанщины, то стали называться Рязанцевы»⁵⁴⁹. Оправдание такого «сватанья» местные жители видели в том, что в ближайших деревнях к ним, чужакам, относились настороженно, а по «тайге невесты не бегают».

В среде старообрядцев нередко причиной подобных краж было не столько несогласие родителей на брак дочери, но, как утверждали большинство информантов, соображения экономии. Согласно обычаю, родители в таком случае избавлялись от необходимости играть свадьбу, т. е. испытывать финансовые издержки. Свадебные обряды сводились в этом случае, в основном, к небольшому застолью. Примерно в половине случаев невеста сознательно шла на этот шаг, родители же, если были согласны отдать дочь, делали вид, что ничего не знали и не предвидели.

Третьей формой оформления брачных отношений сибиряков в 1920-х гг. было тайное от родителей венчание или, если без венчания, самовольный переезд девушки в дом жениха. Такие браки назывались по-местному «убегом». После заключения брака против воли родителей молодые приезжали просить прощение.

⁵⁴⁹ Жизнь – длиною в век // Манская жизнь. 6 января 2001. С. 2.

Однако в районах с преобладанием старожильского населения, например, в Чаусской волости Томской губернии, выйти замуж «убегом» считалось позором для семьи. Более спокойное отношение к такой форме отчуждения дочерей из родительской семьи относились переселенцы. Так, потомок пензенцев из Чауса рассказывал, что «раньше все мясоедом женились убегом»⁵⁵⁰.

Одни родители прощали своих детей сразу, другие по прошествии времени, но случалось, что не прощали (хотя и редко). Софья Васильевна Перунова, потомок старинного рода, основателей ряда деревень с одноименным названием в Северном Алтае, вспоминала, что после того, как ее «взяли убегом» и они венчались, им с мужем пришлось несколько раз просить прощение у ее родителей. Жених, как вспоминали информанты, говорил: «Простите, я заворовался!» После этого свадьбу все равно играли со всеми обрядовыми действиями, в том числе «с подклетом» (т.е. до этого супружеских отношения у молодых не было). Однако в этом случае свадьба обходилась дешевле, так как ее справляли только в доме жениха. М.В. Чанова⁵⁵¹ из деревни Мереть Сузунского района вспоминала, что «замуж ушла на шестнадцатом году убегом». На другой день ей тайно (видимо, из ее семьи) передали узелок с одеждой. После раскаяния молодых и прощения со стороны родителей играли свадьбу. Следует заметить, что в этом случае не было так называемых «выряжаний» с жениха (денег на покупку платья, украшений), положенного приданого, больших подарков от родственников, как это имело место при выходе замуж «добром». По свидетельству В.Е. Шмаковой в Ордынском районе Новосибирской области при «свадьбе убегом» прощение просили на десятый день⁵⁵², то есть в этом случае свадьбы не было. В 1927 г. такая свадьба заменялась застольем в доме жениха без приглашения родителей невесты и большого количества родственников.

Из рассказов информантов следует, что особенно широко такая форма брака распространилась с середины 1920-х гг., когда стали заключаться неравные, с точки

⁵⁵⁰ Пойлов Иван, с. Тогул Алтайского края. Родители приехали из Пензенской губернии. ПМА, Д№12, л. 123

⁵⁵¹ Чанова Мария Васильевна, 1913 г.р., дер. Мереть Сузунского района Новосибирской области. Все деда были чалдоны. Вышла замуж в соседнюю дер. Каргополово (АИАЭТ, Д№ 2. Л. 40 об.).

зрения старожильческих семей, браки, то есть дочь сибиряка выходила замуж за русского переселенца. «Приехало с Вятки семей пятнадцать, все покумились со старожилами. Стали замуж выходить. У кержаков своя вера, сибиряки – все мирские. Кержачка за мирского – перекрещивали, родители иначе не хотели. Вятский за сибирячку – убогом...»⁵⁵³. Российские переселенцы объясняли факт сопротивления чалдонов бракам с ними не только экономическими соображениями, но высоким самомнением старожилов о себе («Чалдоны считали себя наилучшими. Вера такая же, но противились свадьбам с российскими») ⁵⁵⁴.

Настойчиво противились свободному выбору молодых из-за религиозных различий старообрядцы: «Бывали свадьбы убогом. Одна кержачка убежала за православным. Мать ее ходила под окнами и кляла, хотела отобрать, пока не обвенчались» ⁵⁵⁵. В конце 1920-х и особенно в 1930-х гг., когда масса старообрядцев подверглась репрессиям и ссылкам, участились браки убогом, например, у «семейских» Забайкалья. По воспоминаниям В.П. Васильевой: «Ну, не всегда были сваты, ну сами сойдутся. А девушка остаётся у жениха, а сообщают родителям, что придём прощаться». Из рассказов следует, что даже в то время родители часто были недовольны таким поведением дочерей, «по недели не прощали молодых». Приведем еще воспоминание: «У меня сестра выходила. Отец сначала выгнал всех сватов, потом недели полторы прошло, она ж живёт там, ну куда деваться, он заказывает, приезжает»⁵⁵⁶.

Случалось, что родители были против брака своих детей не только из-за несовпадения вероисповедальной принадлежности, но и этнической: «Муж – пермяк, мы убогом. Мама не разрешала...»⁵⁵⁷. Причиной отказа сватам могло быть отсутствие дружественных отношений между семьями одного общественного

⁵⁵² Шмакова Вера Ефимовна, 1922 г.р., дер. Новошмаково Черепановского района Новосибирской области. Чалдоны. Рассказывала о свадьбе «тетки Степаниды» 1900 г.р. (АИАЭТ, Д№ 12, л. 21).

⁵⁵³ Романова Ольга Федоровна, 1904 г.р., родилась в Вятской губернии. В Сибирь приехали в 1908 г., привезли в 4-х годовалом возрасте. (АИАЭТ, Д№ 12, л. 21).

⁵⁵⁴ Ческидова Анна Денисовна, 1915 г.р., дер. Малышево Барнаульского уезда. По линии отца приехали из Смоленской губернии, по линии матери – из Курской.

⁵⁵⁵ Кручинина М.К., 1904 г.р., родилась в дер. Зудово Ояшинской волости Томского уезда. Деды по отцу из Калужской губернии приехали в середине XIX в., по матери – вятские.

⁵⁵⁶ Васильева Василиса Пантелеймоновна, 1928 г.р., родилась и проживала в с. Малоархангельское Читинской области. Старообрядка поповского согласия (семейская).

статуса. Мать сибирячки Д.И. Кудрявцевой, 1911 г.р., говорила, что в семье сватавшегося парня, тоже сибиряка, она «будет на смеху жить», так как считала их просмешниками. По договоренности, жених приехал на масленичные гуляния и во время катаний на санях завез девушку к себе домой. «Замуж шла убегом. Приехали к жениху, его родители уже ждали. Венчаться ездили в Вассино. Сразу как приехали, вечером пошли прощаться. Мать чуть не поубивала нас...»⁵⁵⁸.

Похищение невест по согласованию между молодыми людьми и родней с обеих сторон как разновидность формы брака кражей имело экономический смысл. В реальной жизни все же значительное влияние на активизацию таких самовольных поступков со стороны молодых оказывало большое имущественное расслоение в деревне 1920-х гг. Александра Филимоновна из д. Новошмаково Черепановского района Новосибирской области рассказывала о причине, почему она «убегом убежала» в 1928 г. Ее богатые родители, жившие в двухэтажном доме и державшие бессчетное количество лошадей, не отдавали дочь за сватавшегося из соседнего села Медведское небогатого парня. «Из Медведского в кашевах, в доху завернули и увезли. Когда крали, лошадей связали «гусем» - так почту возили. Брат погнался за ней, но подумал, что почту везут. И не догнал поэтому...»⁵⁵⁹. Этот инцидент вызвал такое неприятие со стороны матери невесты, что она сама и родственники с ее стороны «никто не гулял на свадьбе».

Данные о формах заключения брака, безусловно, свидетельствуют о приниженном семейном статусе девушки в 1920-х гг. Ее мнением не интересовались ни при выходе замуж «добром», когда инициатива исходила от родителей, ни при «краже» со стороны родственников жениха. При всех описанных формах заключения брака девушка должна была принять свою «судьбу» как должное. Лишь при форме брака «убегом» девушка могла рассчитывать на возможность реализации своих чувств и намерений.

⁵⁵⁷ Шмакова Александра Ивановна, 1918 г.р., с. Лебедево Тогучинского района Новосибирской области. Старообрядцы.

⁵⁵⁸ Кудрявцева Д.И., 1911 г.р., дер. Доронино Тогучинского района Новосибирской области. Все деды чалдоны.

⁵⁵⁹ ПМА, Д№ 12, л. 21

В сибирской крестьянской среде 1920-х гг. бытовало мнение о необходимости выхода замуж до двадцати-двадцати двух лет, после этого срока девушки считались старыми девами. Потомки переселенцев из Пермской губернии рассказывали как в с. Тальменка Чумышской волости Барнаульского уезда «выдавали» засидевшихся «в девках» дочерей. Приезжали в санях-кошевах или телеге в соседнюю деревню и громко оглашали: «Кому нужна надолбня?» Если кто-нибудь выходил из усадьбы и говорил «Нам нужна надолбня», то договаривались о времени и месте сватовства. Вечером, как рассказывали информанты, жених, крестная и отец приезжали в дом невесты. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что в 1920-х гг. девушкам часто приходилось идти на уступки разного рода обстоятельств, чтобы не остаться незамужней и не быть поводом общественного осуждения. По этой причине совершенно не случайно, что именно среди молодых девушек советские идеологи искали опору для формирования нового образа жизни, предлагая им альтернативные варианты жизненных стратегий.

Важно отметить, что идентификация «честности» невесты или так называемы «постельный обряд» в 1920-х гг. все еще играли очень серьезную роль для русского крестьянства Западной Сибири. В первые послереволюционные десятилетия этот факт еще не являлся достоянием частной жизни брачующихся, и рассматривался как общественно значимое событие. Анализ этнографических материалов позволяет проследить трансформацию этого обычая в различных этнокультурных группах сибиряков: от прямолинейных указаний на «девство» невесты (демонстрация рубахи новобрачной) до более иносказательных форм демонстрации «честности» (битье посуды, символика «красного» на свадебном столе и т.д.). Пожилые люди вспоминали, что подобные обряды бытовали до колхозного строительства, а в 1930-1940-е гг. уже перестали соблюдаться в массовом порядке. До настоящего времени сохранились косвенные указания для

публики: битье посуды, подвязывание бутылки с вином красной лентой и, наоборот, надевание на бутылку водки продырявленного блина⁵⁶⁰.

Публицистика и пресса 1920-х гг. описывала старую свадебную обрядность как «позорящую» честь и достоинство женщины, «бестолковую, ограниченную и пьяную». Так, в сибирском сатирическом журнале «Сибирская язва» в форме фельетона «Семейная обстановка»⁵⁶¹ была изображена свадьба по-старинке: «свадьба была, как бы не соврать, отчаянная». Автор повествует о том, что обычай бить посуду перерос в пьяный разнос обстановки квартиры брачующихся. Очевидно, что писавший этот фельетон не был знаком с местными обычаями. Согласно этнографическим материалам, обычай бить посуду на второй день свадьбы, символизировал целомудренность невесты: жениху подавали блины, накрытые тарелкой, и он разбивал эту тарелку со вполне определенным умыслом. Например, в Северной Барабе и в Васюганье существовал обычай свадебного ряженья, ритуального рванья одежды на сватах, однако никто из селян не воспринимал это как хулиганство.

Советская пресса в поддержку изменений обрядов издавала методические пособия со сценариями новых советских праздников, в частности свадебных. В методичке работника культуры В.Д. Маркова «Красная свадьба» автор обосновывал необходимость новой обрядности: «Меняются хозяйственная жизнь, и общественные отношения людей, и тогда обряды требуют нового содержания»⁵⁶². Методист очень скрупулёзно давал описание механизмов для введения нового содержания в «старый обряд» и обещал: «общими усилиями мы быстро создадим новую, красную, веселую и торжественную свадьбу и уберём старую свадьбу: пьяную, суеверную и унижительную для женщины».

Советская власть исходила при создании «красной свадьбы» из понимания, что сложная, многоэтапная свадебная обрядность во многом была нужна крестьянам для легализации брачного союза в глазах семей брачующихся и

⁵⁶⁰ Васеха М.В. Фурсова Е.Ф. Постельный обряд у старожилов и переселенцев Западной Сибири // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. М.: ИЭА РАН. С. 124-126.

⁵⁶¹ Клиш П. Семейная обстановка // Сибирская язва. 1927. №2-3. С. 3.

сельской общественности. Так, на одной из сессий ВЦИК при обсуждении кодекса законов о браке, семье и опеке делегатки заявили: «В деревне привыкли к обрядам, и без какого-либо обряда свадьба не имеет того значения; а если окажутся свидетели, хотя бы дружки или шафера, едущие с невестой или женихом в волость, то это уже имеет значение, и большое количество населения будет ездить регистрироваться именно при таких свидетелях в волисполком, а не церковь»⁵⁶³. Советский идеолог В.В. Вересаев находил объяснение этому факту в том, что «регистрация является актом слишком простым, слишком мало внушительным, слишком мало говорящим о серьезности и важности совершаемого. Что легко связать, то также легко и развязать...»⁵⁶⁴. Более того, даже идеологи новой советской обрядности признавали, что браки, заключенные по-старому обычаю оказывались более прочными по сравнению, с "самоходками" или "самокрутками", то есть путем простой регистрации»⁵⁶⁵.

Рассмотрим подробнее предлагаемые механизмы новой свадебной обрядности. Методист В.Д. Марков проник в суть народных свадебных обычаев, изучив их семантические значения, и даже консультировался у отечественных этнографов. Он писал: «Для того чтобы создавать новый обряд нужно разобраться, чем был так привлекателен обряд старый. Чтобы бороться со старым, нужно знать, где его сильные и где его слабые стороны. Взять хотя бы старую деревенскую свадьбу. Прежде всего она была очень празднична: разнаряженный свадебный поезд, торжественная обстановка в церкви, обилие гостей, песни, игры, прибаутки дружки, еда до отвала, разлитое море вина, шум, гам, гармошка, пляска — все это сразу давало чувствовать, что совершается что-то необычное, редко в жизни повторяющееся, очень значительное, важное и радостное. С этой стороны старая свадьба была построена правильно. Если мы хотим выдвинуть против нее новую, красную свадьбу, то мы должны обставить ее также торжественно, шумливо и весело».

⁵⁶² Марков В.Д. Красная свадьба в деревне, М., «Долой безграмотность», 1927, редактировано совместно с центральным домом „искусства в деревне" имени В.Д. Поленова.

⁵⁶³ Известия от 20 октября 1925 г., № 240.

⁵⁶⁴ Там же. С. 22 – 23.

⁵⁶⁵ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М., 1926. С. 22-23.

Наряду с изучением свадебных обрядов, Марков особое внимание уделял традициям, которые «унижают женщину», вызывают неприязнь молодежи. Слабым местом традиционной свадьбы советский креативщик назвал то, что «на каждом шагу свадьбы подчеркивались мысли»: «жена мужу работница», что «муж голова», что «моя жена - я в ней и властен». Точно также подчеркивалось, что дети должны «не выходить из родительской воли», что отец может «отдать дочь кому захочет», а ей остается только «выть на девешнике». Наконец, самым серьезным обвинением стал факт поставленного во главу угла значения хозяйственного расчета. В качестве неприемлемых в новом обществе обычаев он указывал на торги о приданом, «домосмотр» хозяйства жениха. Автор подчеркивал, что такой подход уже не просто устарел, но и действительно не популярен среди молодежи. В этой связи Марков предлагал «придумать такие новые обряды, в которых отражалась бы мысль, что “жена равноправна мужу” и что “нельзя выдать замуж или женить, а можно лишь соединиться мужчине и женщине для совместной брачной жизни по своей вольной воле”».

Автор справедливо отмечал, что главная трудность при создании новых обрядов состояла даже не в том, что советские работники культуры плохо разбирались в происхождении и значении старых, а в том, что они не могли выдумать готовый новый обряд во всей его полноте и со всеми подробностями. Методист писал: «Дело новое, неиспытанное, нужно его проверить на опыте, нужно приноровиться к тому, как лучше, легче и охотнее будет усваивать то новое, что принесла жизнь, крестьянская масса». Он призывал «завоевывать свадьбу изнутри». Предлагалась тактика постепенного ввода в старую свадьбу новых песен, игры, обрядов.

Методист В.Д. Марков активно прошелся по всем основным этапам свадебной обрядности, подробно останавливаясь на смысле и содержании каждого из этапов, давая методические рекомендации по устранению старых, буржуазных смыслов и внесению новых. Так, например, вместо «смотрин, домосмотра и рукобитья» автор предлагал активизировать роль молодежи – брачующихся, тех, кто «больше всего заинтересован в удачности брака». Автор призывал отказаться

от хозяйственно-экономического расчета и главенствующей роли отца семейства в выборе брачного партнера в качестве нового семейного труженика. Призывая молодежь жениться без «хозяйственного расчета», Марков писал: «с помощью науки и предоставленных государством в распоряжение крестьянства специалистов (агрономов, ветеринаров, землемеров и т. д.) молодой человек может организовать хозяйство не хуже, а зачастую даже лучше старика, так как он легче воспринимает новые данные науки». Таким образом, вбивая клин между поколениями, методисты от культуры надеялись облегчить освоение разработанных ими сценариев семейно-брачного цикла.

Еще одним предлагаемым нововведением, вместо сватовства и сговора родителей, должно было быть предварительное знакомство жениха и невесты, которые бы объявляли о своем решении родителям. «Старшие во время этого знакомства должны быть лишь опытными и любящими советчиками». Обычай «рукобитья» должны были теперь совершать сами молодые, а «пропойны» невесты вообще должны были исчезнуть из народного быта, как особенно унижительные для женщины.

Следующим новшеством при заключении брака Марков предлагал поднять вопрос о здоровье жениха и невесты, а также брачного статуса сторон (не состоят ли они уже в фактическом браке). В целом эти новшества соответствовали содержанию Кодекса законов об актах гражданского состояния (1918 г.) и КЗоБСО (1926 г.), вводившие ряд ограничений для брачующихся, например, по состоянию здоровья. Следует заметить, что выяснение здоровья, «истории жениха/ невесты» ранее как правило не было актуально для сельского сообщества, где брали невест из своего или заранее известных сел, входивших в круги брачных связей⁵⁶⁶.

Вследствие изменений подходов к браку, должны были исчезнуть «причитания» и «плачи» на предсвадебных «девишниках», что уже не соответствовало образу новой раскрепощенной женщины. Автор писал, что с установлением советской власти, «год от года все увереннее и смелее женщина при

⁵⁶⁶ Фурсова Е.Ф. Местные съезжие праздники в Приобье (конец XIX- начало XX века) // Обзорение результатов и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994-1996 годах. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. С. 206-211.

поддержке законов рабоче-крестьянского государства освобождается от побоев привередника мужа и своеволя гнущих в три погибели свекровей, свекров, золовок, деверей и пр. новой родни». В случае неподобающего отношения к жене и невестке в семье, если начнут «бить муж привередник и свекровь в три погибели гнуть», автор напоминал, что она имеет право выйти из негостеприимной семьи и по суду призвать наказание на «привередников».

В связи с нецелесообразностью проведения отдельных «прощаний молодых» по-старому, Марков считал необходимым заменить «девишник» вечеринкой, на которой собираются как приятели жениха с ним во главе, так и приятельницы невесты вместе с нею. «Вся эта молодежь, связанная узами юношеской дружбы в дальнейшей своей жизни будет встречаться, входить в дружественные, родственные и хозяйственные отношения, одновременно стариться и друг за другом уступать место в жизни новому поколению. В юности завязываются дружеские отношения, которые часто длятся всю жизнь и вызывают взаимопомощь пожилых людей, сдружившихся в молодые свои годы». Еще одним важным изменением традиции Марков считал отказ от подарков и денег семье и подружкам невесты при «бранье». Он мыслил, что девичьи коллективы должны заменить «смешанные (из девушек и ребят) хоры молодежи, организуемые при избах-читальнях и поющие новые песни»⁵⁶⁷.

В.Д. Марков призывал методистов «на местах» сравнивать, обсуждать результаты работы на основе регионального опыта, чтобы «разработать подробное руководство по проведению красной свадьбы» для апробации нового сценария. Совершенно очевидно, что методисты, выполняя заказ новой власти и разрабатывая новые сценарии для «крестьянской массы», совершенно не учитывали этнокультурное разнообразие русского народа. Навязывание единообразного, общего для всех, свадебного сценария в 1920-х гг. было обречено в Сибири на неудачу, особенно, если учесть хорошую сохранность свадебных обычаев в сибирских селах. Тем не менее, с 1950-х гг. многие методические разработки

⁵⁶⁷ Марков В.Д. Красная свадьба в деревне, М., «Долой безграмотность», 1927, редактировано совместно с центральным домом „искусства в деревне" имени В.Д. Поленова. С.17.

раннего советского периода были внедрены и стали частью советской праздничной культуры.

3.4. Лиминальная обрядность: крестины vs «октябрины»

Еще одной важной составляющей политики «нового быта», повлиявшей на образ новой советской женщины, стала попытка внедрения обряда «октябрин» вместо христианского крещения. В 1920-е гг. в сибирской деревне, как и повсеместно у русских, крещение рассматривалось как второе рождение, приобщение к жизни духовной. Считалось, что оно необходимо для человека как само собой разумеющееся событие, у ребенка появлялись Святые покровители, которым можно было молиться и просить о помощи⁵⁶⁸.

Церквей в Сибири было значительно меньше, чем в Европейской части России, поэтому издавна наряду с крещением «по полному чину», бытовали и «погружения» «бабок» или любого крещеного человека. По традиции родители младенца в церкви не присутствовали (мать не могла присутствовать в церкви на крещении по причине «нечистоты после родов»). Крестников подбирали таким образом, чтобы они были разного возраста, «старшего с младшим», чтобы избежать возможности ситуации брака между «духовными родственниками».

В Сибири детей крестили как в холодной воде, так и в подогретой при прохладной погоде. В одной и той же воде священник, бывало, крестил по нескольку человек («сразу пять-шесть крестились»). В 1920-е гг. еще сохранялось множество примет. Например, присутствовавшие наблюдали: если воск тонул, то крестившийся «не жилец», если воск крутился в воде, то ребенок будет нечестный, если воск сразу всплывал к поверхности, то жизнь, считалось, у него будет долгой и счастливой.

По традиции до крещения на ребенка нельзя было надевать рубашку, его только пеленали; свою первую рубашку ребенок получал во время крещения. Роль матери проявлялась при изготовлении крестильной одежды, которая должна была

⁵⁶⁸ Фурсова Е.Ф. Обычаи, связанные с рождением ребенка, в среде сибиряков Приобья: прошлое и настоящее (по полевым материалам 1980-1990-х годов) // Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 192-195.

быть простого покроя и из ткани белого цвета «в знак ангельской чистоты души». Родители несли ответственность за то, чтобы обязательно покрестить ребенка, поскольку некрещеных, согласно полевым материалам, хоронили у перекрестка дорог или за оградой кладбища, креста в обоих случаях не ставили. В надежде на милость Божию раздавали «за умершего сорок крестиков для крещения других детей», это делалось якобы для того, чтобы «хоть самую малость облегчить страдания младенца на том свете».

В 1920-е гг., пока были живы старшие поколения, не репрессированы отцы семейств, сельские жители крестили детей в соответствии с вековыми традициями, о чем свидетельствуют данные глубинных интервью. Однако этот один из базовых обрядов семейного цикла — крестины младенца, по задумке советских пропагандистов в 1920-е гг., должен был превратиться в советские «октябрины». Как и большинство праздников, где «старая начинка» заменялась «новым содержанием», октябрины по своей форме сохраняли основные моменты крестильного обряда — «красных восприемников» вместо крестных родителей, «культурное шефство» вместо духовного воспитания и пр.

Сходство обрядов крещения и октябрин хорошо прослеживается в описаниях их современниками. Так, в сообщении собкора «Вместо купели красный флаг» из журнала «Красная сибирячка» рассказывалось о беспартийном работнике нарвязи Павле Лещинском. Лещинский заявил на работе: «Отдаю своего ребенка под покровительство нашего союза, пусть Союз будет крестным отцом моей дочери». Таким образом, в клубе почтово-телеграфных работников состоялось «союзное крещение». Новый обряд выглядел так: мать передала ребенка председателю союза, и тот окутал девочку в красный флаг, девочку наименовали Лениной. Помимо стандартных детских подарков Ленина получила от своего «крестного отца» членский билет, а также «культурное и материальное шефство»⁵⁶⁹. Подобные публикации предлагались селянам в качестве примеров для подражания.

⁵⁶⁹ Вместо купели «Красный флаг». // Красная сибирячка. 1924. № 1. С. 66-67.

Приведем еще пример подобных пропагандистских публикаций. В.В. Вересаев в брошюре «Об обрядах старых и новых» описывает показательный обряд октябрин: отряд пионеров с барабанным боем заводит в помещение мать с ребенком на руках, которая заявляет: «Ребенок принадлежит мне только физически. Для духовного воспитания передаю его обществу». Председатель берет ребенка на руки, а пионеры развивают над ним полотнище знамени. Пионеры клянутся «помочь» ребенку пройти через все три советских ступени обрядов перехода (пионерию, комсомол и РКП) и стать честным человеком. Председатель вручает «новому гражданину» грамоту и нарекает Майей в честь праздника 1 мая. В подарок ребенку преподносят портрет Розы Люксембург⁵⁷⁰.

О случаях проявления «нового быта» в Сибири можно найти материалы на страницах сибирской прессы. Особенно много таких материалов в журнале «Красная сибирячка». Так, например, в 1924 г. сообщалось о проведении гражданских октябрин в помещении библиотеки затона Сенная Курья Томской губернии. В заметке отмечено, что подобное торжественное мероприятие в затоне проводится впервые, что вызвало большой интерес и высокую явку его жителей. «В гражданство передаются двое ребят. Родители первого: отец, член партии профуполномоченный т. Дудин, жена беспартийная, дочь их называли Идея. Второй ребенок беспартийных т. Чулошниковых, дочь называли Революция»⁵⁷¹. В сообщении об отказе от «старых предрассудков» в деревне Кистеневе Верховенского уезда Иркутской губернии повествовалось, как трое беспартийных крестьян решили «по-новому крестить своих детей». Особо отмечалось, что «их жены-крестьянки не только не препятствовали этому, но шли на это с радостью». Желавшие окунуться в «новый быт» крестьяне, обратились в местный Уком (Уездный комитет молодежи, - *прим. автора*) «за содействием и разъяснением». Таким образом, Уком взял шефство над Кимом (имя в честь Коминтерна молодежи), Октябриной и Розой (в честь Розы Люксембург). Написавший сообщение селькор резюмировал: «Вот как идут навстречу новой жизни, к

⁵⁷⁰ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М., 1926. С. 23-24.

⁵⁷¹ Новый быт Томской губернии. // Красная сибирячка. 1924. № 4. С. 84.

коммунизму наши крестьяне даже в таких далеких заброшенных в Сибири уголках»⁵⁷².

В сообщениях прессы часто пытались подчеркнуть особую торжественность нового обряда, положительное отношение женщин к «октябринам»: «Без попа даже торжественнее выходит», - как бы оценивали крестьянки новые обряды⁵⁷³. Можно предположить, что селькор не стал утруждать себя расспросами местных жителей о том, почему остальная часть селянок крестят, а не октябрят своих детей.

Судя по всему, советских идеологов совершенно не смущало сходство обряда октябрин с православными крестинами. Более того, думается, что наличие в «новой» структуре таких важных составляющих «старого» обряда, как передача ребенка для «духовного воспитания», наличие «восприемников» и т.д. было сознательно закреплено в новых сценариях. Однако теперь роли Бога, духовных восприемников брали на себя советское государство, комсомол, пионерия и даже организация.

В сообщении под заголовком «Октябрины и попадьа» делегатка Татарского Уженотдела (Уездный женотдел, – *прим. автора*) Омской губернии тов. Ельшева сообщала как молодая женщина при поддержке своей 60-летней матери в отсутствие мужа «попросила помочь знакомого коммуниста зарегистрировать в загсе новорожденную, назвав ее Октябриной». «Местная попадьа» попыталась воспрепятствовать этому желанию женщины и провела душеспасительную беседу с 60-летней старушкой. Однако старушка от своей идеи не отказалась и выгнала матушку, которая в дверях крикнула: «Ну и имечко же дали, - и ни собачье, ни кошачье». В честь приверженности старушки советским идеалам нового быта местный женотдел сочинил стихи:

«Честь тебе и слава добрая старушка
Пусть растет и крепнет Октябрина внука.
Пусть себе ругает злая попадьиха.
Рухнет старый быт – будет уж ей лихо.
Им тогда за крестины никто платы не отнесет.
И голодный батя лапу пусть сосет»⁵⁷⁴.

⁵⁷² За новый быт. // Красная сибиряка. 1924, № 4. С. 72.

⁵⁷³ Рабочий путь. 1925, 1 января.

⁵⁷⁴ Октябрины и попадьа. // Красная сибиряка. 1924, № 4. С. 86.

Ритуализация сценариев октябрин призвана была подчеркнуть, что ребенок в зарождающейся советской культуре существовал не как отдельная личность, а как часть большого механизма под названием новое советское общество. Безусловно, обряд октябрин не носил характер логически продуманного действия, а скорее характер единичного акта (как в действительности можно себе представить шефство Союза почтово-телеграфных работников над младенцем?). Исследователь В.В. Глебкин в работе «Ритуал в советской культуре» при анализе ранних советских обрядов перехода, считал, что в основе этих новых ритуалов лежал «стихийный энтузиазм масс», но «до сознательного планирования и регламентации всех областей жизни еще далеко»⁵⁷⁵.

Действительно, как показала история, обряд октябрин не прижился в советском семейном календаре. Вместо этого обычая в семьях стало популярно празднование дня рождения. В послереволюционное время в связи с гонениями на церковь, усилилась традиция крещения детей «повивальными бабками» с трехкратным омовением младенцев святой водой и, соответственно, имянаречением. Безусловно, сами крестьяне считали такое крещение «от большой беды»⁵⁷⁶, однако «погружение» восполняло возможность полноценного таинства крещения в церкви в советский период.

Этнографические и статистические данные показывают, что «новая обрядность» актуализировалась в основном в партийно-комсомольской среде, в народе к этим новациям отнеслись осторожно: даже к 1934 – 1936 гг. на территории РСФСР большинство новорожденных по-прежнему продолжали крестить, примерно 40 % молодых венчались и около 90 % умерших отпевали по старинке⁵⁷⁷.

Новая советская обрядность, по задумке идеологов, должна была не только заместить «старую патриархальную» «новой актуальной», но и разрушить замкнутость сельского мира, повысить социальную активность крестьянства,

⁵⁷⁵ Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: «Янус-К», 1998. С. 128.

⁵⁷⁶ Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX - 20-е годы XX в.). // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 148-149.

⁵⁷⁷ Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа: Лекция. М.: МГУК. 1995. С. 10.

приобщить их к строительству социалистического быта. Внедрение новых праздников и связанных с ними ритуалов стало одним из инструментов формирования «нового советского человека», в том числе «новой женщины». Со временем внедрение нового содержания обычаев внесло серьезные коррективы в проведение молодежных посиделок, а ряд мероприятий советской семейной политики со временем разрушил традиционную крестьянскую свадьбу в Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конструирование образа «новой советской женщины» шло в рамках политики построения «нового быта». Советские идеологи работали сразу в нескольких направлениях, при этом основным объектом, на котором фокусировалось внимание, была женщина. Планируемая «революция в умах» женщин, в особенности, как считалось, у «наиболее отсталых» крестьянок, стала той «высотой», после взятия которой, можно было бы говорить о начале изменения культурного кода всего российского общества. «Угнетаемый», традиционно не принимавший решений пол, был определен в качестве «ахиллесовой пяты», от уязвления которой, сработал бы эффект домино в отношении русской традиционной культуры.

Образ «новой советской женщины» конструировался и внедрялся в повседневную жизнь комплексно: в законодательной плоскости, в аксиологической сфере (новые паттерны поведения), в общественно-политическом поле, в политике ликбеза и охраны материнства и младенчества, в рамках антирелигиозной кампании и внедрения новых советских ценностей через «красные» обычаи и обряды.

Автор пришла к следующим выводам в соответствии с поставленными задачами.

1. В течение 1920-х гг. можно выделить два периода в истории «решения женского вопроса»: до 1926 г. – период «экспериментов и дефамелизации», и после 1926 г., в связи с укреплением диктатуры И.В. Сталина откат к «традиционным семейным ценностям». Идеи ранних советских идеологов по «женскому вопросу» И. Арманд и А. Коллонтай в первый период были частично воплощены в жизнь, что нашло выражение в советском семейном законодательстве, введившем институт гражданского брака, упростившем процедуру развода и предполагавшем определенную правовую защиту для женщин. Принятый Кодекс законов о труде 1922 г. должен был защитить работающую женщину-мать. Однако работа по становлению системы загсов в

наиболее заселенных районах Сибири была завершена лишь к 1923 году⁵⁷⁸. За это время в некоторых областях многие браки не были нигде зафиксированы, особенно в сельской местности, поскольку сельсоветы, где мог быть зарегистрирован брак, нередко находились на отдаленном расстоянии от небольших населенных пунктов, а некоторые из них просто не справлялись с наложенными на них обязательствами.

Во второй половине 1920-х гг. из общественного дискурса постепенно исчезли вопросы «отживания» института семьи и брака и женской сексуальной свободы, наметился возврат к укреплению института семьи. Принятый в 1926 г. «Кодекс законов о браке, семье и опеке» признавал только брак, заключенный в органах загса, который и порождал правовые отношения между супругами.

Именно в 1920-е гг. был заложен фундамент нового гендерного контракта советского общества, когда женщина, получив «двойную занятость», должна была выполнять контракт «работающей матери»: то есть выполнять обязанности матери-хранительницы семейного очага и работницы-общественницы. В 1920-х гг. этот тип «этакратического»⁵⁷⁹ гендерного контракта в Западной Сибири затронул, главным образом, городских женщин, а не крестьянок, которые до периода коллективизации оставались в рамках своих индивидуальных хозяйств. Подрыв патриархальной основы семьи, предполагавшей главенство мужчины-кормильца и экономически зависимой от него женщины, произошел позднее, в 1930-е гг.

В связи с появлением советского семейного законодательства постепенно усиливалась формальная сторона брачно-семейных отношений, тем не менее, и в конце 1920-х гг. для сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование.

2. Главные принципы государственной политики в области решения «вопросов женщин» нашли выражение в процессах вовлечения женщин в общественную-политическую деятельность. На практике это выразилось в

⁵⁷⁸ Исупов В.А. Демографическое развитие русского населения Сибири в 1917 – 1959 гг. // Русский этнос Сибири в XX веке. – Новосибирск: НГУ. – 2004. – С. 7.

⁵⁷⁹ Это означает, что повседневная жизнь советских людей, их жизненные стратегии обуславливались жестким государственным регулированием, которое определяло возможности действия как в публичной, так и в приватной сфере (этакратия - власть государства). См. об этом: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок. // Социальная история – 2002. Гендерный выпуск. – М. – 2003.

развитии механизмов мобилизации женщин для работы в женотделах, участия в комсомоле, делегатских съездах и т.д. Для высвобождения женщин от выполнения семейных обязанностей была разработана политика в области охраны материнства и младенчества. Кампания по ликвидации неграмотности с особым вниманием к женскому образованию, государственная антирелигиозная работа должны были обеспечить возможность участия женщин в строительстве нового общества.

Местные органы власти Западной Сибири в качестве первоочередных задач рассматривали мероприятия по поднятию активности крестьянок, их вовлечению в состав правлений и ревизионных комиссий. С этой целью организовывали женские собрания, выявляли и привлекали к постоянной работе наиболее активных крестьянок, которые впоследствии работали на выборных должностях.

Женщины 1920-х гг. втягивались в общественно-политическую жизнь с трудом, это касалось и женской кооперации. Несмотря на «неуклонный рост» числа женщин в органах управления, в отчетах о работе сельхозкооперации процент участия женщин оставался мизерным, например, в 1927 г. их участие в потребкооперации колебалось от 1% до 3,7%⁵⁸⁰. Еще одной проблемой в работе «женского» направления в Сибкрае была «текучесть» женских кадров, вызванная «переброской» опытных специалисток из женотделов на «на более серьезные» направления работы. Привлечение женщин в комсомол также не имело особых успехов из-за нежелания самих девушек, а также позиции комсомольцев, сомневавшихся в состоятельности женщин. В 1920-е гг. даже мужчины-партийцы не понимали важности «женского направления» и красноречиво называли женотделы «крайбабами» и «бабкомами». Следует также принять во внимание общий низкий уровень доверия и внутреннее сопротивление советской власти сибирским крестьянством.

Вовлечение сибирячек в общественно-политическую жизнь, внедрение политики по решению «женского вопроса» в Западной Сибири наталкивались на трудности с финансированием и с подготовкой профессиональных кадров по

⁵⁸⁰ Ефимов Г. Итоги перевыборной кампании в сельской кооперации в Сибири // Жизнь Сибири. 1927. №2. С. 104.

работе с женщинами. В силу многих причин советские институты «нового быта» в 1920-е гг. не смогли заработать в полную силу.

Еще одним инструментом вовлечения женщин в общественное пространство стал праздник 8 Марта, впервые официально введенный в советский календарь в 1923 г. как Международный женский коммунистический день. В 1920-е гг. праздник распространялся в основном на принимавших участие в общественной жизни женщин и подкреплял, таким образом, внедряемый образ женщины-управленца. Праздник был призван привлекать внимание к «женскому вопросу» и мероприятиям по его решению. Мероприятие «8 Марта» переживало постоянные трансформации на протяжении XX в. как в плане идей, вкладываемых в этот праздник со стороны государства, так и форм его проведения. Во второй половине XX в. он стал одним из немногих «новых» праздников, внедренных советской властью, сохранивший всенародную любовь и признание.

3. Советские идеологи считали самым большим препятствием в деле вовлечения женщин в общественные отношения их неграмотность. Ликвидация неграмотности в Сибири сталкивалась с рядом трудностей: нехватка средств и кадров, слабое распространение книг и газет в деревне и т.д. Женщинам, уже вовлеченным в общественную жизнь, например, ставших делегатками и хорошо зарекомендовавших себя на делегатских собраниях, предлагалось получение дальнейшего образования (профтехнические, кооперативные, сельскохозяйственные, юридические курсы, курсы советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаки). Тем не менее, в 1927 г. в Томском округе более 30% были «совсем неграмотными» даже среди делегатов, при условии, что данные статистики обычно завышались. Кроме того, ликвидация безграмотности часто сводилась к «первичной грамотности» - умению расписаться, чтению по слогам. Затрудняло работу по обучению женщин и их загруженность домашними делами, нежелание учиться, консерватизм мужчин, не позволявших женам и дочерям ходить на пункты ликвидации безграмотности и собрания.

В 1920-е гг., несмотря на политику всеобщей ликвидации неграмотности, воспитание сельских девочек продолжалось в патриархальном духе. В докладах о

состоянии школьного дела в Сибири отмечалось низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка⁵⁸¹. В сознании сибирского крестьянства продолжало жить убеждение о том, что женские рабочие навыки намного важнее, чем грамотность. Полевые материалы свидетельствуют о том, что именно родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе.

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации безграмотности в 1920-е гг., можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе, как среди взрослых крестьянок, так и сельских девочек школьного возраста. Причина неудач в образовании женщин была комплексной: от нехватки средств и профессиональных кадров до «патриархальных» установок семьи и нежелания самих женщин учиться (часто связанном с домашней загруженностью). Новыми возможностями пользовались лишь единицы крестьянок, прежде всего молодые девушки, заинтересованные в продолжении дальнейшего обучения, в том числе «по партийной линии». Таким образом, немало женщин 1910- начала 1920-х гг. рождения в сибирских селах остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь.

4. Еще одним направлением в решении женского вопроса стала политика охраны материнства и младенчества (охрматмлад), под которой понималось создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания. Сюда же относилась родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребенку, борьба с беспризорностью детей ранних возрастов, организация трудовой помощи матерям-одиночкам, подготовка работ охраны материнства и детства⁵⁸².

Советские идеологи 1920-х гг. высказывали мысль о том, что семья не может справиться с задачей воспитания подрастающего поколения, в связи с чем был взят курс на сокращение роли семьи в воспитательном процессе и создание институций общественного воспитания будущих советских граждан: ясли, детские сады и площадки, школы. В то же время эти мероприятия охрматмлада декларировались

⁵⁸¹ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 27, л. 75-79.

⁵⁸² ГАНО, фонд 1353, оп. 1, д. 46, л. 25.

как «помощь матери» и были призваны облегчить домашнюю нагрузку. Тем не менее, в этот временной период воспитательная роль школы, особенно в деревне, была не столь велика и главным социализирующим институтом оставалась семья. Даже официальная статистика того времени констатировала, что социальный институт, призванный освободить женщину от забот о детях во время рабочего дня, в 1920-е годы не достиг поставленных задач, и носил в основном рекламный характер.

Важно отметить, что федеральные власти практически не выделяли средств на проведение мероприятий охрматмлада в Западной Сибири, и все тяготы реализации этой политики ложились как на местный бюджет, так и непосредственно на крестьян. Еще одной проблемой продвижения идеи коллективного воспитания стало сопротивление крестьянок, которые в отличие от городских женщин, быстро оценивших удобство яслей и детсадов, нередко сопротивлялись этим нововведениям.

Введение общественного воспитания, таким образом, должно было сыграть функцию переходного моста между «старым» и «новым» мирами. Идеологи коммунизма понимали, что, прервав функцию семьи как транслятора социокультурного кода общества, будет нанесен один из самых главных ударов по «отживающему прошлому».

Еще одной важной составляющей в политике охрматмлада стала легализация медицинских аборт в 1920 г. «с учетом медицинских и социальных показателей». На протяжении 1920-х гг. прослеживалась неуклонная тенденция их роста как в городах Сибири, так и в сельской местности. Хотя по официальной статистике крестьянок, прошедших эту операцию, было в несколько раз меньше, чем горожанок, аборт постепенно проникали и в сельскую среду. Попытка внедрения профессиональных акушерок в частную жизнь крестьянских семей была затруднена не только недостатком материальных средств и квалифицированных кадров, но и нежеланием самого населения воспользоваться специализированной помощью. Полевые материалы показывают, как велика была роль «бабушек», в том числе и таких, которые специализировались на производстве нелегальных абортов.

Слабость просветительской работы, недоступность альтернативных abortу средств предохранения сыграли решающее значение в процессе установления этой операции как практически единственного способа планирования семьи в СССР, несмотря даже на период запрета с 1936 по 1954 гг. Декларируя свободу женщины в распоряжении собственным телом, в том числе и в принятии решения по планированию семьи, государство пыталось решить вопросы, казавшиеся в то время первоочередными – восстановление народного хозяйства и перехода к курсу индустриализации. Появление легально разрешенного аборта, постепенно ставшего одной из советских женских повседневных практик, сыграло важную роль в формировании образа жизни и паттернов поведения «новой советской женщины».

5. Создание «нового быта» и внедрение образа «новой советской женщины» сталкивались с еще одним препятствием – высокой степенью религиозности крестьянства, в особенности женского. По религиозным мотивам девушки часто отказывались вступать в комсомол. В сибирских деревнях комсомолками становились считанные единицы. К тому же в местных отчетах часто с сожалением отмечалось, что даже эти комсомолки-коммунистки чаще всего продолжали соблюдать религиозные традиции. Кроме того, столь низкую вовлеченность девушек сибирской глубинки в комсомол можно объяснить большей приверженностью женщин патриархальным традициям и крайней радикальностью ранних советских идей для менталитета деревенской девушки.

Советские идеологи видели особенность антирелигиозной работы с женщинами в воздействии не на разум, а на их чувства, считая, что у них более развита именно эмоциональная составляющая. Мероприятия советской власти по ликвидации неграмотности, деятельности женотделов, политики охрматмлада также мыслились частью антирелигиозной пропаганды. Предлагалось «отвлекать» женщин от церкви посредством коллективного чтения журналов, посещения комсомольских собраний, вовлечения в общественную жизнь, приобщения к искусству.

Если работа с молодежью в основном представляла собой девиантные формы антирелигиозной пропаганды такие как «комсомольские богослужения»,

«пляски попов», то с женщинами, кроме того, работали другими методами. С женской аудиторией использовались формы работы, которые заключались в пропаганде художественных сочинений – «былей» и рассказов, порочащих священнослужителей и высмеивающих «темную» религиозность. Проводилась и научно-просветительская работа, которая, однако, оказалась не эффективной в крестьянской среде. В антирелигиозной работе с женщинами предлагалось использовать тезис христианства о «несправедливом» положении женщине по сравнению с мужчиной. Положение, что «религия веками закабаляла женщину» было одним из главных в антирелигиозных беседах с крестьянками.

Несмотря на активную антирелигиозную работу с населением, официальная статистика показывала неутешительные цифры религиозной активности сибиряков. Более того, наблюдался обратный эффект. В 1924 г. в Сибири вместо «ликвидированных» 56 групп верующих вновь подали на регистрацию 120⁵⁸³. Подобный религиозный подъем советские чиновники объясняли общей нестабильностью в обществе, ростом эсхатологических настроений и, возможно, слишком грубо проводившейся антирелигиозной политикой. Более того, именно на женщинах, рожденных в начале XX в. - тех самых «церковных бабушках», которые не боялись осуждения на работе, держались те немногие незакрытые в советский период приходы в 1950-1980 гг. Именно в 1920-е годы был заложен механизм своеобразного советского двойственного поведения, когда в общественных местах человек представлялся атеистом, но в то же время внутри семьи сохранялась религиозность, отмечались церковные праздники.

6. Важным моментом внедрения «нового быта» на селе были культрегерские усилия государства по проведению гражданских крестин, свадеб, похорон и т.д. Советские идеологи старались освободить от религиозного содержания праздники семейного цикла, наполнить старые формы новым социалистическим содержанием. Церковные таинства крещения предлагалось заменять торжественной регистрацией новорожденного – «октябринами», венчание в церкви – гражданской свадьбой, отпевание – «красными» похоронами,

⁵⁸³ ГАНО Ф. 19. Оп. 1, д. 25. Л 35 об. Ф. 20. Оп. 2, д. 134. Л. 88.

традиционные молодежные посиделки – «красными избушками». Новая советская обрядность постепенно должна была стать частью нового быта, элементы которого были разработаны и представлены в многотиражных массовых методических пособиях, рассчитанных как на агентов советских преобразований, так и на обывателей.

Внедрение «нового содержания» на деревенских игрищах и вечерках имело своей целью изменить гендерные стереотипы поведения, систему знакомств, стандарты ухаживаний в среде сельской молодежи брачного возраста и ценностные жизненные установки молодежи в целом. В рамках проекта «раскрепощенная женщина» предлагалось изменить отношение к девушкам на выданье как к «товару» и установить партнерский дух (отказ от «поцелуйных» игр и пр.). Именно молодых девушек советские идеологи видели основными агентами изменений в молодежной среде. Кроме того, методисты предполагали разбавить матримониальные установки крестьянских девушек большей вовлеченностью в общественную жизнь (ликбез, политинформация, агрокружок и т.д.) и одновременно в рабочий процесс (посиделки как мероприятие по повышению квалификации и мастерства прядения, кройки и шитья и т.д.). Особый акцент делался на «разумность» и «пользу» в содержании сельского молодежного досуга. Однако, как показала реальная жизненная ситуация, в 1920-х годах традиционный молодежный досуг в виде игрищ и вечеров, а также обычаи выбора брачных партеров оставались приоритетными. Последние не потеряли своей популярности, в том числе и в среде молодых деревенских комсомольцев.

Формы заключения брака, бытовавшие в 1920-х гг. («добром», «убегом» и «кражей»), свидетельствовали о все еще невысоком уровне вовлеченности сибирячек в решение вопроса о собственной судьбе. Мнением девушки не интересовались ни при выходе замуж «добром», когда инициатива исходила от родителей, ни при «краже» со стороны родственников жениха. При всех описанных формах заключения брака девушка должна была принять свою «долю» как должное. Лишь при форме брака «убегом» девушка могла рассчитывать на

возможность реализации своих душевных влечений, что стало отражением «революции чувств» в сибирской глубинке.

Публицистика и пресса 1920-х годов описывала старую свадебную обрядность как «позорящую» честь и достоинство женщины. В основу критики были взяты наиболее проблемные ситуации, сложившиеся к 1920-м гг. в традиционной свадебной обрядности сибирской деревни. Проводники новой жизни играли на желании молодежи проявлять обособленность, волеизъявление. Советская власть при создании «новой обрядности» исходила из понимания, что сложная, многоэтапная свадебная обрядность требовалась крестьянам для легализации брачного союза в глазах семей брачующихся и сельской общности. Идеологи также считали необходимым существование свадебных обрядов, однако, считая возможным сохранить формы при условии подмены содержания «на социалистическое». Даже «красные методисты» признавали, что браки, заключенные по-старому обычаю оказывались более прочными по сравнению с безобрядовыми, зарегистрированными в госорганах.

Авторы методических пособий подходили настолько ответственно к разработке новых свадебных сценариев, даже привлекали в качестве консультантов отечественных этнографов. Методисты стремились противопоставить богатым обрядами и песенно-танцевальным фольклором сельской свадьбе новую «красную», не менее красочную. Однако, в «новую» свадьбу вкладывали иные смыслы: невеста должна была стоять на активных началах при решении вопроса о браке, настаивать на равных партнерских отношениях с мужем и т.д. Упор делался на чувственные основы брака, хозяйственные соображения представлялись неким пережитком старого. Разработчики подчеркивали необходимость постепенного ненасильственного внедрения новых свадебных обрядов путем ввода новых песен, игр, обрядов. Совершенно очевидно, что методисты, выполняя заказ новой власти и разрабатывая новые сценарии для «крестьянской массы», совершенно не учитывали этнокультурное разнообразие русского народа. Навязывание единообразного, общего для всех, свадебного сценария в 1920-х гг. было обречено в Сибири на неудачу, особенно, если учесть, в целом, хорошую сохранность свадебных обычаев

в селах и отдельных культурных группах. Со временем внедрение принципов, «достойных советского человека», внесло серьезные коррективы в организацию мест встречи молодежи, а мероприятия в рамках семейной политики разрушили многообразие восточнославянских обрядов в Сибири.

Один из базовых обрядов семейного цикла – крестины младенца, по задумке советских пропагандистов в 1920-е гг., должен был превратиться в советские «октябрины». Как и большинство праздников, где «старая начинка» заменялась «новым содержанием», октябрины по своей форме сохраняли основные моменты крестильного обряда – «красных восприемников» вместо крестных родителей, «культурное шефство» вместо духовного воспитания и пр. Таким образом, наличие в «новой» структуре таких важных составляющих «старого» обряда, как передача ребенка для «духовного воспитания», наличие «восприемников» и т.д. было сознательно закреплено в новых советских сценариях. Однако теперь роли Бога-отца, духовных восприемников брали на себя советское государство, комсомол, пионерия и даже предприятие. Как показали этнографические и статистические данные, обряд октябрин не прижился в советском семейном календаре. В 1920-е гг., при жизни старших поколений, когда еще не были репрессированы отцы семейств, сельские жители крестили детей в соответствии с вековыми традициями. В 1930-е - годы активного богоборчества усилилась традиция крещения ребенка повивальной бабкой трехкратным омовением младенца святой водой и, соответственно, имянаречением. В более поздний период в советских семьях вместо этого обычая стало популярно празднование дня рождения.

На основе данных глубинных интервью можно сделать вывод о том, что гендерные роли начали трансформироваться, а традиционная семейная обрядность разрушаться не благодаря агитации, а в связи с ускорением коллективизации и начавшимися «раскулачиваниями», ссылками и массовыми репрессиями крестьян. Этнографические и статистические данные показывают, что «новая обрядность» прижилась в основном в партийно-комсомольской среде, в народе к этим новациям отнеслись осторожно: даже к 1934 – 1936 гг. на территории РСФСР большинство

новорожденных по-прежнему продолжали крестить (примерно 40 % молодых венчались и около 90 % умерших отпевали по-старинке)⁵⁸⁴.

Новая советская обрядность, по задумке идеологов, должна была не только заместить «старую патриархальную» «новой актуальной», но и разрушить замкнутость сельского мира, повысить социальную активность крестьянства, приобщить их к строительству социалистического быта. Внедрение новых праздников, связанной с ними советской обрядности и новых ритуалов стало одним из инструментов формирования нового советского человека, в том числе новой советской женщины. Полевые материалы позволяют говорить о том, что трансформации в сфере брачно-семейных отношений под влиянием государственной индоктринации в 1920-е гг. восприняла сравнительно небольшая часть политически ангажированной молодежи, а также сельские батраки и маргиналы. В 1920-х гг. обычаи, предшествовавшие браку, в одних этнографических группах продолжали оставаться патриархальными (старообрядцы, многие сибирские старожилы), в других (южнорусские переселенцы, украинцы, белорусы) – включали новации.

7. Помимо проведения политических кампаний, в рамках строительства «нового быта» государственные идеологи работали и с глубинными пластами сознания населения – на уровне формирования новых ценностных установок, поведенческих и жизненных стратегий и ориентиров.

Воздействие художественными средствами на массовое сознание сибирячек советские культрегеры проводили с помощью литературных произведений, рассказов, «зарисовок из жизни», сценариев для деревенских театров, публикуемых как в федеральных СМИ, так и местном журнале «Красная сибирячка», адаптированном к сибирской аудитории.

«Новые» девушки и женщины в этих произведениях обладали «правильным» видением своего будущего (учеба, ориентация на знание, а не на религию и обычаи), самостоятельностью принятия решений, в том числе о вступлении/ невступлении в

⁵⁸⁴ Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа: Лекция. М.: МГУК. 1995. С. 10.

брак, были «идеологически грамотны». В 1920-х гг. женские журналы предлагали модели поведения: учиться, «вырываться» из «темного» мира «отцов и дедов», уходить в город для продолжения учебы и работы, чаще – по «женской линии». Тема женского служения государству нашла выражение в серии рассказов о женщинах – жертвах во имя революции, таким образом, идеологи поворачивали сформировавшуюся веками женскую жертвенность и привычку служения своей семье во благо уже общественных интересов.

Художественные произведения обосновывали право детей на бунт против отцов и матерей – представителей «старого» мира, однако, полевые материалы автора свидетельствуют о сохранявшемся подчинении младшего поколения сибиряков старшему в 1920-е гг. Еще одним важным изменением, над которым работали советские идеологи, была смена ориентиров девушки при выборе брачного партнера. Помимо романтических предпочтений, в качестве брачного ориентира указывалось на комсомольцев, бедняков в противовес зажиточным «кулакам».

Таким образом, советская пропагандистская машина представляла мир женщин 1920-х годов крайне полярным. На одном полюсе рисовался «мир баб», «темного прошлого» с предрассудками и тяжелой «долей». На другом, соответственно, «новая советская женщина», общественница, активистка, борец и товарищ, руководитель наравне с мужчинами. В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, в крестьянской патриархальной семье «ломались» поведенческие стереотипы женщин. В женской периодике 1920-х гг. развенчивалось представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме). Моделировались более эффективные жизненные сценарии, женщинам предлагалось занимать деятельную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей «нелегкой судьбы». Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, агитирую освободиться от «гнета отцов, братьев и мужа» все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общегосударственным интересам.

Интересно, что в печатных изданиях, практически, не упоминались какие-либо традиции, еще активно бытовавшие в то время в деревнях (круги брачных связей, песенный и танцевальный фольклор, игровая культура и пр.), но отбирались и просмеивались те из их числа, которые могли вызвать отторжение у части населения (договор о браке между родителями молодых, «постельный» обряд и пр.). Наиболее восприимчивыми к такому типу агитации в сибирских селах стали незамужние девушки и молодые бабы, а также солдатки и вдовы. Можно однозначно констатировать, что полевой материал не дает никаких свидетельств о проявлениях «новой красной» обрядности в сибирских селах в 1920-х гг. Поэтому сведения о «красных праздниках» основываются только на сообщениях корреспондентов в прессе 1920-х гг., что говорит о высокой степени декларативности этого явления.

Советские идеологи в 1920-е гг. смоделировали образ «новой женщины» и использовали мощные политические рычаги и пропаганду. Тем не менее, нововведения советской власти в отношении женщины с трудом внедрялись среди сельского населения Сибири, и, как показали исследования этнологов, только в 1930-е гг. раскрестьянивания и массовых репрессий традиционные представления об образе женщины-крестьянки, ее роли в семье и общественной жизни стали сдавать свои позиции.

Воплощение образа «новой советской женщины» и трансформация представлений о гендерных ролях в сибирской деревне происходили постепенно, наталкиваясь на множество трудностей, в том числе связанных с религиозностью сибирских крестьян, нежеланием населения менять привычный образ жизни, ценностные установки и поведенческие стереотипы. Диссертант пришел к выводу о том, что образ русской сибирской крестьянки в 1920-х гг. еще во многом соответствовал традиционным представлениям о роли, функциях и месте женщины в жизненном цикле семьи (рода), несмотря на то, что именно в этот период в обществе были запущены многие механизмы по конструированию образа «новой женщины», принесшие свои результаты несколько позднее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИНФОРМАНТОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Архив ИАЭТ СО РАН, материалы Восточнославянской этнографической экспедиции, полевые сезоны 1990 – начало 2000 гг., руководитель д.и.н. Е.Ф. Фурсова.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1353, 47, 1, 895.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6983, 3316.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Р-173, Р-202, Ф. 243.
5. Отдел архива администрации Сузунского района Новосибирской области.
6. Центральное хранилище архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК).
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. 8 марта в деревне. Л.: Сектор «работница и крестьянка», 1926. – 80 с.
2. 8 марта в избе-читальне. Инструктивный сборник. М.-Л., 1926. – 72 с.
3. 8-е марта в избе-читальне. Материалы к проведению международного дня работницы и крестьянки. Составлено при участии жен-отдела Ленинградского Губкома РКП(б). Л.: Сектор «работница и крестьянка», 1925. – 72 с.
4. 8-е марта 1925 года – 8-е марта 1926 года. Сборник циркулярных распоряжений и постановлений по работе среди работниц и крестьянок, партийных, советских, профессиональных и кооперативных органов на 1925 г. М., 1925. – 38 с.
5. 8-ое марта. Материалы для городских докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню в 1928 г. Ростов-на-Дону: Издание АПО и Отледа работниц и крестьянок Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП(б), 1928. – 32 с.
6. Аборты в 1925 г. М., 1927. – 82 с.
7. Абрамов Ф. Как вести антирелигиозную работу среди крестьянок. М.-Л., 1930. – 71 с.

8. Артюхина А.В. Очередные задачи партии в работе среди женщин. М.-Л., 1928.
9. Балакин Е., Шастин Н. Комсомол и советское строительство в деревне. М.-Л.: Молодая гвардия, 1926. – 88 с.
10. Баранов А., Сибирячка З. Женщины Урала в борьбе и за работой. Свердловск: Издание Отдела работниц и крестьянок и истпарта Ураловкома ВКП(б), 1928. – 120 с.
11. Беленький Г.С. Женщина работница и социальная политика (Санитарно-социологический этюд). Томск: Изд. Томского Губ. Отдел. – 1921. – 28 с.
12. Бородкина М.В. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки. Томск: Красное знамя. – 23 с.
13. Бородкина М.В. Частушки // Труды Томского краеведческого музея. – Т. 1. Томск. – 1927. – С. 90 – 94.
14. Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на западе и в СССР. Исторический очерк. М., 1929. – 128 с.
15. Бушмакин Н.Д. Особенности населения Сибири перед лицом индустриализации.// Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. - Том 5. Новосибирск, 1928. – С. 53-58.
16. Васильева Л.И. Организация труда в крестьянском хозяйстве. Вып. 22. Омск: Изд-во Западно-Сибирской обл. сельскохозяйственной опытной станции. – 1929. – 65 с., 9 таблиц.
17. Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых. М., 1926. – 31 с.
18. Волжский А. Рождественская вечеринка. М. – Л., 1926. – 80 с.
19. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928.. Т.6. – 339 с.; М., 1929. Т. 23. – 411 с.; М., 1930. Т. 34. – 226 с.; М., 1931. Т. 10. – 275 с.
20. Второй краевой съезд Советов Сибири (1 – 6 апреля 1927 г.). Газетные репортажи и документы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – 228 с.
21. Деятельность отделов по работе среди женщин Р.К.П.(б). М., 1921. – 64 с.
22. Естественное движение населения в Сибкрае за 1925-1927 гг. Новосибирск: Стат. Отдел, 1930. – 96 с.

23. Женщина в русской живописи. Выставка 8 марта 1925 г. М.: Издание государственной Третьяковской галереи, 1925. – 16 с.
24. Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 г. по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. – 178 с.
25. Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1929. – 166 с.
26. Итоги 10% выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 г. по Сибирскому краю. Ц.С.У. Новосибирск: Сибирское краевое статистическое управление, 1926. – 184 с.
27. Итоги Всесоюзной демографической переписи 1926 г. по населенным пунктам Минусинского округа. Минусинск, 1927. – 122 с.
28. Итоги демографической переписи 1920 г. по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск: Губстатбюро, 1923. Вып. 2. – 109 с.
29. К вопросу о введении всеобщего начального обучения в Сибирском крае. Вып. 2. Новосибирск, 1929. – 86 с.
30. Клячкин В.Е. Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923-1926 гг. (с 50-ю таблицами). Омск: Издание Сибкрайздрава и Омского окружного здравоотдела, 1928. – 50 с.
31. Ковнатор Р. 8 марта. Международный женский коммунистический день. М.-Л., 1925. – 80 с.
32. Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Часть 2: «Антология любви». М.: Политиздат, 1990. С. 323-334.
33. Коллонтай А.М. Работница и крестьянка в Советской России. М.-П., 1923. – 35 с.
34. Коллонтай А.М. Работница-мать. Омск, 1920. – 32 с.
35. Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней: Речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами. М., 1921. – 23 с.

36. Корнев В.С. Народное хозяйство Томской губернии (Сборник статистических и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 г.). Томск: Издание Томско-Нарымского Союза Потребобществ, 1924. – 234 с.
37. Коробейников Н.А. Труженица Урала на борьбу за новую жизнь. Свердловск-Москва, 1930. – 16 с.
38. Корчагин А.А. Естественное движение населения Иркутской губернии за 1920–1923 гг. Иркутск, 1924. – 18 с.
39. Крупская Н.К. 8 марта международный женский день. М., 1928. – 16 с.
40. Крупская Н.К. Политико-воспитательная работа 1920-1923 гг.: Сборник статей. М., 1924.
41. Крупская Н.К. Заветы Ленина и раскрепощение женщины. М., 1933. – 88 с.
42. Крупская Н.К. Всем крестьянкам. М.: Долой неграмотность, 1925.
43. Лебедева В.П. Некоторые итоги. – М., 1928. – 32 с.
44. Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества и охрана женского труда. М., 1922.
45. Ленин В.И. К 8 марта. М.: Отдел работниц ЦКРКП, 1924. – 24 с.
46. Ленин В.И. Письмо Инессе Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 49. С. 54-57.
47. Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. – 595 с.
48. Марков В.Д. Живые доклады. Руководство для деревенских политпросветчиков и драматических кружков. М.: Центральный дом искусства в деревне им. Народного художника В.Д. Поленова «Долой Неграмотность», 1927. – 72 с.
49. Марков В.Д. Красная свадьба в деревне. М.: Центральный дом искусства в деревне им. Народного художника В.Д. Поленова «Долой Неграмотность», 1927. – 48 с.
50. Маркс К. Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. – 225 с.
51. Материалы и методологические указания к программной и практической работе делегатских собраний крестьянок Сибирского Края. Новосибирск, 1927.

52. Материалы к международному дню работниц 8-го марта 1923 г. М.: Бюллетень Отдела ЦКРКП по работе среди женщин, 1923. – 15 с.
53. Материалы ко Второму Всероссийскому Съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов. М., 1924. – 176 с.
54. Материалы совещания работников среди женщин. 22-24 декабря 1922 г. М., 1923. – 24 с.
55. Мурин В.А. Красные избушки и посиделки. М.-Л.: Красный пролетарий, 1927. – 64 с.
56. Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. – 158 с.
57. Народное хозяйство СССР. 1922-1972. Стат. Ежегодник. М., 1972. – 848 с.
58. Народное хозяйство Томской губернии. Отчет Томгубэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 г. Томск, 1923. – 1052 с.
59. Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.). Новониколаевск, 1921. – 215 с.
60. Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925.
61. Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927. – 615 с.
62. Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибирском Крае. Новосибирск: ЦСУ, 1927. – 63 с.
63. Сборник материалов совещаний заведующих областными женотделами совместно с заведующими женотделами некоторых промышленных и голодающих губерний. М.: ЦК РКП(б), 1922.
64. Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 г. Омск: Издание Отдела Управления Сибревкома, 1921. – 92 с.
65. Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924, 1925 гг. Томск, 1928. – 215 с.
66. Серман Г. Что такое охрана материнства и младенчества и как ее нужно строить? Гомель, 1920.

67. Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск: Издание Статсектора Крайплана, 1930. – 804 с.
68. Сибревком. Август 1919 – декабрь 1925: сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959. – 658 с.
69. Слободский М. Песни села Коларово, Томского округа // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. С. 95 – 109.
70. Соколова О. Делегатские собрания крестьянок. М.: «Долой неграмотность», 1925. – 56 с.
71. Спутник организатора крестьянок. М.: Издание Отдела работниц и крестьянок ВКП(б), 1926. – 156 с.
72. Сталь Л. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.-Л., 1926. – 71 с.
73. Сталь Л. Чему учил В.И. Ленин работниц и крестьянок. М.-Л., 1926. – 96 с.
74. Степанов И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. – 76 с.
75. Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922 – 23 гг. Л., 1924.
76. Судьба человеческая. Новосибирск: Новосибирский государственный областной дом народного творчества, 2001. – 71 с.
77. Тан – Богораз В.Г. Старый и новый быт. Л, 1924.
78. Тезисы и резолюции IV Всероссийского совещания Завгубженотделами. Бюллетень № 15 Отдела ЦКРКП по работе среди женщин. М., 1921. – 32 с.
79. Тракман М. Перспективы развития здравоохранения в Сибири (1928/29 – 1932 – 1933). Новосибирск, 1929. – 16 с.
80. Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. – 164 с.
81. Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. – 24 с.
82. Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. – 32 с.
83. Фогель А. 8 марта в городе и деревне. М.-Л., 1928. – 68 с.
84. Шамурина З. 8-ое марта. Международный женский день. М.-Л.: Библиотечка «Долой неграмотность», 1926. – 66 с.

85. Экономический и статистический обзор Томской губернии. Томск, 1924. – 280 с.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ 1920-Х ГГ.

1. **Антирелигиозник.** Ежемесячный научно-методический журнал. Орган Исполбюро Центрального Совета Союза безбожников, г. Москва.
2. **Безбожник.** Двухнедельный иллюстрированный журнал. Орган Исполбюро Центрального Совета Союза безбожников СССР, г. Москва.
3. **Деревенский театр.** Ежемесячный журнал Главполитпросвета и Политпросвета ЦК РЛКСМ. Издание «Крестьянской газеты», г. Москва.
4. **Жизнь Сибири.** Ежемесячные журнал политики, экономики и краеведения. Изд. Сибкрайисполкома, г. Новониколаевск-Новосибирск
5. **Коммунистка.** Ежемесячный журнал. Орган Отдела ЦКРКПБ по работе среди женщин, г. Москва.
6. **Красная рубаша.** Приложение к журналу «Деревенский театр», Издательства «Крестьянская газета», г. Москва
7. **Красная сибирячка.** Ежемесячный художественно-литературный и научно-популярный журнал. Издание отдела Сибкрайкома РКП по работе среди работников и крестьянок, г. Новониколаевск – Новосибирск.
8. **Красные вехи.** Двухнедельный журнал административной, общественной и экономической мысли. Орган Тюменского Окружного Исполнительного Комитета С.Р. и К.Д.
9. **Сибирская деревня.** Ежемесячный журнал. Издание газеты «Сельская правда», г. Новониколаевск – Новосибирск.
10. **Сибирская язва.** Сибирский сатирический журнал, г. Красноярск.
11. **Сибирский медицинский журнал** (сокр. СМЖ). Ежеквартальный журнал. Печатный орган Комитета сибирского краевого здравоохранения, г. Томск.
12. **Сибирский педагогический журнал.** Периодичность: шесть выпусков в год. Печатный орган Сибнаробраза. Сибирское областное государственное издательство, г. Новониколаевск-Новосибирск.

13. **Советская Сибирь.** Ежедневная газета, г. Новониколаевск-Новосибирск.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Архипова Таисья Степановна, 1911 г.р., дер. Новососедово (Старый Искитим) Искитимского района Новосибирской области. Чалдоны. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1990, № 20, л. 49 об. Картотека.

Бояринцева (Заволюева) Мария Васильевна, родилась в с. Рогозиха Павловского района Алтайского края. По материнской линии – курские, по отцовской – тамбовские переселенцы. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1995, № 33а, л. 6. Картотека.

Васильева (дев. Куприянова) Василиса Пантелеймоновна, 1928 г.р., родилась и проживала в с. Малоархангельское Читинской области. Старообрядка поповского согласия (семейская). Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 2010, № 64, л. 36.

Деревнина Таисья Александровна, родилась в п. Маслянино Барнаульского уезда Томской губернии. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1995, № 34. Картотека.

Ишимова Мария Михайловна, 1905 г.р., с. Маслянино НСО. Родители привезли в Сибирь в двухлетнем возрасте в 1907 г. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1995, № 34.

Кириллова Ирина Харламптьевна, 1915 г.р., д. Средний Алеус Ордынского района Новосибирской области. Потомственная двоеданка. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1992, № 23, л. 18 об.

Ковалева Татьяна Андреевна, 1924 г.р., дер. Прямское Черепановского района Новосибирской области. Деда по отцу приехали из Волынской губернии, по матери – из Черниговской губернии. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1991, № 21, л. 92.

Кручинина Мавра Кузьмовна, 1904 г.р., родилась в дер. Зудово Ояшинской волости Томского уезда. Деда по отцу из Калужской губернии

приехали в середине XIX в., по матери – вятские. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1989, №16, л. 58 об.

Кудрявцева Дарья Никифоровна, 1911 г.р., дер. Доронино Тогучинского района Новосибирской области. Все деды чалдоны. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1989, № 15.

Лямзина (дев. Здобникова) Федосья Прокопьевна, 1908 г.р., родилась в Камышенке Петропавловского района Алтайского края. Родителей привезли в трехнедельном возрасте. Мама – воронежская, российская. Папа – из с. Быстрый Исток, сибиряк, не чалдон. Проживала в с. Солонешное Алтайского края. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1998, № 38, л. 4.

Маторина Анна Дмитриевна, 1930 г.р. д. Тамбовка Сидельниковского района Омской области. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 2014.

Мордакина (Муравьева) Александра Федотовна, 1917 г.р., родилась в Орловской губернии. Проживает в деревне Кирза Ордынского района Новосибирской области. Репрессированные. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1993, № 27.

Огнёва Прасковья Северьяновна, 1918 г.р., село Солонешное Алтайского края. Родители и деды местные «коренные сибиряки». Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1998, № 38, л. 6 об.

Плющов Тимофей Иванович, 1917 г.р., родился в д. Загайново Тальменского района Алтайского края. Потомок курских переселенцев. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН ПМА 1998, № 41.

Пойлов Иван, 1919 г.р., с. Тогул Алтайского края. Родители приехали их Пензенской губернии. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1983, № 12, л. 123.

Попилина Ольга Семеновна, 1903 г.р., родилась в Данковском уезде Рязанской губернии. В Сибирь привезли в пятилетнем возрасте. Проживала в дер. Новошмаково Черепановского района Новосибирской области. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1992, № 28.

Попова Ульяна Никифоровна, 1900 г.р., с. Крутиха Алтайского края. Дед-старовер Попов Ефим Маркович был сослан в Сибирь «за раскол» с р.

Челябы. Отец перешел в РПЦ. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1999, ПМА № 44.

Присекин Степан Корнеевич, 1900 г.р., с. Крутиха Каменского района Алтайского края. Потомок курских переселенцев. Мать привезли 5 лет в 1888 г. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1990, № 1а, л. 19.

Романова Ольга Федоровна, 1904 г.р., родилась в Вятской губернии. В Сибирь приехали в 1908 г., привезли в 4-х годовалом возрасте, проживала в г. Новосибирск. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1990.

Таловская Елена Петровна, 1913 г.р., с. Старый Искитим Искитимского района Новосибирской области. Старожилы. Считала, что прадеды были сосланы «из Польши». Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1990, № 19, л. 19 об. Картотека.

Шадрина (дев. Толмачева) Татьяна Ивановна, 1910 г.р., с. Шубинка Шубинской волости Бийского округа. Деда переселились в 1880-х гг. из Рязанской губернии. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН ПМА 1998, № 38.

Чанова Мария Васильевна, 1913 г.р., дер. Мереть Сузунского района Новосибирской области. Все деда были чалдоны. Вышла замуж в соседнюю дер. Каргополово. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1991, № 21. Картотека.

Ческидова Анна Денисовна, 1915 г.р., дер. Малышево Барнаульского уезда. По линии отца приехали из Смоленской губернии, по линии матери – из Курской. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1991, № 26, л. 63 об. Картотека.

Чичин Анатолий Александрович, 1923 г.р., родился в д. Сосновка Манского района Красноярского края. Отец минский переселенец, мать из семьи черниговских переселенцев. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 2009, № 63.

Шабурникова Дарья Дмитриевна, 1909 г.р., родилась в «Челябе», привезена в четырехлетнем возрасте. Проживала в дер. Усть-Чем Искитимского района Новосибирской области. Старообрядка - «двоеданка». Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1990, № 19, л. 47. Картотека.

Шмакова Александра Ивановна, 1918 г.р., с. Лебедево Тогучинского района Новосибирской области. Старообрядцы. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1989, № 15. Картотека.

Шмакова Вера Ефимовна, 1922 г.р., дер. Новошмаково Черепановского района Новосибирской области. Чалдоны. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1989 1992, № 28.

Шмакова Раиса Леонтьевна, 1902 г.р., родилась в Новошмаково Черепановского района Новосибирской области. Кержаки австрийского согласия. Проживала в дер. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН 1989 1992, № 28. Картотека.

Щербакова Анна Ильинична, 1916 г.р., д. Петропавловка Венгеровского района Новосибирской области, потомок украинских переселенцев. Материалы ВСЭЭ ИАЭТ СО РАН ПМА 2003, ПМА № 51, л. 24 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской истории. М., 1999. - 214 с.

2. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – нач. XVIII: Енисейский край. М.: Наука, 1964. - 304 с.

3. Анистратенко В.П. Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу. // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1970. С. 77-96.

4. Антокольская М.В. Лекции по семейному праву. М, 1995. – 180 с.

5. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М.: Юрист, 1999. – 336 с.

6. Аракелова М.П., Басистая Н.П. Женщины России: опыт истории. М., 2000. – 156 с.

7. Аракелова М.П. Охрана материнства и детства (опыт истории) // Историки размышляют. Сборник статей. Выпуск 5. М.: Звездапад, 2006. С. 78-92.

8. Араловец Н.А. Разводимость городского населения РСФСР в 1920-е гг. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII – XX вв. Новосибирск, 1999. С. 162-164.
9. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954. – 175 с.
10. Араловец Н. Советская женщина – великая сила советского государства. М., 1946. – 60 с.
11. Баикина А.И. Великий Октябрь и становление партийной работы среди женщин (политический аспект): некоторые вопросы истории и историографии. // Великий Октябрь и гражданская война в России: проблемы историографии, источниковедения, археографии. Калинин, 1987. С. 122- 132.
12. Баикина А.И. Из истории работы партийных организаций Зауралья. // Общественные науки и молодежь. Тюмень, 1975.
13. Баикина А.И. Из истории борьбы с женской безработицей в Зауралье (1921-25 гг.). // Из истории партийных организаций Западной Сибири и Урала (1917 – 1980 гг.). Тюмень, 1981.
14. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. – 224 с.
15. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. – 281 с.
16. Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956. – 264 с.
17. Боженко Л.И. Крестьянство Сибири в условиях «военного коммунизма»// Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 226-232.
18. Боженко Л.И. Культурно-просветительская работа в Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1921-25 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1963. – 377 с.
19. Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период (1921-1925 гг.). Томск, 1978. - 264 с.

- 20.Бойко В.В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985. - 238 с.
- 21.Бородина А.В., Бородин Д.Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-30-е гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 45-51.
- 22.Борщук К.В. Партийная организация Забайкалья в борьбе за вовлечение женщин в строительство социализма (ноябрь 1922- 1925 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1965. – 48 с.
23. Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975. – 226 с.
24. Бреус И.С. Семейные отношения в контексте изучения правовой культуры в русской деревне XX века. // Полевые исследования института этнологии и антропологии. М.: Наука. – 2003. - С. 21 – 32.
25. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. - 250 с.
26. Быстренко В.И. Наемный труд в сибирской деревне в 1920е гг. (Партийно-государственная политика в отношении батрачества). Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. - 286 с.
27. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
28. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. М.: Наука, 2005. – 368 с.
29. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
30. Вишневский А.С. Современная семья: идеология и политика. // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 110-120.
31. Власова И.В. Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 2001. – 280 с.
32. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986. – 271 с.
33. Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1976. – 380 с.
34. Ворожейкин Е.М. Брак и семья в СССР. М., 1973. – 64 с.

35. Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
36. Волчо Е.В. Образ мужа в материалах журнала «Красная сибирячка в 30-е гг. XX в. // Алтайский региональный исторический портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/71-74.html#note1>
37. Гареева И. В. История возникновения женского журнала «Красная сибирячка» // 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы Регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 90.
38. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории стуктурации. М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
39. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. – 168 с.
40. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999. – 384 с.
41. Горнова Г.Ф. Из истории организации и деятельности делегатских собраний работниц Пермской губернии (1919 – 1923 гг.). // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1966. С. 33-46.
42. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во II половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1989. - 25 с.
43. Горюшкин Л.М., Пронин В.Н., Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции. // Историческая демографии Сибири. Новосибирск, 1992. С. 84-101.
44. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. – 541 с.
45. Гущин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. - 82 с.
46. Гущин Н.Я. Основные этапы, закономерности и особенности преобразования социальной структуры сибирской деревни (1917- конец 1970-х гг.). Новосибирск, 1982. – 85 с.

47. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.). Новосибирск, 1973. - 518 с.
48. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в Сибирской деревне, 1920-е - середина 1930-х годов. Новосибирск. 1978. - 330 с.
49. Гуцин Н.Я., Московский А.С., Соскин В.Л. Историография Сибири: советский период. Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 1980. – 88 с.
50. Дарский Л.Е. Формирование семьи: демографо-статистическое исследование. М.: Статистика, 1972. – 208 с.
51. Демографическая политика в современном мире. М.: Наука, 1989. – 180 с.
52. Демографическая политика. Опыт социалистических стран. М.: Финансы и статистика, 1983. – 189 с.
53. Демографические процессы в социалистическом обществе. М.: Финансы и статистика, 1981. – 295 с.
54. Демографические процессы в СССР 1920-1980 гг. Современная зарубежная историография. М., 1991. – 128 с.
55. Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. – 216 с.
56. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. - 607 с.
57. Демографическое развитие Сибири. Новосибирск, 1987. – 142 с.
58. Дулов А. Брак, семья, материнство в государственной политике БССР 1920 – первой половины 1930-х гг. // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск: БГПУ, 2004. С. 218-235.
59. Евдокимова Е.В. Редакционная политика журнала «Красная сибирячка» в 1920–1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Том 12. Вып. 6: Журналистика. С. 25-29.
60. Емельянова Е.Д. Борьба коммунистической партии за вовлечение женщин в социалистическое строительство в восстановительный период (1921 – 1925 гг.). Автореф. дисс. на соискан. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1961. – 21 с.

61. Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Опыт работы коммунистической партии среди трудящихся женщин (октябрь 1917 – 1925 гг.). Смоленск, 1971. – 238 с.
62. Ермаков А.М. Конструирование женских образов в Союзе немецких девушек. // Вопросы отечественной и зарубежной истории. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2006. С. 79 – 97.
63. Ефанов Л.Д. Крестьянская взаимопомощь в Сибири: из опыта партийного руководства кресткомами (1921-1952). Томск, 1982. - 257 с.
64. Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции. М.: Наука, 1993. – 448 с.
65. Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Материалы научно-практической конференции. Оренбург. 2002. – 244 с.
66. Жигунова М. А. Женщины и мужчины в контексте исторических перемен // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3(3). С. 120–123.
67. Жулаева А.С. Духовный кризис и пути его преодоления в восточносибирской деревне в первой половине 1920-х годов. // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы международной научной конференции. Красноярск, 2007. С. 286-292.
68. Жулаева А.С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири в 1920 – 1926 гг. (к проблеме соотношения традиций и новаций). Красноярск: рукопись кандидатской диссертации, 1999. – 224 с.
69. Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – 532 с.
70. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.) Историко - этнографические очерки. М.:МГУ, 1974. – 421 с.
71. Зверев В.А. Внутрисемейные отношения у русских крестьян Сибири конца XIX – XX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981. С. 82-108.

72. Зверев В.А. Воспроизводство сельского населения на начальном этапе демографического перехода России. // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130-153.
73. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861-1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1993. - 245 с.
74. Зверев В.А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического обучения // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 75 – 83.
75. Зверев В.А. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 62 – 79.
76. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861-1917 гг.). Новосибирск, 1998. - 119 с.
77. Зверев В.А. Численность и структура русской крестьянской семьи в Сибири периода империализма. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 28-56.
78. Здравомыслова Е.А. Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Гендерный выпуск. М., 2003. С. 436 – 463.
79. Здравомыслова, Темкина А.А. Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. – 310 с.
80. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.
81. Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII – начале XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск: НГУ, 1975. – 161 с.
82. Ильиных В.А. Крестьянская семья и двор в XX в.: историография проблемы // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 1998. С. 120-122.

83. Ильиных В.А. Русская деревня Сибири в советский период: тенденции и этапы процесса раскрестьянивания // Русский этнос Сибири в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 114 – 126.
84. Иникова С.А. Советские праздники в русской деревне // Российский этнограф. М., 1993. С. 122-139.
85. Иникова С.А. «Здравствуй, новая любовь! До свиданья, старая» («рязанские страдания» 1920-х гг.) // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 3. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2010. С. 99–107.
86. Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1976. – 477 с.
87. Историческая демография Сибири. М.: ИИ СО РАН, 1992. – 240 с.
88. Исупов А.В. Демографическое развитие русского населения Сибири в 1917 – 1959 гг. // Русский этнос Сибири в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 3 – 37.
89. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2000. – 244 с.
90. Исупов В.А. Проблема потерь населения СССР в отечественной и зарубежной историографии // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII - XX вв. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1999. – 214 с.
91. Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р. Символический репертуар государственной политики: Международный женский день в российской прессе, 1920-2001 гг. // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история. М., 2003. Вып. 5. С. 488-509.
92. Касьян А.К. Социально-экономическое развитие деревни Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 – 1928 гг.). Омск, 1976. – 108 с.
93. Кирка Л.С. Деятельность коммунистической партии по организации и воспитанию женской молодежи в восстановительный период (1921-1925 гг.). Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1983. – 25 с.

94. Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. Лекция. М.: МГУК, 1995. – 37 с.
95. Кислая Л. Н. Редакционная политика районной прессы (на примере газет Новосибирской области): Автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. – 23 с.
96. Кириченко О.В. Женское подвижничество в России (XIX – середина XX вв.). Свято-Алексиевская пустынь, 2010. – 675 с.
97. Климанская К.Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск, 1976. – 116 с.
98. Климанская К.Е. О некоторых формах массово-политической работы среди крестьянок Сибири (1921-1925 гг.) // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969.
99. Климанская К.Е. Деятельность партийных организаций Сибири по атеистическому воспитанию женских масс (1920-1925 гг.). / Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1972. С.39-51.
100. Козлова И.П. Борьба КПСС за повышение культурно-политического уровня и уровня политической активности крестьянок в конце восстановительного периода (1924-1925 гг.). М., 1959.
101. Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в. Дисс. канд. ист. наук. Бийск, 2010.
102. Традиционные представления о женском теле русских Алтая // Известия АлтГУ. 2008. № 4-4. С. 79-81.
103. Красноженова М.В. Ребенок в крестьянском быту: Семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX – первой трети XX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – 60 с.
104. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917 – 1937 гг. Новосибирск: Наука, 1983. – 390 с.
105. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.

106. Крюкова С.С.. Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. Сборник документов. М., 2001. – 230 с.
107. Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920 – х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск: НГУ, 2001. – 235 с.
108. Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.: Учеб пособ. Новосибирск: НГУ, 1992. – 96 с.
109. Кулемзин В.М. Семья как фактор социальной стабильности в традиционном обществе // Вопросы географии Сибири. Томск, 1993. Вып. 20. С. 55—60.
110. Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. - 383 с.
111. Курышев И.В. Крестьянство Западной Сибири в годы гражданской войны (нравственные аспекты)// Из истории революций в России (первая половина XX в.): Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2. С. 42-47.
112. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII - начало XX века. М., 1996. - 270 с.
113. Листова Т.А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX - начало XXI в. Автореф. на соискание ученой степ. канд. ист. наук. М., 2006. – 42 с.
114. Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX - 20-е годы XX в.). // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142-170.
115. Литвинова Г.И. Охрана материнства и детства в СССР. // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 33-45.
116. Лукинский Ф.А. Народное образование в Сибири (1928-1941 гг.). Новосибирск, 1982. - 223 с.
117. Луначарский А.В. О быте. М.-Л., 1927. – 89 с.

118. Макашина Т.С. Русская свадьба: создание современного обряда и традиция // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 154–173.
119. Малышева С.Ю. Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Москва: ИВИ РАН, 2005. № 10. С. 21-40.
120. Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917 – 1920 годов. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Т. 10. М., 2003. С. 231-254.
121. Материнство и детство в России XVIII – XXI вв. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. Ч. 1-2. М., 2006. – 248 с.
122. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.) Новосибирск, 1979. – 350 с.
123. Миронов Б.Н. Историк и социология. Л.: Наука, 1984. – 174 с.
124. Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, 1991. – 168 с.
125. Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993. - 160 с.
126. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2013. – 299 с.
127. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. - 172 с.
128. Население России в 1920-50-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. - 223 с.
129. Новосибирская губерния – Новосибирская область. 1921 – 2000. Хроника. Документы. Новосибирск: Администрация НСО, 2001. – 327 с.
130. Олозоева Н.Р. Деятельность Бурятской областной партийной организации по вовлечению женщин в строительство социализма (1917-1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.

131. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. – 188 с.
132. Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. / Под редакцией А.А. Гусейнова и др. М.: Политиздат, 1989. – 509 с.
133. Паршенков В.Г. Деятельность партийной организации Сибири по формированию социалистического быта крестьянства в доколхозной деревне // Большевики и сибирская деревня в период построения социализма (1917 – 1937). Красноярск: КГПУ, 1981. С. 37 – 51.
134. Правкина И.А. Концептуальные основы государственной политики в отношении женщин в СССР: историографический аспект // Женщины в российском обществе. 1997. № 3. С. 31-37.
135. Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск: Наука, 1977. – 304 с.
136. Проблемы социального развития деревни советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. – 293 с.
137. Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 88-102.
138. Прончатова-Рубцова Д.В. Деятельность Коммунистической партии по повышению общественно-политической активности женщин в годы восстановительного периода: на материале Нижегородской губернской партийной организации, 1921-1925 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1975.
139. Пушкарев А.М. К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг. (Проблема «новой половой морали» в работах А.М. Коллонтай). // Женщина в российском обществе. 2005. № 1-2 (34-35). С. 55 – 75.
140. Пушкарева Н.Л., Козьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение, 2003. № 4. С. 67 – 89.
141. Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X - XX вв.: этапы истории. // Этнографическое обозрение, 1994. № 5. С. 3 – 15.

142. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье: традиции и современность. // Семья, гендер, культура. Материалы международной конференции 1994 и 1995 гг. М.: ИЭА РАН. 1997. С. 187-197.
143. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2014. – 640 с.
144. Россия нэповская: Политика, экономика, культура. // Тезисы Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1991. - 305 с.
145. Ростовская Н.А. Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период. // Известия Пензенского Государственного педагогического университета им. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 950-953.
146. Румянцева И.Н. О роли делегатских собраний Томского округа в практической подготовке женщин к хозяйственно-политической деятельности (1926 -1930 гг.). // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Вып. 6. Томск, 1970. С. 5 – 21.
147. Русские. М.: Наука, 1997. – 828 с.
148. Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука. – 342 с.
149. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. – 144 с.
150. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX – XX в. Л., 1967. – 280 с.
151. Салова Ю.Г. «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы. Учебное пособие. Ярославль, 1998. – 68 с.
152. Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М.: ИЭА РАН. 1997. – 416 с.
153. Семья как объект социально-демографического исследования. Свердловск: Академия Наук СССР УНЦ, 1984. - 128 с.
154. Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 2: Сибирь социалистическая. Новосибирск, 1981. – 180 с.

155. Силин А.В. Эмансипация по-большевистски: вовлечение женщин в профессиональное образование и производительный труд в 1920-е годы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 2012-1. С. 191-194.
156. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М.: Наука, 1989. – 104 с.
157. Скворцов-Степанов И.И. Основные течения в антирелигиозной пропаганде. М.: Безбожник, 1925.
158. Скобло Е.В. Эволюция женской периодики в дореволюционной России. // Литературоведение и журналистика. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000. С. 256 – 263.
159. Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
160. Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). М., 2009. – 222 с.
161. Слезин А.А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 80 – 85.
162. Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 191–209.
163. Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.–практ. материалов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – 532 с.
164. Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа. Новосибирск, 1971. – 352 с.
165. Соскина А.Н. История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы. Новосибирск, 1976. - 284 с.

166. Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история / Под. Ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 528 с.
167. Социальная сфера: преобразование условий труда и быта. М.: Наука, 1988. – 336 с.
168. Социально-демографическое развитие Алтая в период социализма. Барнаул: АГУ, 1989. – 204 с.
169. Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. – 60 с.
170. Строкова И.Х. Борьба КПСС за вовлечение женщин-работниц в социалистическое строительство в период восстановления народного хозяйства (1921- 1925 гг.). Автореф. на соискание. степ. канд. ист. наук. М., 1954. – 16 с.
171. Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии в 1917-1941 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2008. Спб.: Алетейя, 2009. С. 303-329.
172. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. 3-е изд. М., 2010. - 480 с.
173. Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973. – 311 с.
174. Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII – начала XX вв.: Сборник научных трудов. Новосибирск: Издательство НГПИ, 1982. – 112 с.
175. Тульцева Л. Комсомольские, антирелигиозные // Наука и религия. 1978. № 10. С. 44-46.
176. Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. – 190 с.
177. Уварова Г.Т. Женотделы партийных комитетов Центрального Черноземья (1921-27 гг.). Воронеж, 1975. – 46 с.
178. Фахрутдинова А.З. Россия в поисках путей модернизации // Летняя философская школа «Бурмистрово – 97». Новосибирск: НГУ, 1998. С. 37 – 39.
179. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. Спб.: Наука, 2010. – 448 с.

180. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. – 448 с.
181. Фурсова Е.Ф. Местные «съезжие» праздники в Приобье // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994 – 1995 годах. Новосибирск, 2000. С. 206-212.
182. Фурсова Е.Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи и обряды. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. С. 97 – 129.
183. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М., 2003. – 342 с.
184. Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск, 1994. – 169 с.
185. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Этнические традиции материальной жизни. Пермь, 1991. – 112 с.
186. Черняк Е.М. Социология семьи. М., 1999 – 368 с.
187. Чижикова Л.Н. Традиции в современной сельской свадьбе русско-украинской этноконтактной зоны // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 89–113.
188. Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М.: Финансы и статистика, 1983. – 271 с.
189. Шильников А.С. Советская историческая литература о деятельности коммунистической партии по изменению социального положения трудящихся женщин (1921 – 1930 гг.). // Партийное руководство государственными и общественными организациями Сибири. Томск, 1980. С.49 – 55.
190. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1985. – 320 с.
191. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. – 528 с.
192. Эволюция семьи и семейной политики в СССР. М.: Наука, 1992. – 140 с.

193. Юскаев Р.Р. Западная историография женского движения в Советском Союзе в 1920-30 годах. // Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений. Сборник научных статей аспирантов. Часть 1. Спб., 1995. С. 127 – 131.
194. Юскаев Р.Р. Советские домохозяйки и женотдел 20-х годов. // Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений. Сборник научных статей аспирантов. Часть 1. Спб., 1995. С. 146-150.
195. Явнова Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Бийск, 2002.
196. Ярославский Е. Ленин и раскрепощение женщины. Второе издание. М., 1925. – 16 с.
197. Atkinson D., Lapidus A. Women in Russia. Stanford, 1977.
198. Attwood L. The New Soviet Man and Women. Indiana, 1990.
199. Atwood, R. Inessa Armand, Revolutionary and Feminist. 1992.
200. Brovkin V.N. Mobilization, Utilization, and the Rhetoric of Liberation Bolshevik Policy Toward Women. // The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars. Yale University Press, 1997. Pp. 212 – 234.
201. Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Michigan, 1989.
202. Clements, B. Bolshevik-Feminist: The Life of Kollontai. Blomington, 1979.
203. Farnsworth, B. Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. Stanford, 1980.
204. Gender in Russian History and Culture. New York, 2001.
205. Goldman W. Women, The Family and The New Revolutionary Order in the Soviet Union. // Promissory Notes: Women in The Transition to Socialism. 1989.
206. Goldman W. Women, the State and Revolution – Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936. Cambridge University Press, 1993.
207. Katainen E. “The New Women” in The Finnish Communist Women’s Periodicals in The 1920s. // Communism National and International. Helsinki. 1998. Pp. 299 – 313.

208. Lapidus A. Women in Soviet Union: Equality, Development and Social Change. Berkely, 1978.
209. Rowbothan S. Women, Resistance and Revolution. A History of Women and Revolution in the Modern World. New-York: Pantheon Books, 1972.
210. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia – Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860-1930. Princeton University Press, New Jersey. 1978.
211. Wood E. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington; Indianapolis, 1997.
212. Young J. P. Bolshevik Wives. A Study of Soviet Elite Society. Sydney University. 2008.